АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
им. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА

К. М. БАЙПАКОВ, Л. Б. ЕРЗАКОВИЧ

Древние города Казахстана

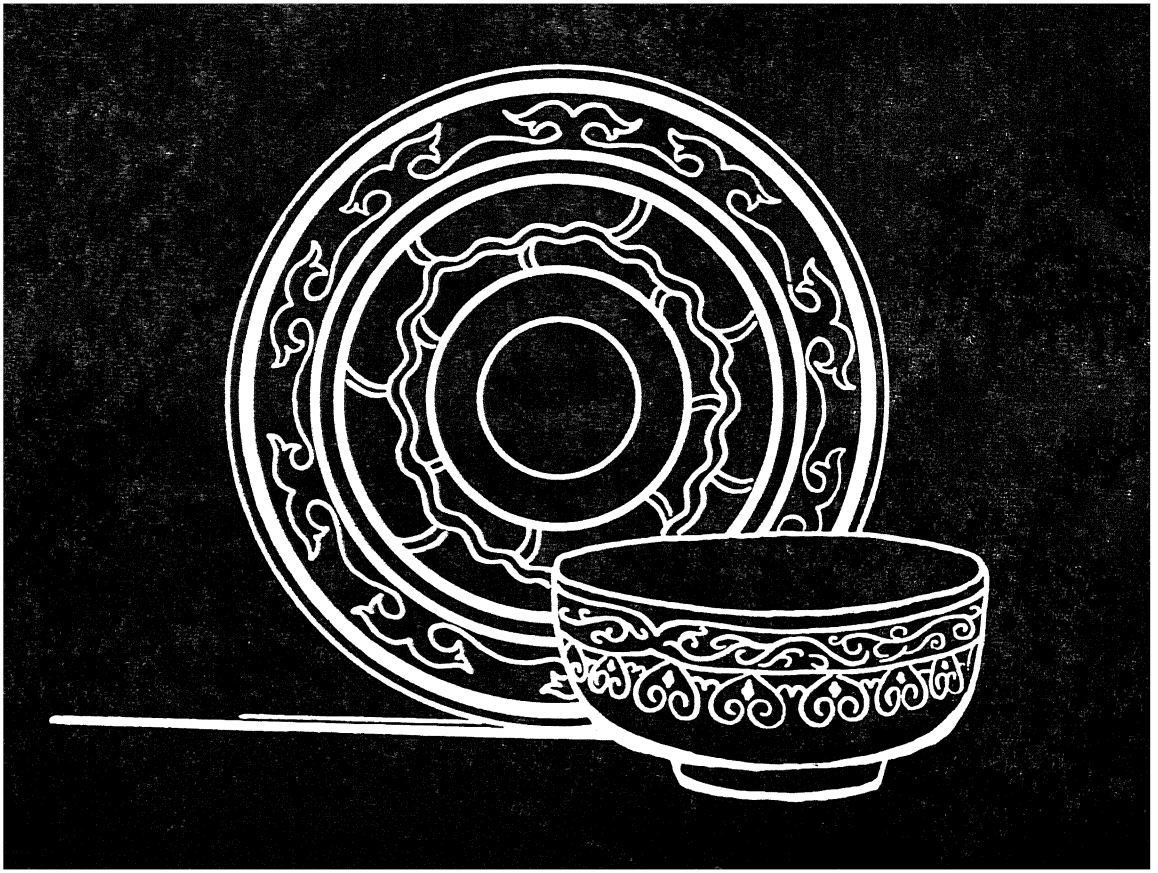

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»
КАЗАХСКОЙ ССР
АЛМА-АТА
1971

Ответственный
редактор
К. А. АКИШЕВ

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
1971 г.

1—6—2
76—71 м

УДК 930.26(574)

Древняя надпись на обломке глиняной вазы, руины заброшенного замка, мертвые города в центре пустыни... Об этих и многих других загадках истории Семиречья и Южного Казахстана рассказано в работе. Уже 10 лет исследуются городища Актам и Агашаяк в Прибалхашье, Жаксылык и Антоновское — в Приджунгарье, Талгар и Алматы — в Илийской долине. Благодаря раскопкам выяснено, что на месте нынешних развалин находились крупные ремесленные и торговые центры, а рядом с ними — цветущие земледельческие поселения.

На юге Казахстана археологи изучали и продолжают изучать такие широко известные в средневековье города, как Отрар, Туркестан, Сауран, Тараз, Сыгнак. В работе использованы не только архивные данные, но и материалы исследований последних лет, в которых участвовали авторы книги.

Работа рассчитана как на специалистов — историков и археологов, так и на широкий круг читателей, интересующихся прошлым своей Родины.

Рисунков 52, библиография — 10 названий.

К ЧИТАТЕЛЯМ

Эта книга о древних городах Казахстана. Скупые строчки старинных рукописей сохранили имена немногих из них на своих потемневших страницах. Названия других городов можно найти лишь в народных легендах и преданиях. Большинство же их остаются безымянными, и лишь заросшие бурьяном и кустарником руины напоминают о прежней жизни десятков поколений людей, которые трудились, созидали, строили дворцы и храмы, слагали прекрасные стихи, пели песни, любили и умирали. Но они не исчезли бесследно. Прошлое живет в узорах современных изделий, в мелодиях песен, в памяти нашего народа.

Мы любим свою историю. Мы чтим свое прошлое, восхищаемся и гордимся им, так как без него не было бы величия нынешнего. О чув-

ствах любви к своему прошлому проникновенно и точно сказал поэт Ярослав Смеляков:

История не терпит суесловья,
Трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью,
И не любить без памяти нельзя.

Безбрежны просторы Казахстана. Это и снеговые вершины Тянь-Шаня и степи Сары-Арка, долина Алаколя и Приджунгарье, пески Сары-Ишикотрау и своенравная Сырдарья. С гор стекают десятки бурных речек и рек — Чу, Талас, Чилик, Каратал, Арысь, Сырдарья. Прорезав ущельями горные хребты, они привольно и спокойно катят свои воды, орошая тысячи гектаров плодородных земель. По берегам расположены современные города и многие из них стоят рядом или прямо на развалинах своих древних предшественников. Так современность наглядно переплетается с прошлым, и познание основных периодов истории наших далеких предков представляет большую научную важность и вызывает самый неподдельный интерес у нас, наследников и преемников всего лучшего, что было создано.

Из многочисленных городищ и поселений выбраны лишь те немногие, о которых сообщают письменные источники и которые были в большей или меньшей мере изучены археологами. В раскопках одних

принимали участие авторы книги, другие изучались в разные годы и разными исследователями. Этим памятникам прошлого посвящены специальные научные статьи и целые монографии, в которых скрупулезно описывается ход раскопок, анализируется вещественный материал, строятся определенные концепции, высказываются интересные гипотезы. Обо всем, конечно, невозможно рассказать в небольшой книжке, но она и не претендует на всеобъемлющее освещение городской жизни былых времен. Авторы ставили своей задачей познакомить читателя лишь с эпизодами из средневековой истории Казахстана, а также в популярной форме отразить некоторые стороны культурной и экономической жизни прошлого, дать представление о прекрасных сооружениях его зодчих, рассказать о загадочных, пока не разрешенных вопросах.

Интерес к средневековой истории, проявляемый самыми широкими слоями нашей общественности, очень велик, и авторы хотели бы этой книгой удовлетворить его по мере возможностей.

ВВЕДЕНИЕ

В первой половине XVIII в., к моменту присоединения Казахстана к России, на его обширных пространствах находилось всего лишь несколько небольших городов, влачивших жалкое существование. Страна безбрежных степей, обитель кочевников — таким представлялся Казахстан путешественникам и ученым тех времен. К примеру, известный специалист по земледелию В. И. Масальский в книге «Туркестанский край», изданной в 1913 г., писал:

«В сущности вся история Средней Азии представляет историю тысячелетней борьбы кочевого населения, обитавшего в степях, с населением оседлым, жившим у подошвы гор и по долинам рек. Простор степей, зависимость существования от скотоводства, требующего обширных пастбищ, и другие условия жизненного уклада кочевника сделали его с незапамятных времен врагом оседлого жителя и вселили в

него страсть к разрушению всех препон, мешающих свободному передвижению. Идеал кочевника — безграничная степь, покрытая стадами тучного скота, и поэтому он при первой возможности сметет с лица земли все, что мешает ей стать пастбищем. Сады, дома, великолепные здания и произведения искусства не нужны и непонятны для кочевника, как непонятна и не нужна вся оседлая культура. Если бы кочевники могли, они весь мир бы обратили в пастбище».

Несостоятельность этого утверждения очевидна, против него говорят сами факты. Не «вечная борьба», а взаимосвязь кочевого и оседлого населения, чередование оседлого земледелия и пастбищного скотоводства отчетливо прослеживаются во всей средневековой истории. Один из крупнейших советских археологов — исследователь древнего Хорезма С. П. Толстов в своих работах приходит к выводу: «Было бы величайшей ошибкой видеть в городской цивилизации продукт развития только земледельческих оазисов. Лишь исходя из «первого значительного разделения труда» между кочевниками и земледельцами можно объяснить данный расцвет среднеазиатских городов, возникших и развивающихся как связующее звено между обеими главными отраслями экономики древней Средней Азии — скотоводческим хозяйством степей и земледельческим хозяйством оазисов».

А кроме того, «чистых кочевников» история вообще не знает. «У всех восточных племен, с тех пор как этот процесс происходит,— писал К. Маркс,— можно установить общее взаимоотношение между оседлостью одной части этих племен и продолжающимся кочевничеством другой части»*. Это в полной мере относится и к Казахстану, где

---

* К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч., т. XXI. М.-Л., 1929, стр. 488.

в период средневековья насчитывались десятки цветущих городов с прекрасными архитектурными ансамблями, с дворцами и мечетями, величественными мавзолеями и лачугами бедняков, с медресе и мастерскими гончаров, кузнецов и ювелиров.

Тысячелетие тому назад Мухаммед ибн Ахмед-ал-Макдиси, величайший арабский географ, уроженец Иерусалима, объездивший почти все мусульманские страны, писал лишь о древней области Испиджаб [современный Чимкент]: «Округ Испиджаб расположен посредине области Мавераннахра (имеется в виду Южный Казахстан и Северо-Восточный Узбекистан), его главный город — того же имени. К числу его городов относятся Хирлуг, Джумишлагу, Арсубаникет, Бараб, Шавагар, Сауран, Турар, Зерах, Шагилджан, Баладж, Барукет, Бурух, Яганкет, Азаккет, Дох Нуджикет, Тараз, Балу, Джикиль, Барсхан, Атлах, Джамукет, Шельджи, Куль, Сус, Такабкет, Дех Нави, Кулан, Мирки, Нушкет, Лакра, Джамук, Урду, Невакет, Баласагун, Лабан, Шуй, Абалык, Маданкет, Барсиан, Балыг, Джаркан, Яг, Якалык, Раванджам, Катак, Шур, Чашма, Диль, Авас, Джаркерд».

Кто же строил первые казахстанские города? Кто населял их? Когда они возникли? Как развивались? Почему погибли? Вот те вопросы, которые интересуют всякого, кто хочет знать о жизни средневекового Казахстана. Ответить на них помогают исследования географов и археологов, историков и востоковедов, среди которых мы должны назвать имена выдающихся русских ученых П. А. Лерха, В. В. Бартольда, Н. Н. Пантусова. В послереволюционное время в числе исследователей городской культуры Казахстана следует указать А. Н. Бернштама, М. Е. Массона, А. Ю. Якубовского, С. П. Толстова, А. Х. Маргулана, Е. И. Агееву, К. А. Акишева, Г. И. Пацевича и многих дру-

гих. Все они приложили поистине титанические усилия для того, чтобы оплывшие руины древних городов смогли заговорить о себе в полный голос.

Археологический материал, добытый в ходе раскопок, подтвердил слова К. Маркса о сочетании оседлости и кочевничества у восточных племен. Особенно убедительные данные о таком сочетании получены для первых веков нашей эры. На необъятных просторах Казахстана обитали многие племена и народы: в Семиречье — усуни, в Южном Казахстане и в предгорьях Каратау жили кангюи, в низовьях Сырдарьи была распространена так называемая «джетыасарская культура».

Название «усунь» дошло до наших дней в имени одного из крупных казахских родов Старшего жуза, и это является свидетельством значительной роли древних усуней в этногенезе казахского народа.

Усуни, судя по дошедшим до нас письменным сведениям, насчитывали около 630 000 человек. Столица их — Чигу — находилась где-то на юго-восточном берегу Иссык-Куля и до сего времени археологами не найдена.

Усуни были храбрым и воинственным народом, и поэтому не случайно с ними вынуждены были считаться могущественные соседи, всячески задабривавшие усуньских вождей — гуньмо, откупаясь от них богатыми дарами.

Интересно, что довольно долго в науке господствовало мнение, основанное на данных древних хроник, о том, что усуни «не занимались ни земледелием, ни садоводством, а со скотом перекочевывали с места на место, смотря по приволью в траве и воде». Поэтому ученые счита-

ли, что «отыскивать в настоящее время следы построек такого кочевого народа, каким были усуни, совершенно бесполезно».

Тем не менее следы усуньских поселений были найдены. В 1936 г., раскапывая один из холмов, которые десятками разбросаны вблизи современного села Луговое, А. Н. Бернштам наткнулся на остатки ранее неизвестной материальной культуры.

Перед взором археологов постепенно вырисовывались контуры древнего сельского поселения. От него сохранились сильно разрушенные жилища с саманными стенами и глинобитным полом. Потолочные перекрытия и крыша делались из дерева. Отапливались дома очагами подковообразной формы с глиняными стенками. На этих же очагах готовили пищу. На поселении обнаружены горшки с налипшим
12 на стенках просом, много каменных зернотерок, на которых размалывалось зерно, и каменные мотыги для рыхления земли. Все это вместе с обломками посуды, в которой нетрудно было узнать излюбленные усунями формы, украшенные орнаментом в виде каплевидных ямочек, не оставляло никаких сомнений в том, что жителями поселения были усуни, которые занимались не только скотоводством, но и земледелием.

Вскоре находки поселений усуней, знакомых с земледелием, перестали быть сенсацией. Они были открыты в Илийской долине, вблизи Алма-Аты, в Киргизии, на северных склонах Каратау.

Довольно основательно изучено на этих склонах поселение Актобе*. Здесь в течение нескольких лет, методически год за годом, архео-

---

* В науке пока еще не установлено, кому принадлежит это поселение — усуням или кангюям.

лог Т. Н. Сенигова освобождала из-под земли древнее селище. Его постройки были сделаны из сырцового кирпича и представляли собой целостный строительный комплекс. В центре находилось квадратное помещение, а к нему со всех сторон пристроены коридорообразные и квадратные жилища. Центральное помещение, видимо, было святилищем — домом огня, где поклонялись красным языкам пламени, теплым малиновым отсветам, плясавшим на стенах святилища. Огонь у древних олицетворял солнце, он очищал и рассеивал злых духов. И до сих пор почти у всех народов с огнем связаны многочисленные поверья: в огонь нельзя лить воду, плевать, сыпать мусор или грязь. Огонь — непременный участник народных преданий, сказок и песен. Вот, к примеру, посвященная огню песня алтайцев:

Зубы оскалившее пламя
Тридцатиголовая матушка огонь;
Зола — постель тебе,
Белая пыль — тебе подушка!
Вместо матери ты кормишь;
Под землею твой плод,
Небо родило тебя, матушка,
Сырое ты варишь,
Мерзлое растопляешь.

Другие помещения были жилыми. Стены их изнутри покрыты штукатуркой, в полах выкопаны ямы для хранения зерна. При раскопках собрано много глиняной посуды — горшков и сковородок для приготовления пищи, кувшинов для воды.

О земледелии говорят находки каменных мотыг и зернотерок, хлебные закрома, отпечатки соломы, о скотоводстве — кости барана,

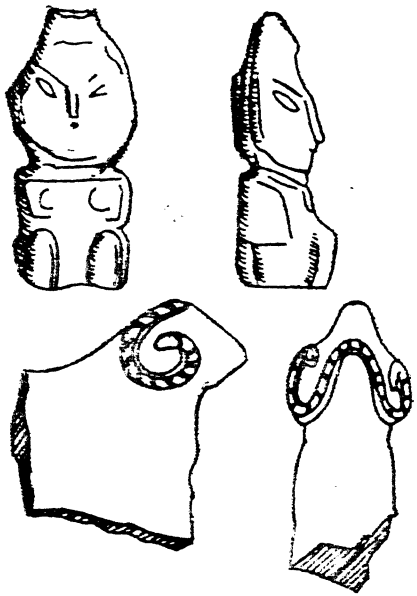

Рис. 1. Скульптурки древних кангюйцев.

лошади, верблюда. Перед нами яркий пример начального этапа земледельческой культуры, образец первых поселений, из которых впоследствии выросли города.

Несколько иным было положение на юге Казахстана, в районах, соседних со Средней Азией, где земледелие и городская культура имели глубокие древние традиции и находились на более высоком уровне развития. Испытывая влияние городских цивилизаций Средней Азии, племена кангюй в своем развитии несколько перегнали древних усуней.

К археологическим памятникам, которые при современном состоянии науки можно считать кангюйскими, следует отнести могильники в предгорьях Каратау и оседлые поселения в среднем течении Сырдарьи. Пожалуй, наиболее интересное из них поселение Актобе Чардаринское. Находится оно на правом высоком берегу Сырдарьи, в 15 *км* от поселка Чардарастрой вверх по реке. Со всех сторон оно опоясано валом и даже со

стороны обрывистого берега реки защищено стеной. Сооружена стена из глиняных блоков, напоминающих призмы, плотно подогнанные одна к другой. Центр поселения окружен еще одной стеной, изнутри к ней пристроены жилые помещения. Стены их сложены из сырцового кирпича и сохранили высоту до двух метров. Перекрывались помещения соломой и камышом, настилавшимися на поперечные деревянные балки. Интересно, что обогревались комнаты обыкновенными кострами, разводившимися прямо на полу, или теплом каминов, врубленных в стены, а пища приготовлялась на специальных печках, с вмазанными в них котлами и горшками. Можно мысленно представить, как, удобно расположившись вокруг костра или камина, мужчины долгими зимними вечерами вели неторопливые беседы, а за их спинами, у казанов, исходящих вкусными запахами готовящейся пищи, хлопотали женщины.

Рядовое население жило в простых саманных мазанках, старейшина или вождь племени — во дворце, который состоял из пяти помещений, входного комплекса и двух коридоров, огибавших все здание с запада и востока. В центре помещался квадратный зал, сообщавшийся с другими комнатами высокими арочными проходами. Кровли у помещений дворца были плоские и купольные, к ним вели лестницы. Душными ночами здесь можно было спасаться от жары, а в случае внезапной опасности лучшее место для обороны вряд ли можно было найти.

В результате раскопок удалось собрать много изделий, характеризующих жизнь обитателей поселения: глиняную посуду, железные ножи, зернотерки, «сурматаш» — каменную палочку, используемую для подкраски глаз, костяные пряжки, печать, бронзовые серьги в виде

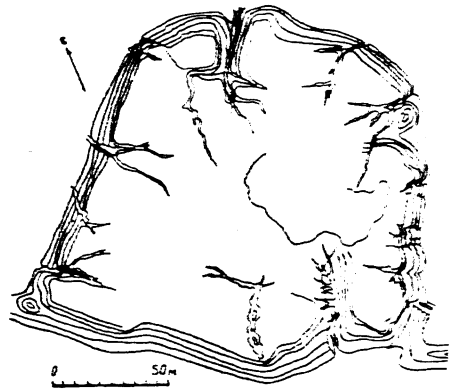

Рис. 2. План городища джетыасарской культуры.

двух колечек, золотую брошь с вставкой из красного стекла, стеклянные бусы.

Удалось установить и дату гибели поселения — это начало IV в. н. э. Именно так датируется погребение воина в деревянном гробу, совершенное после того, как поселение было уже заброшено и можно было одно из помещений превратить в своеобразный мавзолей.

В низовьях Сырдарьи, в бассейне старого ее русла — Кувандарьи, в первые века н. э. также развивалась земледельческо-скотоводческая культура, названная учеными джетыасарской, по имени урочища Джетыасар. Джетыасар означает по-казахски «семь памятников», на самом деле их здесь более двадцати. В течение ряда лет они исследовались Хорезмской археолого-этнографической экспедицией, руководимой С. П. Толстовым.

Столицей обнаруженного района было громадное трапециевидное городище Алтынасар площадью 16 *га*. Внутри оно застроено жилыми массивами, из которых раскапывались два — «Большой дом» и «Малый дом». Общая толщина культурных наслоений «Большого дома», накопленная за многие столетия, насчитывает 10 *м*, причем в жизни

дома наблюдаются два этапа. Первому из них соответствуют культурные слои, названные «горизонтом зернотерок», так как для размола зерна обитателям служили вначале примитивные каменные зернотерки. Второму периоду жизни соответствует «горизонт жерновов», сменивших зернотерки.

Жилой комплекс Алтынасара состоял из параллельных рядов длинных узких помещений. Стены их были сложены из сырцовых кирпичей. Помещения отапливались небольшими вделанными в стены очагами типа каминов, на них же готовили пищу. Одно из помещений было парадным, стены его расписаны красными кругами и гирляндами по белому фону штукатурки.

Хотя почти все глиняные сосуды, найденные при раскопках, сделаны без гончарного круга, они поражают тонкой выделкой, разнообразием и изяществом форм. Многие сосуды украшены рельефными изображениями в виде «бараньих рогов» и змей с разинутыми пастями. 17

Материалы раскопок свидетельствуют о том, что в хозяйстве племен джетыасарской культуры еще большую роль играло скотоводство. Об этом можно судить хотя бы по своеобразной особенности строительной техники — использованию костей крупного рогатого скота в качестве строительного материала. Слой перерубленных пополам костей клали в основание кирпичных перегородок между комнатами, придавая таким образом стенам большую устойчивость.

О развитии же земледелия говорят находки зернотерок и жерновов, зерен ячменя и проса, использование для ирригации естественных протоков Кувандарьи.

Так выглядели первые оседлые поселения Казахстана. Жители их

занимались и земледелием, и скотоводством; в жизни племен Южного Казахстана земледелие играло бо́льшую роль, чем в Семиречье. Такое положение сохраняется и в последующие времена, когда ряд поселений превращается в города с развитыми ремеслами и торговлей, ставшие центрами политической и экономической жизни древних областей и районов Казахстана.

В VII—XII вв. возникновение и рост городов связаны прежде всего с процессом формирования феодальных отношений в государствах древних тюрков, тюргешей, карлуков и караханидов.

Отмечая значение городов, Ф. Энгельс писал: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию» *.

Среди первых городов Тараз и Суяб были известны не только в Казахстане, но и далеко за его пределами. Оба они занимали очень выгодное положение на Великом шелковом пути, который соединял Иран и Византию с Восточным Туркестаном. Кроме них в VII—XIII вв., судя по сообщениям письменных источников, немаловажную роль играли Аспара, Чигильбалык, Алтун, Семекна, Тальхиз, Мирки, Кулан, Испиджаб, Усбаникет и другие. Основное население этих городов было тюркоязычным [племена тюргешей, карлуков, чигилей, кенгересов]. Наряду с ними в городах, особенно в Таразе, Испиджабе, Невакете, жили согдийцы, выходцы из Средней Азии. В городах развивались ремесла — кузнечное, ювелирное, кожевенное, гончарное. В самих городах

---

* Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1949, стр. 170.

и в их округе обитали земледельцы. Они выращивали пшеницу, просо, разводили сады и виноградники.

Те города, которые занимали удобное положение на торговых путях, развивались быстрее, но нельзя утверждать, что возникновение городских центров связано исключительно с внешней торговлей и расположением их на Великом шелковом пути.

Города формировались в первую очередь там, где развивалось сельское хозяйство и ремесла.

Определенную роль в развитии земледелия, ремесел, архитектуры, особенно в период VII—VIII вв., сыграли согдийцы, выходцы из древнеземледельческих областей Средней Азии, селившиеся на юге Казахстана и даже основывавшие новые города.

Постоянно ощущалось также культурное влияние таких крупных оседлых центров с древними традициями земледелия, ремесла и торговли, как Шаш [район Ташкента] и Хорезм [низовья Амударьи]. 19

Развитие городов, земледелия, ремесел, конечно, не было равномерным повсюду. На юге Казахстана, в долинах Сырдарьи, Таласа и Чу, это происходило быстрее (в VI—VIII вв.), чем в долине Или, на северных склонах Каратау, в низовьях Чу, Сарысу и в долине Кенгир (IX—X вв.), и было обусловлено целым рядом обстоятельств: на юге более благоприятные условия для земледелия, города его ближе к древнеземледельческим областям Средней Азии и соответственно теснее и оживленнее торговые связи.

X—XII вв. были периодом расцвета оседлоземледельческой культуры Средней Азии и Казахстана. Для X в., видимо, надо принять список городов, приведенных у Макдиси; общее число городов и поселений в Казахстане к XII в. приближалось к 200. Особенно характерным

Рис. 3. Глазурованное блюдо XI—XII вв.

и важным событием в жизни многих городов XII в. было появление торгово-ремесленных предместий [рабадов], где сосредоточивалась основная городская жизнь. Здесь располагались базары, мастерские ремесленников, лавочки купцов. Шум и пестрота восточного базара, крики зазывал и купцов, перестук молотов кузнецов и молоточков чеканщиков по меди, протяжный крик муэдзина, призывающего время от времени всех правоверных отвлечься от мирских дел и обратить помыслы к аллаху,— все это сплеталось в неповторимую мелодию жизни восточного города. И совсем не случайно, характеризуя города, путешественники обязательно пишут о рабаде: у Арсубаникета «соборная мечеть в медине, а постройки в рабаде», «у Адаххета рабад населен, а в нем рынки», «Тараз — большой укрепленный город, у него ров, четверо ворот и населенный рабад, соборная мечеть среди рынков».

Развитие производительных сил общества тех времен находит свое отражение в расцвете ремесел, архитектуры, науки.

Гончары, населявшие предместья городов, научились изготовлять глазурованную посуду в массовом количестве на рынок. Наряду с

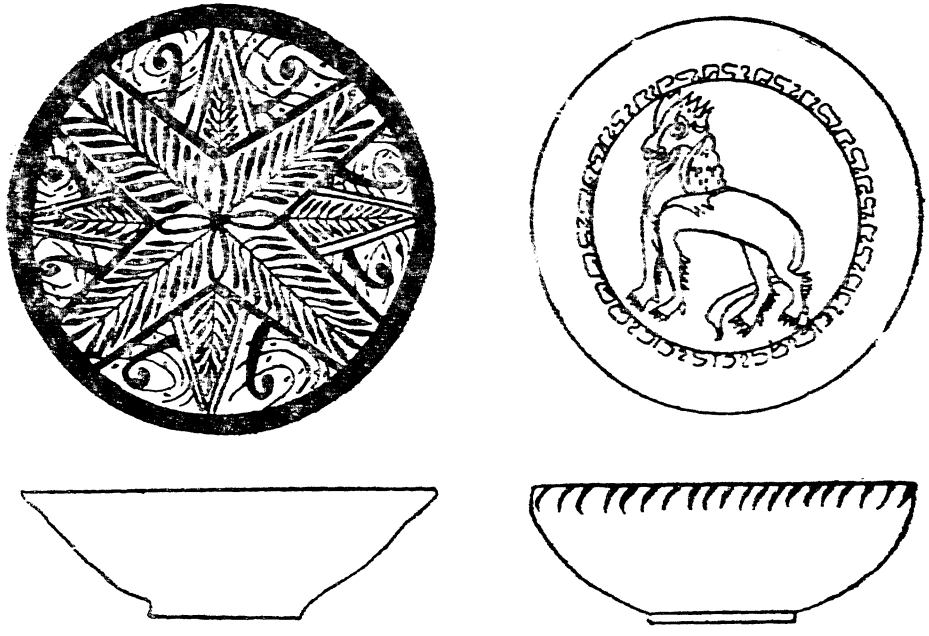

Рис. 4. Глазурованная керамика XI—XII вв.

«ширпотребом» они создавали прекрасные образцы декоративно-прикладного искусства — чаши со сложнейшими узорами, великолепные кувшины и подносы, на которых яркими красками расцветали диковинные цветы, в статичных позах застыли фантастические существа в виде огнедышащих львов и райских птиц.

Среди ювелиров выделились узкие специалисты: золотых дел мастера (алтын согучи), серебренники (кумисчи), мастера художественного литья (колачи).

Высокого совершенства достигли стеклодувы, они выдували большие графины для вина и миниатюрные туалетные флакончики для благовоний, изящные кубки для стола аристократов и реторты для алхимиков. Целый набор стеклянных изделий получили археологи при раскопках Тараза, Баба-Аты и других древних городов.

В городских кварталах возводились здания культового и светского назначения, перекрытые купольными сводами, украшенные по фасаду резными терракотовыми плитками. Среди тех немногих архитектурных памятников, которые сохранились до нашего времени, выделяется мавзолей Айша-Биби. Он поражает нас совершенством пропорций и богатством орнаментальных мотивов на глиняных плитках, которыми облицованы его фасады.

Города Казахстана славились своими учеными и поэтами. Кому не известно имя Абу Насра аль-Фараби, прозванного современниками Вторым Учителем после Аристотеля. Родиной его был небольшой городок Весидж, неподалеку от знаменитого Отрара. Своими учеными известны Тараз и города его округи. Абу-л-Фида в своем географическом сочинении пишет: «Тараз город рядом с Испиджабом; из него вышло много ученых», «Шельджи — одно из селений Тараза; из него

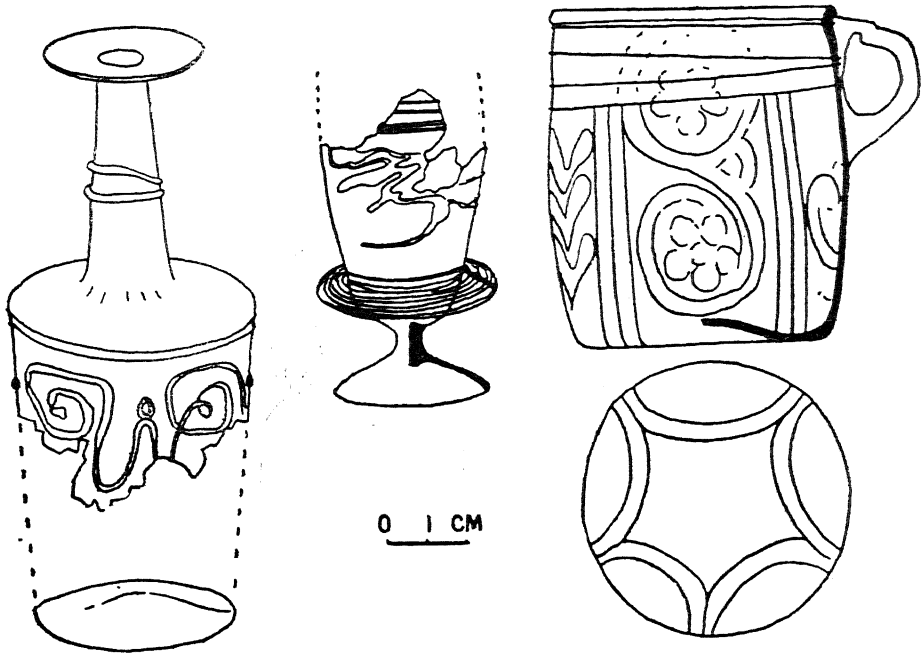

Рис. 5. Стеклянная посуда XI—XII вв.

вышли некоторые ученые». «Из Джикиля вышел Абу Мухаммед Абдаррахман ибн Яхья — известный мудрец».

Для истории казахского языка особо важное значение имеет труд Махмуда Кашгарского «Диван лугат ат-тюрк» («Словарь тюркских наречий»), созданный в XI в.

Пословицы и поговорки, собранные в словаре, отражают развитие народного творчества, народной мудрости и культуры. Вот некоторые из них: «Труд не пропадет даром», «Летом трудишься — зимой отдыхаешь», «Верхом на верблюде не скрыться в стаде баранов», «Выпущенная стрела не вернется обратно», «Если хочешь обогатить душу знанием, слушай наставления мудрых».

В 1069 г. написана поэма Юсуфа Баласагунского «Кудатку билик» («Наука о том, как делаться счастливым»). Это замечательный памятник мировой литературы — эпопея, в основу которой легли эпизоды и предания, связанные с районами Семиречья, Иссык-Кульской долины и Кашгарии. Действующие лица ее во многих случаях — конкретные исторические деятели. В поэме упоминаются города Баласагун, Тараз, река Сырдарья, племена чигилей, карлуков, гузов.

В начале XIII в. в Семиречье и Южный Казахстан вторглись войска монголов. Были разграблены и сожжены многие города и поселения, жители или убиты, или обращены в рабство. Дымом пожарищ была окутана земля, горели Отрар, Дженд и Сыгнак, Испиджаб и Усбаникет. Несмотря на упорное сопротивление военных гарнизонов и жителей, города и крепости пали под ударами хорошо организованных и обученных военному ремеслу войск. Завоевания монголов сопровождались переселением на территорию Казахстана значительных масс кочевого населения. Вновь прибывшие племена занимали куль-

турные земли, принадлежавшие местному оседлому населению. При этом особенно пострадали земледельцы и горожане Семиречья, славившегося своими пастбищами. Приход сюда значительных масс кочевого населения способствовал упадку городов и оседлоземледельческой жизни.

Кроме того, города в долинах рек Чу, Или и Таласа испытали сильные потрясения в середине XIII и начале XIV в., когда здесь разгорелись ожесточенные междоусобные войны царевичей-чингизидов. В ходе войн неоднократно опустошались города Тараз, Койлык, Алмалык, Талгар. Население их вынуждено было переселиться в Фергану и Мавераннахр. Походы тимуридов в XV в. окончательно уничтожили в Семиречье городскую жизнь, хотя в незначительных масштабах земледелие и оседлость продолжали существовать.

Иначе складывалась судьба сырдарьинских и каратауских городов — Туркестана, Отрара, Сыгнака, Сузака, Кумкента, Дженда и Янгикента. Сожженные и разграбленные в начале XIII в., они вскоре вновь возрождаются. В XIV—XV вв. эти города служили опорными крепостями завоевательных походов Тимура и его преемников на северо-востоке, а затем играли важную роль в жизни казахских ханств, являясь центрами ремесел и торговли, а также резиденциями ханов. Туркестан в XV—XVIII вв. был столицей казахских ханов, Сыгнак и Сауран попеременно — центрами Ак-Орды.

Немаловажное значение в их судьбе имели новые караванные пути вдоль северных склонов Каратау, а также из России в Среднюю Азию через долину Сырдарьи.

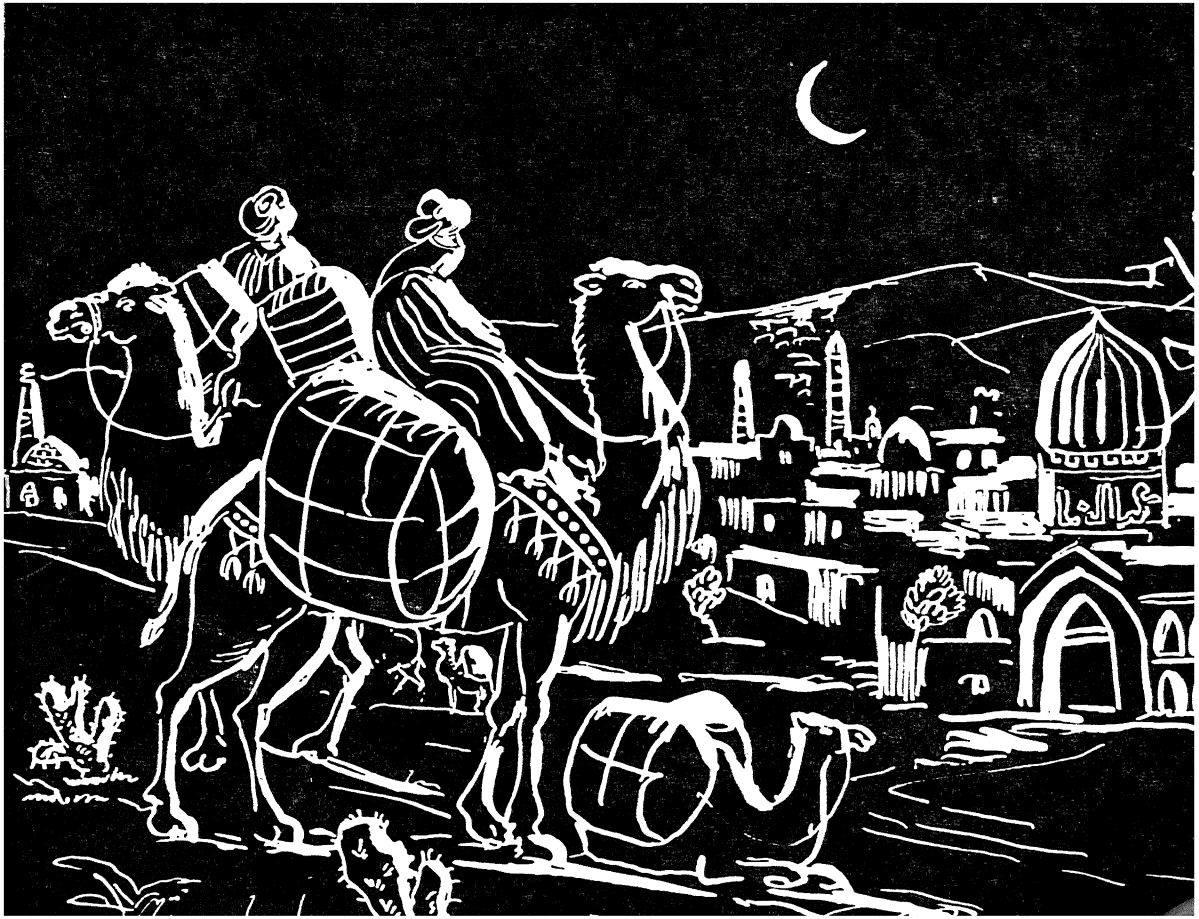
С середины XVI в. все большую роль в хозяйственной жизни среднеазиатских и казахских ханств играет Россия; она становится глав-

ным партнером в торговле со Средней Азией и Казахстаном. Транзитная торговля через города на Сырдарье и Каратау была важным стимулом, благоприятствующим сохранению городской жизни в этих районах вплоть до XVII—XVIII вв.

Окончательно подорвали экономику городской жизни Казахстана завоевательные походы джунгаров в XVII— начале XVIII в. В 1684 г. Сайрам — важный торговый центр казахов на торговом пути в Восточный Туркестан — был сильно разрушен Галдан-Цеван-Рабтаном, в 1725 г. были заняты Туркестан и Сайрам.

Так завоевательные походы монголов, а затем опустошительные династийные и феодальные войны царевичей-чингизидов и, наконец, джунгарское нашествие уничтожили десятки городов и поселений, подорвали экономическую основу городской культуры Казахстана.

Самый факт проявления интереса к местной истории в Семиречье в высшей степени отраден для исследователя Средней Азии, который понимает, что полное и всестороннее изучение этой истории возможно только при деятельном участии местных сил. Дошедшие до нас письменные источники часто отрывочны и неполны и нуждаются в дополнении археологическим материалом.

В. В. Бартольд

В КРАЮ СЕМИ РЕК

НА ВЕЛИКОМ ШЕЛКОВОМ ПУТИ

В середине VI в. н. э. тюркские племена, завоевав обширные территории, образовали новое политическое объединение — Тюркский каганат, во главе которого стояли два брата Тумынь и Истеми. В течение непродолжительного времени они подчинили себе многочисленные племена и народности от Великого океана до Черного моря.

В 581 г. могущественная империя распалась на два государства — восточное и западное. Центром последнего было Семиречье. Сюда устремились купцы из разных стран в надежде выгодно сбыть свои товары и в первую очередь дефицитный тогда шелк, производимый в Китае и Западной Азии. Направление Великого шелкового пути изменилось, в начале VII в. он шел из Самарканда через Ташкент и Тараз в долину Чу, оттуда по южному берегу Иссык-Куля через перевалы Бедель и Аксу в Восточный Туркестан.

Вместе с купцами и под видом их по этому маршруту шли путешественники и паломники, дипломаты и шпионы, авантюристы и любители легкой наживы. Одни из них, люди любознательные и образованные, оставили записки и дневники; другие, которым, несмотря на трудности и опасности долгих скитаний, посчастливилось вернуться к родным очагам, не прочь были похвастать дорожными приключениями, рассказать о далеких странах и неведомых городах. Повествования их, зачастую приукрашенные, использовались средневековыми учеными. Бывало, что составители географических трудов, действуя по принципу «за что купил, за то и продаю», сами понимали фантастичность некоторых сведений и сопровождали их мудрым примечанием: «а аллах знает лучше».

30 Записи о городах на шелковом пути носят очень отрывочный характер. Вот некоторые из них. В 629 г. известный путешественник Сюань-Цзянь добрался до р. Чу, где нашел тюркский город Суяб, в котором собирались купцы из разных стран. Город имел в окружности 6—7 *ли**. Половина жителей торговала, половина занималась земледелием. К западу от Суяба находилось еще несколько городков. Больше всего запомнилось Сюань-Цзяню посещение ставки тюркского кагана, находившейся в окрестностях Суяба. «Каган,— описывая встречу, говорит Сюань-Цзянь,— носил зеленый шелковый плащ, волосы его были распущены. Жил он в большом шатре со множеством золотых вещей. Хотя это был варварский государь, все-таки на него нельзя было смотреть без удивления и почтения»,— подобострастно замечает путешественник. В шатре кагана находились послы многих

---

* Одно *ли* равно приблизительно 0,5 *км*.

стран. Затем начался пир под звуки музыки, несмотря на дикость звуков, она «услаждала слух и восхищала душу и сердце».

В письменных источниках VIII—X вв., написанных по-арабски и по-персидски, в числе городов Семиречья названы Яканкент, Ордукент, Чигильбалык, Алтун, Невакет, Кулан. При этом географы Ибн Хордадбех и Кудама приводят список городов с указанием расстояний между ними. «От Тараза в Нижний Нуджан — 3 фарсаха*, оттуда в Касра-Бас 2 фарсаха, оттуда в Куль-Шуб 4 фарсаха, оттуда в Джуль-Шуб 4 фарсаха, оттуда в Кулан 4 фарсаха. Песок между Таразом и Куланом с северной стороны, а за песком пустыня из песка и гальки, она тянется до границ кимаков. Из Кулана в Мирки (большое селение) 4 фарсаха. Дальше путь проходил по пустыне, такой же, как пустыня Кулана. До Аспары 4 фарсаха, оттуда в большое селение Нузкет 8 фарсахов, оттуда в Харран-Джуван 4 фарсаха, оттуда в Джуль 4 фарсаха, оттуда в Невакет 2 фарсаха, оттуда в Пенджикет 1 фарсах, оттуда в Суяб 2 фарсаха». Характеристику некоторых из перечисленных выше городов приводит географ Макдиси. Кулан, по его сведениям, «укрепленный город, соборная мечеть в медине», в Харран-Джуване «преобладают неверные, а его султан мусульманин, вокруг него стена, а в ней цитадель». Впервые у Макдиси названы такие новые городские центры, как Баласагун и Якалыг. Согласно Макдиси, в X в. Баласагун был крупнее других по площади и населению. В Географическом словаре Якута Баласагун лежал по ту сторону Сейхуна (Сырдарьи), недалеко от Кашгара. Впоследствии в XI—XII вв. при караханидах Баласагун становится резиденцией Богра-хана. Около 1130 г. Баласагун был

* Один фарсах равен 6—8 *км*.

завоеван каракитаями. Правитель города, который сам призвал гурхана каракитаев на помощь против своих врагов канглов и карлуков, был объявлен низложенным, а город стал резиденцией правителя каракитаев. Махмуд Кашгарский приводит и другое название Баласагуна — Куз-Улуш, или Куз-Урду. Когда в 1210 г. войска каракитаев разбил хорезмшах Мухаммед, жители Баласагуна отказались впустить побежденных в город и жестоко поплатились за смелость: после шестнадцатидневной осады город был взят штурмом, разграблен и сожжен, при этом погибло 47 000 жителей. Видимо, поэтому в 1218 г. монголы заняли частично отстроенный Баласагун без сопротивления и назвали его Гобалык (хороший город). При монгольском владычестве он упоминается редко. В книге Абу-л-Фиды (XIV в.) есть астрономические определения Баласагуна, но уже в сообщениях о походах Тимура Баласагун не упоминается, как и большинство городов на Чу, Или и Таласе. По всей вероятности, город окончательно запустел во время бесконечных распрей и борьбы между монгольскими царевичами за престол в XIV в.

32

А что если попытаться названные средневековыми авторами города отождествить с развалинами городищ, которые обнаружены в Семиречье? Ведь у нас есть указание расстояний между городами и их названия. К примеру, можно не сомневаться, что город Мирки и развалины у поселка Мерке так же, как и городище Аспара и город Аспара, одно и то же. Удалось найти развалины Кулана у села Луговое и Джуля вблизи города Фрунзе, а вот где искать Харран-Джуван, Невакет, Касра-Бас, Сарыг, Суяб и Баласагун? Тут-то мы сталкиваемся с целым рядом трудностей. Ведь один и тот же город арабами, согдийцами и тюрками назывался по-разному. В течение многих столе-

тий имя его могло меняться и не однажды, да и развалин в Семиречье гораздо больше, чем летописных городов. К тому же расстояние между городами могло указываться неверно, ведь даже у Ибн-Хордадбеха и Кудамы, пользующихся одними и теми же источниками, имеется много несоответствий. Поэтому вопросы локализации городов, их местоположение до сих пор остаются запутанными.

Существует множество предположений насчет локализации Суяба и Баласагуна, Невакета и Якалыга, Харран-Джувана и Сарыга. И лишь в одном ученые согласны: Великий шелковый путь почти совпадает с современной дорогой Ташкент — Джамбул — Мерке — Фрунзе — Токмак, пролегающей у подножия Киргизского Алатау, на протяжении которой обнаружены развалины средневековых городищ. Какое же из них, например, соответствует Суябу?

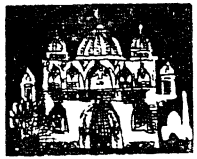
В. В. Бартольд предлагал искать Суяб недалеко от селения Карабулак, А. Н. Бернштам отождествлял город с развалинами у с. Новороссийское. Не исключена возможность, что Суябу соответствует городище Ак-Бешим рядом с современным городом Токмаком. Это предположение подтверждается размерами Ак-Бешима, крупнейшего памятника Чуйской долины, и тем, что жизнь здесь, судя по археологическим материалам, прекращается к X—XI вв., то есть к моменту, когда со страниц исторических хроник и географических сочинений исчезает название города Суяба.

На городище Ак-Бешим проведены значительные раскопки, они дали интересный материал. Здесь обнаружены буддийские храмы, несторианская церковь, жилые кварталы. Все это косвенно подтверждает сведения письменных источников, судя по которым, в Суябе проживало население из разных стран, исповедующее самые разнообразные

религиозные культы — буддизм, несторианство, зороастризм, ислам. Правда, относительно Ак-Бешима существует и другое мнение: А. Н. Бернштам локализовал здесь Баласагун. Однако, как выяснилось, Баласагун, расцвет которого приходится на XI—XII вв., никак не может соответствовать городищу, прекратившему жизнь в X—XI вв. До сих пор установить местоположение известнейшего семиреченского города, как и многих других, не удается. Эта проблема еще ждет своего разрешения. Городища на Великом шелковом пути должны получить свои подлинные имена.

ЗАМКИ КУЛАНА

В знаменитом географическом сочинении XIII в., составленном замечательным арабским энциклопедистом и географом Якутом ал-Хамави, Кулан назван «приятным городком на границах страны тюрок со стороны Мавераннахра». Кулан упоминается у Ибн ал-Асира как крайний пункт на западе, куда доходили арабские завоеватели. Поиски развалин этого города облегчались тем, что он находился между двумя средневековыми городами, местоположение которых нам хорошо известно. На западе от Кулана, в 14 фарсахах, располагался Тараз, локализуемый на месте современного Джамбула, а на востоке, на расстоянии 4 фарсахов, лежал город Мирки, сохранивший свое название в имени современного поселка. Поэтому отождествление Кулана с развалинами вблизи села Луговое [быв. Тарты], предложенное в свое время ориенталистом В. Томашеком и поддержанное В. В. Бартольдом, не вызывает сомнения.

Городище Луговое — Кулан представляет собой типичный памятник средневековья. Огромный подчетырехугольный бугор размерами 320×300 *м* и высотой 9—10 *м* с остатками цитадели [наиболее укрепленной части] представляет внушительное зрелище. В результате разведывательных раскопок, проведенных в 1936 г. экспедицией А. Н. Бернштама, а затем в 1966 г. археологами АН КазССР, установлено, что город жил в период с VII до начала XIII столетия.

К городищу примыкает обширная территория около 50 *км*^{2}, окруженная оплывшим валом. На ней располагаются десятки плоских сверху холмов, которые, судя по их топографии, являются руинами раннесредневековых замков и усадеб. Один из таких бугров был раскопан отрядом Семиреченской археологической экспедиции АН
36 КазССР в 1963—1966 гг.

Внешне бугор, который скрывал оплывшие стены, рухнувшие своды, размытые дождем и талыми снеговыми водами, занесенные пылью столетий, не представлял на первый взгляд ничего особенного и интересного. По форме он напоминал усеченную пирамиду высотой 5 *м* и размерами в основании 30×40 *м*. К нему примыкал огражденный стеной прямоугольный дворик. Однако уже после удаления верхнего дернового слоя на поверхность выступили очертания мощных стен, образующих хорошо продуманную планировку оригинального архитектурного комплекса. Здание состояло из семи помещений. Шесть из них имели коридорообразную форму, например, размеры помещения № 1 составляли 3,7×2,8 *м*. Еще более узкими были помещения № 3 и 5. Размеры их 5,7×2,7 *м*, стены сложены комбинированной кладкой из рядов пахсовых блоков и прямоугольного сырцового кирпича. Изнутри стены обмазаны толстым слоем глиняной штука-

турки и забелены алебастром. Обмазка и побелка производились множество раз, и за долгие годы жизни замка общая толщина одних лишь слоев побелки составила 4—5 *см*.

Помещения были перекрыты коробовыми сводами из сырцового кирпича так называемой техникой наклонных отрезков. Особый интерес представляло помещение № 4: оно квадратное 4,3×4,3 *м* и перекрыто куполом, который опирался на четыре угловых тромпа арочно-ступенчатой формы. Как и у остальных помещений, стены купольного зала сложены из пахсовых блоков и сырцового кирпича.

Между собой все помещения сообщались узкими арочными проходами.

Подобная архитектура и техника строительства весьма характерны для Средней Азии и юга Казахстана в VII—VIII вв. Комплексы, аналогичные раскопанному, исследовались археологами Узбеки-

Рис. 6. Фрагмент стены в помещении с куполом.

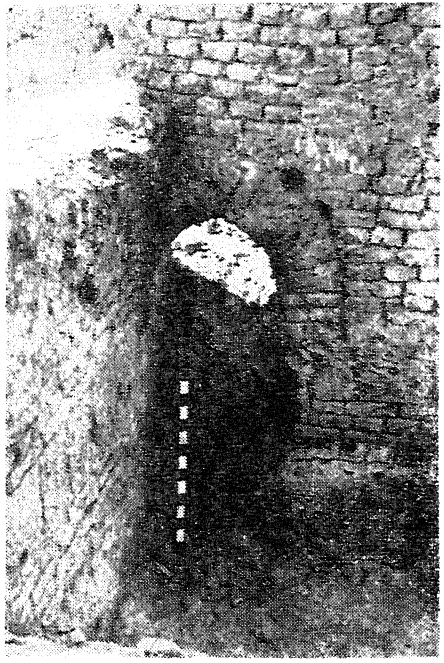

Рис. 7. Арочный проход в замке.

стана [замок Ак-Тепе], таджикистана [Пенджикент]. Известны они и в Семиречье. Приблизительно такую же архитектуру дает раскопанная в конце 30-х годов Краснореченская усадьба. Вот что писал о ней А. Н. Бернштам: «Строгий план дома с узкими комнатами, длиной шесть метров при ширине не более двух метров. Комнаты расположены параллельно в три ряда. Они упираются в осветительный коридор и перекрыты коробовым сводом из того же кирпича. Во дворе кроме хозяйственных построек помещается и фамильное кладбище».

Видимо, подобные сооружения раннего средневековья были типичны для всего Семиречья.

В жизни замка удалось выделить два периода.

Первый охватывает время с момента его сооружения в VII в. и до VIII в. В это время высота помещений до уровня полочек, на которые опирались своды, составляла

2,2—2,5 *м*, а всего 3,2—3,5 *м*. Помещения № 2, 3 и 5, расположенные параллельно, не имели прямого сообщения друг с другом, попасть из одного в другое можно было только из комнаты первой и четвертой. Изнутри стены были побелены алебастром и украшены алебастровыми же розетками в виде плоских кружочков с барельефным изображением трех стилизованных лепестков. Освещались помещения тусклым коптящим светом глиняных светильников. Они ставились в специальные арочные нишки в стенах. Изнутри эти нишки покрыты толстым слоем сажи, а в одной из них археологи обнаружили светильник, поставленный сюда почти 1300 лет тому назад.

Рис. 8. Обломок сосуда с налепным изображением человека.

Керамика, которая изготовлялась обитателями замка в этот период, представлена вылепленными вручную котлами, большими хумами, кувшинами, кружками и т. д.

Сосуды украшали прочерченным по еще сырой глине узором в виде длинных перистых листьев, треугольников, заполненных точками и волнистыми полосами.

На одном обломке горла кувшина сохранилось налепное изображение человека. У него был прямой нос, длинные брови, сросшиеся на переносице, небольшой овальный рот. Кто этот человек? Может быть, автопортрет мастера-гончара или же лик таинственного божест-

ва? Как бы то ни было, а перед нами «маленький шедевр» прикладного искусства прошлого.

Еще больше повезло археологам при разборке заполнений в помещении № 4. На первый взгляд неприметная глиняная ручка от котла вдруг заговорила на древнем языке. Несколько вырезанных на ней слов составили фразу, написанную по-согдийски: «Этот сосуд да не опустеет». Мало того, по характерным особенностям почерка удалось установить и время надписи. Чье-то «перо» нанесло ее на ручку только что изготовленного котла в конце VI или начале VII столетия. И вряд ли этот ставший нам близким гончар радовался так своему новому изделию, как радовались спустя многие сотни лет археологи. И еще бы: ведь был найден своего рода свидетель, подтвердивший время постройки замка. И как тут не вспомнить известное латинское изречение: «*Verba volant, scripta manent*» («Слова улетают, написанное остается»).

В VIII в., в конце его или в начале — об этом сейчас пока еще трудно судить — замок обветшал и покрылся морщинами трещин. Угрожали падением своды, искривились тонкие очертания арочных проходов. Ничего не оставалось делать как произвести капитальный ремонт и ряд перестроек. Прежде всего была ободрана старая штукатурка и заложены проходы из помещения № 1 в № 2 и 4. Интересно, что, когда закладывали кирпичом проход из помещения первого во второе, какой-то, видимо, рассеянный мастер сунул свой железный топорик в одну из расщелин да так и не нашел [обнаружили топорик археологи]. Вместо старых проходов прямо во двор прорубили проходы из всех комнат. Вытаскивать наружу мусор строители посчитали излишним. Его просто аккуратно разровняли, плотно утрамбовали и

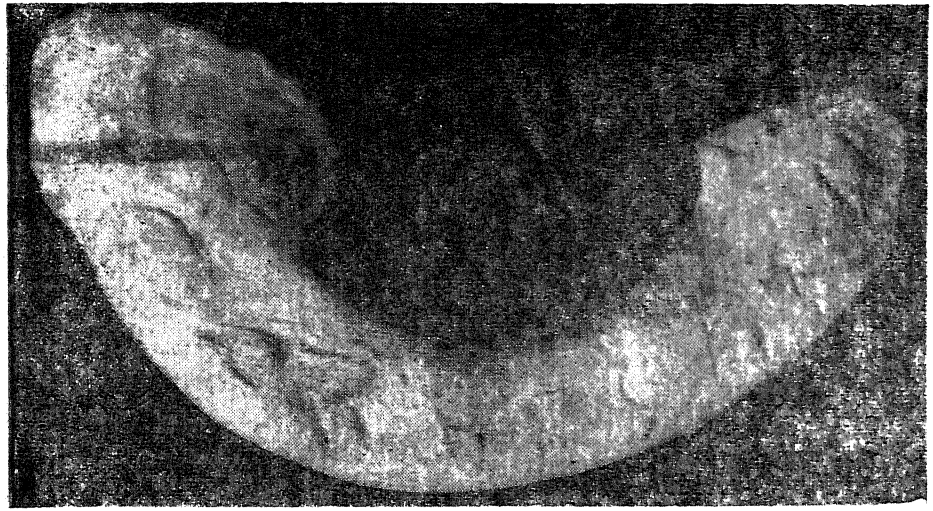

Рис. 9. Ручка котла с надписью.

2
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. Ленина
1971 г.

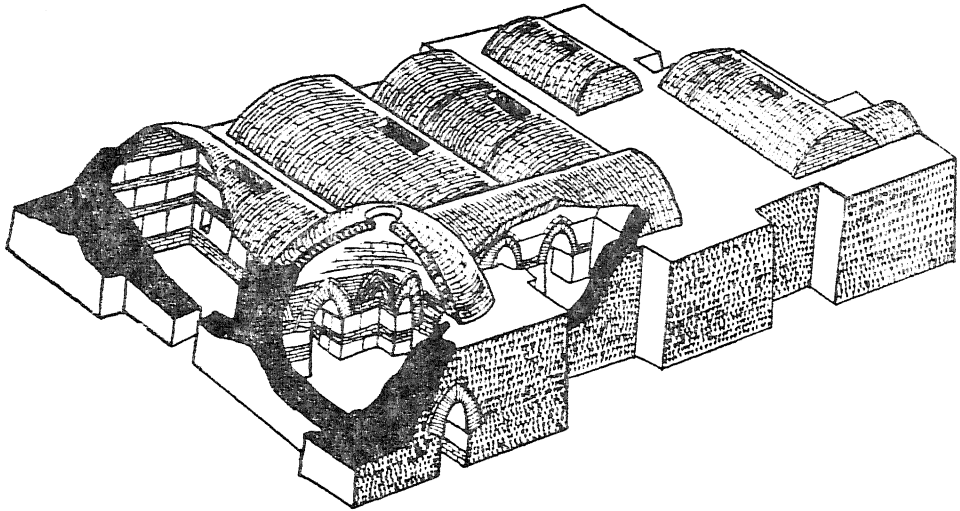

Рис. 10. Реконструкция замка.

обмазали слоем глины. Правда, уровень пола значительно поднялся, однако высота помещений все еще была достаточной — около двух метров. Для поддержания сводов употребили дерезянные подпорки, а стены вновь забелили.

Для второго периода жизни замка характерен своеобразный комплекс посуды. По-прежнему в большом количестве производились котлы, кувшины, кружки. Особенно много в это время делали круглых глиняных столиков — достарханов. После того как заканчивалось угощение, столик ставили на ребро к стенке и нарядно украшенные стороны его радовали взгляд хозяина и хозяйки дома.

В перестроенном виде замок использовался вплоть до X в., пока окончательно не пришел в ветхость и не разрушился. Но еще долго в его развалинах иногда ночевали случайные люди. Они обогревались у костров, следы которых археологи обнаружили в самых верхних слоях.

А потом дождь и снег постепенно подмыли стены, они рухнули, заплыли, поросли колючим бурьяном и превратились в холм, который увидели археологи перед тем как начали его раскапывать.

ДРЕВНИЕ ВИНОДЕЛЫ

44

Вблизи развалин средневекового Кулана археологи в эти же годы раскопали еще один оплывший холм. Он имел овальную форму диаметром около 25 *м*. Высота его составляла 5 *м*. На вершине была уплощенная округлая площадка. Холм скрывал в себе развалины сельскохозяйственной усадьбы. Она сооружена теми же строительными приемами, что и замок, о котором выше уже достаточно говорилось. Усадьба состояла из нескольких соединенных арочными проходами помещений.

Уже в начале археологических работ была отмечена одна несколько необычная особенность: судя по обломкам посуды, здесь преобладали огромные сосуды — хумы, обычно использовавшиеся населением для хранения зерна и жидкостей. Поражало крайне незначительное количество столь обычных для жилых комплексов костей животных и других долго сохраняющихся в земле остатков хозяй-

ственной деятельности человека. Но вскоре все прояснилось. В одном из помещений была найдена мастерская по переработке винограда, вернее, комната, приспособленная под мастерскую. Она была темная, совершенно без каких-либо световых проемов, узкая — шириной 2,7 *м* и длиной 9 *м*. В ее западной части размещался «рабочий комплекс», который состоял из давильной площадки, чанов для фильтрования виноградного сока и огромного выкопанного в земле колодца-резервуара, где сок накапливался.

Давильная площадка, несколько наклонная к чанам, имела размеры 2,7×2 *м*. Она была устроена таким образом: сначала вся ее поверхность выложена очень плотным слоем мелкой гальки, а затем обмазана довольно толстым слоем особого влагонепроницаемого алебастра — кыра. Давильня соединялась желобами, также облицованными кыром, с чанами-фильтрами. Это своего рода ванны с высокими стенками (до 15—20 *см*), сложенными из специального сырцового кирпича нестандартных размеров. Стенки и дно чанов также облицованы галькой и обмазаны алебастром. Здесь сок отстаивался, фильтровался и затем по гончарным трубам стекал в колодец. В верхней части колодец имел размеры 2×2 *м*, а глубину 2,2 *м*. Западная стена колодца отвесная, а три других спускаются вниз покатыми уступами, постепенно суживаясь. Подобная конструкция характеризуется тщательной продуманностью, ибо уступчатость укрепляет и предохраняет стенки от обвалов и в то же время облегчает работы по очистке колодца. Изнутри он облицован слоем гальки и алебастра.

Рядом с колодцем, у его восточной стенки, находился очаг, сложенный из плоских каменных плиток. Нет сомнения, что в мастерской из виноградного сока изготовляли вино. Сок разливали в хумы, где он

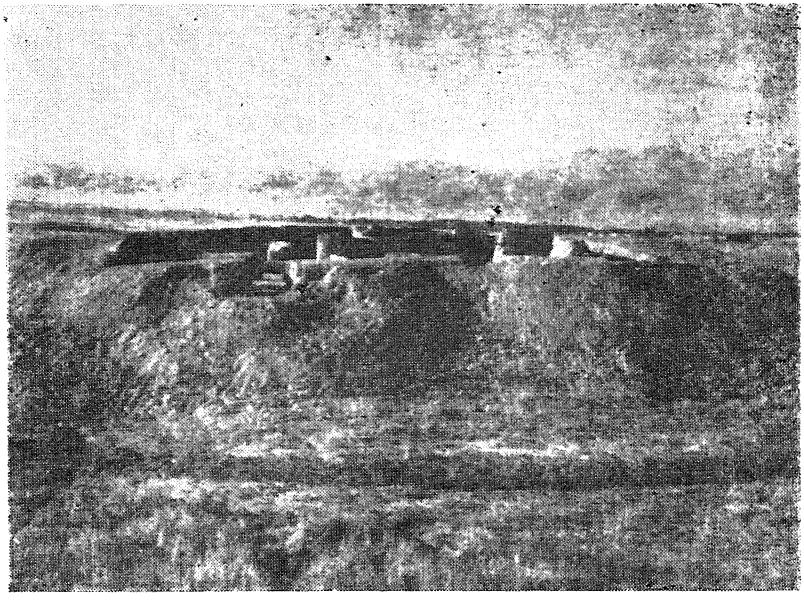

Рис. 11. Раскопки винодельни.

бродил, постепенно превращаясь в столовое вино. Обломки таких хумов с отверстиями у дна найдены при раскопках в большом количестве.

В то же время наличие в мастерской очага, заполненного золой и углями, вызвало в начале некоторое недоумение. Для чего в помещении, которое явно функционировало лишь летом и осенью, когда достаточно тепло, понадобился очаг? Конечно, не для обогрева мастерской. Ответ был найден лишь после того, как было перелистано множество книг, описывающих хозяйство среднеазиатских народов.

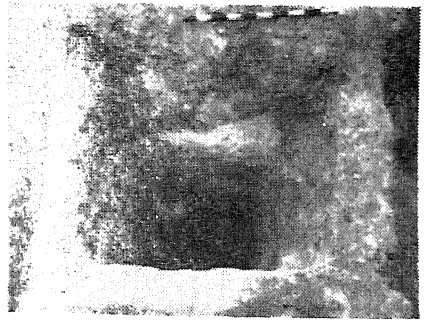

Рис. 12. Сокосборный колодец.

Оказалось, что в западной части Ферганской долины население испокон веков совмещало приготовление вина с производством очень популярного на востоке бекмеса — сладкого виноградного сока, уваренного до густоты. Для этого устраивали давильные чаны, резервуры для стока сока и печь для уваривания бекмеса. Дно и стенки чанов изнутри обмазывали глиной и алебастром. Затем дно устилали ветками ивы, вываливали приготовленный виноград и начинали давить его ногами. Сок стекал по желобам в резервуар. Когда он заполнялся до краев, туда всыпали ведро мелкой лёссовой глины. Она сразу же устремлялась на дно, увлекая за собой всю грязь и муть. Затем очищенный сок наливали в кот-

Рис. 13. Светильник.

лы, вмазанные в очаг, и начиналось уваривание сока до требуемых кондиций.

Небезынтересно отметить живучесть традиции, которая передавалась из поколения в поколение: точно таким же способом готовили бекмес и жители усадьбы вблизи Кулана, но с разницей в тысячу с лишним лет. Ведь усадьба, а вместе с ней и мастерская существовали еще в VII в. н. э. Эту дату помогла определить оброненная древним виноделом на давильной площадке монета так называемого «тюргешского типа». Такие монеты, как установили археологи, чеканились от лица тюргешских каганов, господствовавших в Семиречье в VII—VIII вв. Итак, перед нами мастерская по производству сладостей из виноградного сока и вина.

Кстати, сведения о распространении вина в Семиречье в VII в. имеются и в письменных источниках. Небезынтересен в этом отношении рассказ путешественника Сюань-

Цзяня, который, описывая пир в ставке тюркского кагана, прямо указывает на изрядное количество выпитого при этом виноградного вина. Таким образом, обнаруженная винодельня и рассказ путешественника убедительно подтверждают и дополняют сведения о распространении виноделия в Семиречье в VII в.

Среди уникальных находок, обнаруженных при раскопках мастерской, следует упомянуть глиняный светильник. Он был найден на самом дне колодца, разбитым на несколько мелких фрагментов. Целый он имел высокую конусообразную ножку, полую внутри, и на ней чашу с зубчатым краем. Внутри сохранился нагар от фитилька и пленка золы. Как он попал в отстойник? Видимо, уже поздно вечером мастер-винодел решил проверить, насколько полон колодец. Возможно, он торопился и поскользнулся на мокром полу, а светильник, вывернувшись из натруженной за день руки, упал прямо в сок. Раздалось легкое шипение, и мастерская погрузилась во мрак. Возможны, конечно, и другие версии. Потом мастерская была заброшена и уже не виноградный сок, а земля заполнила колодец, и лишь спустя много-много лет светильник был извлечен на свет и начал свою вторую жизнь в качестве экспоната археологического музея.

КУПЦЫ ИЗ СОГДА

Согд, Согдиана — один из древних крупнейших культурных оазисов Средней Азии, центральная область среднеазиатского междуречья, занимавшая долины Зеравшана и Кашка-Дарьи. Упоминания о ней сохранились в древнеперсидских священных текстах Авесты и в клинописных надписях ахеменидских царей, в рассказах соратников Александра Македонского, в сочинениях арабских историков и географов.

Это была страна, где, по данным письменных источников, жили искусные земледельцы и ремесленники, отважные воины, расчетливые и деятельные купцы. Ей-то и предстояло сыграть определенную роль в развитии городской культуры Семиречья.

Накануне арабского завоевания и в первые столетия после него согдийцы прочно обосновались на всем протяжении «шелковой трассы».

Согдийских купцов можно было видеть в далеком Ордосе и в Монголии, в столице Уйгурского государства Карабалгасуне и при дворе византийского императора. Они зачастую становились крупными государственными деятелями, принимая активное участие в политической жизни того времени.

С развитием и расширением торговли в Семиречье и Восточный Туркестан устремилось значительное количество и рядового согдийского населения. Пребывание его здесь отмечено письменными источниками. Небезынтересно, например, сейчас читать так называемый «брачный контракт» — один из документов первой четверти VIII в. из архива согдийского правителя Дивашгича, дешифрованный советским ученым В. А. Лившицем. «Брачный контракт», написанный на коже, был составлен по случаю выдачи замуж согдийским владетелем в семиреченском городе Невакете Чером некой Дугдгончи за знатного тюрка Ут-тегина.

Согдийцы с их древними традициями городской культуры оказывали определенное влияние на развитие семиреченской архитектуры и строительства. В то же время, живя бок о бок с местным тюркским и тюркоязычным населением, они перенимали художественные вкусы и запросы последних. По археологическим материалам известно, например, что согдийцы широко использовали тюркские типы поясных наборов, отдельные виды серег, некоторые типы керамики; в согдийском узоротворчестве прослеживаются многие характерные детали тюркского орнаментализма.

Представление о согдийцах, об их внешнем облике можно составить по терракотовым статуэткам, найденным при раскопках семиреченских городищ. Например, по изображению согдийца, условно на-

Рис. 14. Скульптурный «портрет» согдийца.

званного «старцем». Лицо трактовано предельно скупо. Выступающий нос и лоб составляют прямую линию, глаза и рот изображены накладными полосками. Миндалевидный разрез глаз подчеркивает их величину, рот полуоткрыт. Сразу же под нижней губой длинная клиновидная борода. Прочерченные волнистые линии, видимо, должны были передать ее курчавость.

Вид согдийца, судя по этому изображению, полностью отвечает словесному портрету жителя Средней Азии, оставленному нам древними путешественниками: «От Давани (Фергана) до Аньси (Парфия) хотя и говорят на различных языках, но обычаи одинаковы и понимают друг друга. Все жители имеют впалые глаза и густые бороды».

При раскопках семиреченских городищ выделен комплекс вещей, связанный с согдийцами. Это прежде всего предметы, имеющие отношение к культу огня [согдийцы проповедовали зороастризм]. Как известно, в зороастризме огромное значение имеет поддержание неугасимого огня. Для этого служили специальные жертвенники-светильники. Как правило, это чаши на подставке, перекрытые крышками. Имелись светильники и в виде

усеченной четырехгранной пирамиды, украшенной меандровидными полосами и резными изображениями фазана — символа огня.

Представляет некоторый интерес серия подставок под крышки жертвенников. Они изображали звероподобные существа и служили массивными постаментами для поддерживания крышек.

Выше уже отмечалось, что согдийцы влияли на развитие семиреченской архитектуры и строительного дела. Сейчас после раскопок на городищах Ак-Бешим и Красная Речка стали известны архитектурные комплексы, сооружение которых связывается с согдийскими зодчими. Для того чтобы читатель составил о них представление, достаточно охарактеризовать некоторые особенности архитектуры раскопанных на городищах Ак-Бешим двух буддийских храмов.

Первый изучался в течение нескольких лет одним из отрядов Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Возглавлял отряд известный советский археолог Л. Р. Кызласов. Второй храм был раскопан Л. П. Зяблиным. Оба они имели планировку, характерную для сооружений подобного типа.

Центральный храмовый комплекс состоял из главного парадного хода, украшенного снаружи пилонами, внутреннего двора, алтарной части храма [центральное святилище], внутреннего и внешнего обходных коридоров. Храм был сооружен из пахсовых блоков, уложенных вперемежку с рядами прямоугольного сырцового кирпича. Изнутри стены были побелены и раскрашены многоцветной росписью.

Вдоль стен главного входа, справа и слева, стояли кирпичные суфы. Через ворота верующие входили во двор. Он был открытый. Из двора широкий, почти трехметровый проход вел в центральное святилище крестовидной планировки, причем его максимальные габариты

Рис. 15. Керамические

изделия согдийцев.

вписывались в прямоугольник размерами 10,5×10 *м*. Внутренний обходной коридор опоясывает алтарное помещение с западной, южной и восточной сторон, здесь найдены ступня ноги и другие обломки скульптуры, окрашенные в ярко-красный цвет.

Внешний обходной коридор опоясывал внутренний и замыкал весь храм. Во внешнем коридоре были найдены постаменты, а также обломки фигур Будды.

В первом храме помимо святилища открыта и восточная жилая часть, причем, по мнению исследователей, если архитектура храмовых комплексов имеет близкое сходство с архитектурой аналогичных буддийских святилищ Восточного Туркестана [Шикшин, Хотан, Турфан], то восточная часть говорит о знакомстве строителей с зодчеством согдийского города Пенджикента. Исследователи считают строителями храмов согдийских зодчих VII—VIII вв., хорошо знавших не только свою, но и восточнотуркестанскую архитектуру.

Конечно, нет никакого сомнения в том, что согдийцы применяли свои знания и умение не только при строительстве храмов. Они сыграли определенную роль и в развитии светского зодчества. Не случайно, изучая архитектуру Красноречeнского и Луговского замков, мы сталкиваемся с его традициями.

Как свидетельство культурной роли согдийцев можно отметить тот факт, что в VII—IX вв. их язык был общепризнанным языком международных общений на обширной территории от Мерва до Монголии и от Хорезма до Северной Индии. Интересно, что согдийский язык впервые зазвучал со страниц рукописей, найденных в начале XX в. в Восточном Туркестане, за многие сотни километров от родины согдийцев. От согдийской письменности ведет свое происхождение уйгурский

алфавит, который в свою очередь составил основу монгольского и манчжурского письма.

По-согдийски были исполнены надписи на тюргешских монетах, чеканенных в Семиречье от лица тюргеш-каганов в VII—VIII вв. Специалисты-нумизматы считают согдийцев первыми, кто освоил чеканку монеты такого образца.

Все это свидетельства влияния Согда на развитие средневековой культуры Семиречья.

ЗАГАДКА АХЫР-ТАША

58

В 40 *км* к востоку от города Джамбула, несколько южнее железнодорожной станции Ак-Чулак, на выжженных солнцем безводных склонах Киргизского хребта красно-бурым монолитом возвышаются грандиозные развалины каменного сооружения. Гигантские каменные блоки, будто бы брошенные чьей-то могучей рукой, в беспорядке валяются там и здесь вокруг этого поистине фантастического строения. Руины расположены на склоне горы. Северный фасад обращен на широкую долину, южный — к горной цепи; с запада и востока руины окружают невысокие сопки.

Много легенд и преданий породил в человеческих умах Ахыр-Таш. Постройку его связывали с легендарным киргизским богатырем Манасом и сыном его Симеем. Сын будто бы с далеких гор бросал отцу огромные камни, а Манас складывал из них грандиозное жилище, в котором они прожили до самой смерти.

Другая легенда повествует о великане Алан-Хазаре, который, влюбившись в девушку, обязался выполнить одну ее «небольшую» прихоть и взялся соорудить для нее каменный дворец и город. Начав несколько непривычный для богатыря труд, Алан-Хазар вдруг обнаружил отсутствие воды в выбранном им для дворца месте. Тогда он решил проложить через горы путь полноводному Таласу, но во время этого занятия неожиданно влюбился в другую красавицу. Строительная деятельность Алан-Хазара на этом прервалась, и как памятник благим начинаниям, а видимо, и легкомыслию, остался стоять недостроенный Ахыр-Таш.

Огромные камни, гигантские размеры всего сооружения и, наконец, кажущаяся ныне изолированность громады развалин среди сухой пустынной степи — все это заставляет смотреть на Ахыр-Таш как на один из замечательнейших древних архитектурных памятников. Для подобной строительной затеи помимо искуснейшего архитектора и прекрасных опытных мастеров необходимо было располагать массой рабочих рук и огромными богатствами.

Сооружение имеет форму прямоугольника, окруженного со всех сторон массивными, крепостного типа, каменными стенами, строго ориентированными по линии север — юг. Толщина стен местами достигает 4—5 *м*. Размеры его — 205 *м* (с.-ю.) и 185 *м* (в.-з.). Внутрь сооружения ведут четыре входа: один в северной стене и три в южной. В северной и южной частях его расположены комплексы жилых построек с парадными залами, внутренними дворами и многочисленными коридорообразными переходами.

Несколько загадочно назначение длинных узких помещений 5×20 и 3×20 *м*. Возможно, это были конюшни или склады-хранилища.

В самом центре находился двор, который по замыслу архитектора должен быть со всех сторон окружен колоннами, причем базы для них уже были поставлены. Расстояние между базами — 5 *м*. В северной части двора обнаружены остатки двух водоемов — хаузов.

Ахыр-Таш расположен в совершенно безводной ныне местности, ближайшие водные источники, родники и ручьи находятся на расстоянии 4—5 *км*. Возможно, и в то время возникал вопрос о снабжении и строителей, и будущих обитателей Ахыр-Таша водой. Казахстанский археолог Г. И. Пацевич после долгих и упорных поисков пришел к выводу о существовании в древности трех водопроводов, забирающих воду из родников ущелий Узун-Булак, Кзыл-Кайнар и Саз-Узек. Длина этого предполагаемого водопровода может служить прекрасной иллюстрацией грандиозности задуманной стройки.

Интересно, что вопрос о назначении и времени постройки Ахыр-Таша до сих пор не решен. Из письменных источников удалось извлечь лишь один факт: уже в начале XIII столетия Ахыр-Таш был легендой и никто не мог сказать о нем ничего определенного.

Положение почти не изменилось до сих пор, ибо почти каждый исследователь памятника предлагает свое объяснение.

Наиболее ранняя попытка истолкования Ахыр-Таша принадлежит известному русскому ориенталисту П. И. Лерху. Он видел в планировке Ахыр-Таша черты буддийского монастыря с кельями для монахов и священными водоемами для омовения. В. В. Бартольд и В. А. Каллаур [член Туркестанского кружка любителей археологии] также принимали Ахыр-Таш за монастырь, но уже несторианский. Несторианство вначале было одним из направлений в христианстве. На Вселенском соборе в Эфесе в 431 г. оно было признано ересью и за-

прещено в Византии. После этого большое число несториан обосновалось в Иране, Средней Азии и Семиречье.

Такому определению в первую очередь способствовала находка каменной плиты с изображением рыбы, которая, как хорошо известно, наряду с крестом являлась символическим знаком раннего христианства. Кстати, строительную деятельность несториан в Семиречье отмечают и письменные источники. «Их церкви были в Таразе [Джамбул] и Мирки, и только после завоевания Тараза саманидами [правящая династия в Бухаре] церкви были перестроены в мечети, а часть населения приняла ислам».

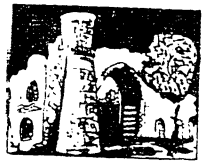
Возможно, в это время была предпринята попытка построить Ахыр-Таш, прерванная военными акциями саманидских войск.

Высказывалось предположение о том, что Ахыр-Таш является недостроенным караван-сараем, но особых доказательств этому не находилось. К тому же довольно сложная планировка с претензией на нечто более солидное противоречит и этому определению. 61

Наконец, по мнению архитектора Т. К. Басенова, Ахыр-Таш — сооружение дворцового характера, типа феодального замка. Тогда комплексы помещений у входов объясняются как жилье гарнизона, а длинные отсеки как конюшни.

Впрочем, и это предположение не доказано окончательно, Ахыр-Таш до сих пор остается таинственной загадкой.

ТАРАЗ — ГОРОД КУПЦОВ

На том месте, где сейчас раскинулись кварталы современного Джамбула, важного промышленного и культурного центра республики, находятся остатки одного из крупнейших средневековых городов Казахстана, известного историкам и археологам под именем Тараз. Первое упоминание о нем содержится в византийских источниках и относится к концу VI в. Именно в это время Византия пытается заключить договор с западными тюрками, с этой целью император Юстин II отправляет посольство во главе с Земархом в ставку тюркского кагана Дизабула. Во время своей поездки Земарх, по описанию византийского историка Менандра, побывал в городе Таласе и где-то недалеко от него был принят в ставке тюркского кагана.

Впоследствии о Таразе [Таласе] писали почти все средневековые географы, историки, путешественники, и это не удивительно, ведь го-

род занимал одно из центральных положений на Великом шелковом пути. Не случайно поэтому при описании Тараза авторы отмечают в первую очередь его торговое значение. Вот что, например, пишет китайский путешественник Сюань-Цзянь: «Талас имеет окружность от 8 до 9 *ли*. Здесь останавливаются и торгуют всевозможными товарами купцы, приезжающие из многих стран».

То же самое, но спустя три с лишним столетия, сообщает Ибн Хаукаль: «Тараз — место торговли мусульман с тюрками», а Макдиси пишет так: «Тараз — большой укрепленный город, с множеством садов, густо заселенный, у него ров, четверо ворот и населенный рабад. У ворот города течет большая река, часть города находится по ту сторону реки. Через реку проходит дорога, соборная мечеть находится среди базаров».

Однако ни один из древних авторов не называет точного местоположения Тараза, и поэтому довольно долгое время его искали в разных местах. Тараз отождествляли то с развалинами городища Тоймакент на правом берегу р. Талас, то с местечком Талас на р. Карабур, то с известным средневековым городищем Садыр-Курган. В. В. Бартольд более всего был склонен помещать средневековый Тараз на месте г. Аулие-Ата, так до революции назывался Джамбул. При этом он ссылался на Макдиси, который при описании Тараза указывал на большую реку, протекающую через город. Такой рекой мог быть только полноводный Талас.

Поразительная интуиция крупнейшего востоковеда впоследствии была полностью подтверждена исследованиями археологов М. Е. Массона, А. Н. Бернштама и Г. И. Пацевича. Их раскопки на городище, расположенном в центре Джамбула, дали настолько яркие и богатые

находки, что сомневаться в тождестве этого городища и древнего Тараза уже не приходится.

Центром Тараза, его самой старой частью, являлась цитадель, по-персидски «арк» или «кухендиз». В этой наиболее укрепленной части города помещалась резиденция владетельной особы. К цитадели примыкала окруженная стеной территория города, называемая шахристаном. Здесь находились жилища знати, богатых купцов, ремесленников, здесь же были торговые лавки. К стенам шахристана со всех сторон прилегали торгово-ремесленные предместья — рабады. В них помещались ремесленные мастерские, жилища мастеров, а также хижины бедного городского люда.

Тараз в то же время был центром большого социально-экономического комплекса. Кроме Тараза сюда входили десятки крупных и мелких городков, селений, отдельных усадеб и замков. К настоящему времени от них остались лишь оплывшие развалины — холмы. В жаркое летнее время трава на них выгорает и если подняться куда-нибудь на возвышенность, то отчетливо видны желтые вкрапления развалин в зелень массивов колхозных полей.

Археологи хорошо знают, что там, где возвышается бугор, некогда кипела жизнь. Вот, например, один из таких холмов. Он находится вблизи станции Талас, неподалеку от Джамбула. Это остатки известного средневекового города Нижнего Барсхана, занимавшего ключевое положение на Великом шелковом пути. С севера ближе всего к Таразу располагался город Дох Нуджикес. О нем Макдиси в X в. писал: «Дох Нуджикес маленький город, в нем рынок три месяца весной, мясо без костей (продается) по четыре мана за диргем. В нем много построек, он укреплен и имеет цитадель».

Рядом с Дох Нуджикесом находился небольшой городок Адахкес. К западу от Тараза был город Джувикат.

Можно перечислить и другие города, но и без того ясно: Тараз был центром важного и высокоразвитого в культурно-экономическом отношении района.

Границы его, как установили ученые, усиленно охранялись от внезапных нападений врагов. Оазис защищали крепости с постоянными военными гарнизонами. Обойти их было невозможно, а взять приступом такую сильно укрепленную крепость было нелегко, тем более что исключалась внезапность нападения, обычно обеспечивающая половину успеха. Пока запертые в стенах гарнизоны мужественно отбивались от врага, крупные военные отряды Тараза уже нацеливали свой удар и заставляли непрошенных пришельцев спешно убираться восвояси. По крайней мере, как сообщает источник, когда в конце IX в. основатель могущественной среднеазиатской династии Саманидов Исмаил ибн Ахмед пошел войной на Тараз, то перенес много трудностей и лишь после долгого и упорного сопротивления эмир Тараза вынужден был сдаться и с многочисленными дехканами принял ислам.

Присоединение Тараза к Средней Азии и усиление торгово-экономических связей с крупнейшими центрами — Бухарой и Самаркандом, несомненно, сыграли свою положительную роль.

Для этого времени характерно широкое распространение поливной керамики. Полива белая, зеленая, желтая. Помимо резного подглазурного, так называемого гравированного орнамента теперь появляется подглазурная роспись разноцветными красками — темно-коричневой, красной и черной по белому фону. Сюжет орнамента раститель-

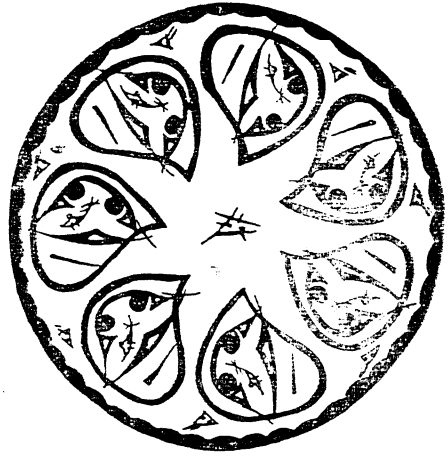

Рис. 16. Поливное блюдо X—XI вв.

ный, приобретающий все больше и больше геометризированные формы. Существенное значение в украшении занимают стилизованные надписи, представляющие собой изречения религиозного типа.

К этому же периоду относится одна из интереснейших находок — керамический светильник, сделанный в виде юрты. Это фактически уменьшенная во много раз модель настоящей юрты кочевника. Она имеет все необходимые атрибуты войлочной юрты — пологи, имитирующие деревянный остов — кереге, стягивающие кошму веревки и даже отверстие в крыше — тундык, служившее дымоходом. Находка модели юрты в городе, центре ремесла, торговли и земледелия, позволяет археологам сделать крайне интересный вывод о проживании в Таразе населения, для которого кочевой быт, составлявший еще недавно основу жизни, стал лишь воспоминанием, отразившимся в прикладном искусстве.

В XI—XII вв. во время правления в Средней Азии династии Караханидов Тараз достигает апогея в своем расцвете. В указанное время он становится столицей одного из удельных владений. Политическая самостоятельность его и автономность округа проявились прежде

всего в местном чекане монеты от лица таразских владетелей. А значение и мощь города выразились в таком исторически засвидетельствованном факте: в начале XI в. таразскому владетелю Туган-хану подчинялись правители Самарканда и Кашгара. Естественно, что эта политическая сила была следствием экономического могущества города.

Слои городища этого времени при археологических раскопках дали множество находок, ярко характеризующих культурно-экономический подъем Тараза.

Возьмем, например, поливную керамику. Прежде всего бросается в глаза разнообразие красок самой поливы. Характерно появление новых тенденций в орнаментировке — это четырехлопастная розетка, всевозможные виньетки, сложное сплетение стилизованных растительных мотивов.

Часто глиняная чаша или поднос делались как бы в подражание металлическим образцам. Для этого поверхность их покрывалась желтой глазурью с серой росписью, причем пространство между растительным плетением заполнялось точками. Подобная разделка поверхности особенно была характерна для медных изделий, украшенных узорами.

Интересно и то, что теперь поливой покрываются не только богатые столовые сервизы, но и простая кухонная посуда.

В восточной части Тараза археологи открыли участок водопровода длиной около 15 *м*. Глиняные трубы размером 0,7 *м* и диаметром 0,25 *м* соединялись глиняными муфтами. Лежали они на своеобразной глиняной «подушке». Водопровод был «подключен» к р. Талас, под напором его стремительного течения вода подавалась во все кон-

Рис. 17. Поливное блюдо XI—XII вв., сделанное в подражание металлическому.

цы города. Несомненно, постройка водопровода требовала определенных технических знаний, она характеризует сравнительно высокую степень инженерной мысли.

К этому же времени относится еще один раскопанный объект — баня.

Хорошо известно, какой популярностью пользовались бани на востоке, поэтому внимание строителей к их оформлению не должно нас удивлять. И тем не менее пышная отделка таразской бани невольно поражает, хотя до нас дошли лишь жалкие остатки фундаментов, стен, полок для сидения, ванн, ниш и т. д. В плане баня представляет собой прямоугольник размером 13,6×12,4 *м*. Пол ее вымощен плитками обожженного кирпича.

Вход в баню сделан в северной стене. Он вел в небольшую комнатку с полками для сидения. Стены ее были украшены богатой фресковой росписью. Эта комната соеди-

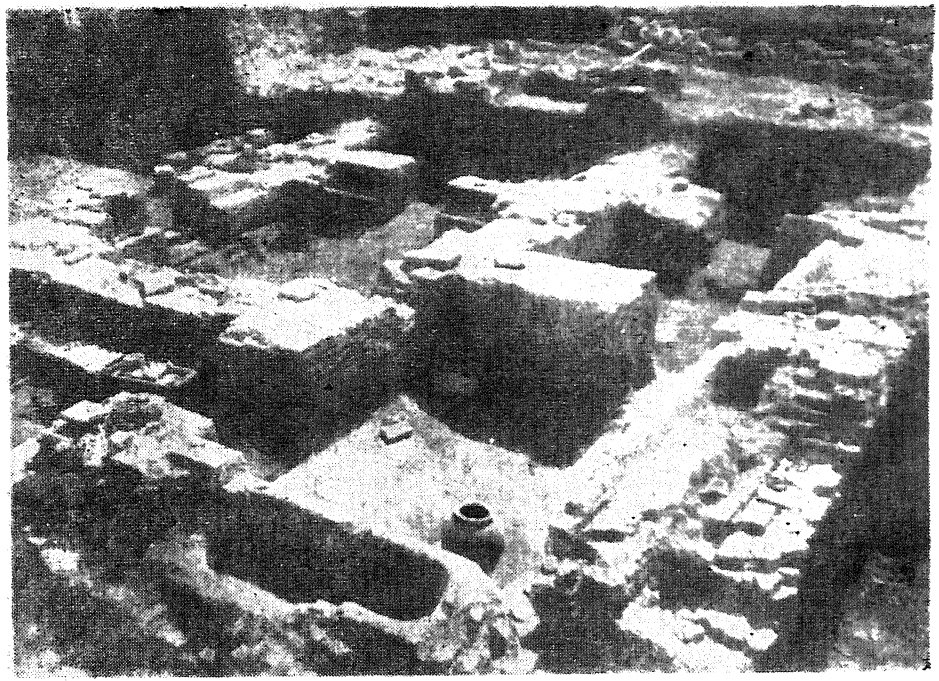

Рис. 18. Баня Тараза.

Рис. 19. Баня Тараза. Фрагмент интерьера.

нялась с помещениями, в которых находились ванны. В стенах помещений с ваннами были устроены ниши, также заполненные фресковой росписью. Она наносилась на поверхность штукатурки, слегка лощенной и сравнительно устойчивой против воды.

Орнамент росписи по стенам геометрический и состоит из восьмиугольных желтых звезд, оконтуренных черной линией и связанных между собою красными крестами.

Другими элементами росписи являются восьмигранники из комбинаций четырехугольников серого цвета, окаймленных красными и желтыми шестигранниками. В многочисленных фрагментах штукатурки, упавшей с потолка, обнаружены росписи и краски несколько иного характера. Здесь можно наблюдать растительные сюжеты в виде вытянутых листьев и стебля. Преобладают голубые, синие и оранжевые тона красок.

В завале строительного мусора найдены следы и лепных украшений в виде резных терракотовых цветов, видимо, тюльпанов, опущенных лепестками книзу.

Помещения бани, судя по остаткам найденных тромпов, были перекрыты куполами, и все здание было, таким образом, многокупольным.

Отапливалась баня нагретым воздухом, циркулирующим в каналах, проложенных под полом и полками.

Возле одной из ванн археологи нашли стопку монет [диргемов] из низкопробного серебра начала XI в. Видимо, какой-то рассеянный горожанин забыл свои деньги и этим оказал неоценимую помощь археологам. Монеты позволили точно датировать постройку и существование бани XI веком.

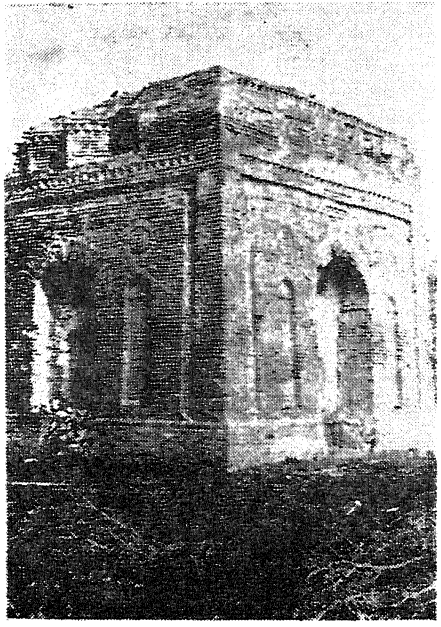

Рис. 20. Мавзолей Бабаджи-Хатун.

При караханидах в Таразе и его округе был сооружен целый ряд замечательных мавзолеев, из которых в сравнительно первозданном виде до нас дошли два — мавзолей Айша-Биби и Бабаджи-Хатун на территории села Головачевка. Хотя они очень сильно разрушены временем, все же мы можем любоваться бессмертными творениями древних зодчих, не затронутыми ремесленными перестройками позднейшего времени, как это случилось с мавзолеем Кара-хана. Он был «реконструирован» в начале XX в. в стандартный, совершенно безвкусный и аляповатый мазар.

Мавзолей Бабаджи-Хатун имеет подкубическую форму (6,9×6,9×5 *м*) с массивными стенами из жженого кирпича с тремя одинаковыми фасадами. Зонтичный шестнадцатиреберный купол (сейчас разрушен) на таком же барабане венчал все здание. Посредине главного фасада, в стене, обращенной на восток, сооружена стрельчатая округлая

арка, в ней находится вход в мавзолей. По сторонам входной ниши стены разделены узкими, высокими и неглубокими нишами, не доходящими до земли. Над ними в кладку стены вделаны медальоны. Ниши и медальоны заключены в рамку в виде буквы «П».

На главном фасаде на парапете, слегка закрывающем барабан, имеется надпись арабским шрифтом: «Эта величественная гробница называемая Абаджи-Хатун. Строитель ее...» Дальше надпись разрушена, поэтому точная дата возведения мавзолея, так же как и имя мастера, остаются неизвестными. А поскольку в имени средневековых архитекторов обычно указывалось и место их рождения, то мы не можем точно узнать, представитель какой из архитектурных школ трудился над созданием этого замечательного сооружения. По мнению А. Н. Бернштама, ряд деталей мавзолея, в частности устройство купола, свидетельствует об армянской архитектурной традиции, тогда как Т. К. Бисенов видит здесь самостоятельную линию формотворчества. Так, еще раз приходится пожалеть о разрушенной надписи, об утере, породившей научные споры, которых могло и не быть.

Мавзолей Айша-Биби дошел до нас в сильно разрушенном состоянии. Купола, восточной стены, частично северной и южной стен уже давно нет.

Мавзолей имел кубическое основание, увенчанное куполом. По четырем углам были расположены массивные колонны, в центре каждого фасада размещены небольшие ниши, перекрытые стрельчатыми арками. Вся поверхность стен и угловых колонн покрыта сплошной облицовкой из резных терракотовых плиток. Элементы орнаментировки очень близки современным казахским орнаментальным мотивам.

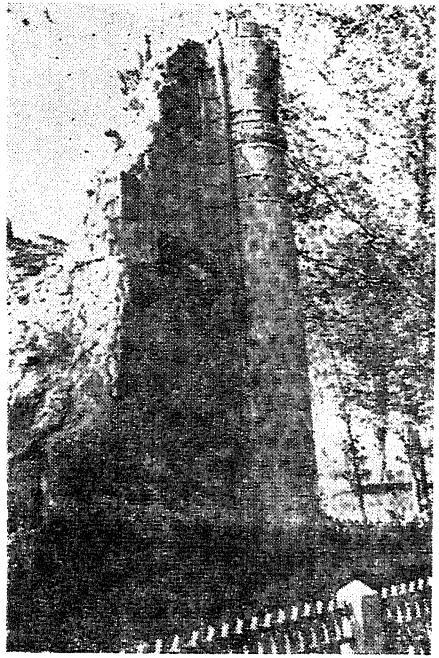

Рис. 21. Мавзолей Айша-Биби.

Согласно преданиям и легендам, в мавзолее похоронена дочь известного поэта и ученого XII в. Хаким-Ата, внезапно умершая во время поездки к своему жениху Кара-хану.

Любопытным памятником является и замок Чольтобе, находившийся в болотистой низине речки Карасу. В основании его обнаружен толстый слой камыша, служивший своеобразной платформой для возведения замка на топком болоте.

Замок Чольтобе служит как бы своеобразной иллюстрацией к рассказу некоего Али ибн-Зейна. Он писал: «... самый укрепленный город на поверхности земли таков: один царь из царей тюрок пришел в место солончаковое и покрытое обширной и горькой водой в одном из краев его государства. Он отвел оттуда воду, потом вырыл фундамент шириной в сорок локтей. Потом приказал и со дна ямы вывели две стены из жженого кирпича и извести, толщина каждой стены 10 локтей и между ними пространство шириной 10 лок-

тей. Когда он довел стену до поверхности земли, то наполнил пространство, которое между ними, песком... Потом он построил в городе для себя и своих подданных жилище и замки и выкопал вокруг него (города) ров. Потом он пустил туда воду и через год это место не замедлило снова стать большим болотом, одним из величайших болот. Он поместил туда (там) свою семью и ценное из своих имуществ и он (город) стал укрепленнейшим из городов, построенных на вершинах гор и на ровной земле».

В XII и в начале XIII в. Семиречье стало ареной кровавых военных столкновений, многие города в это смутное время были разграблены и разрушены. По сообщению Якута, хорезмшах Мухаммед будучи не в силах защитить окраины своих владений, «разрушил своими руками пограничные крепости и отдал их на разграбление своим войскам. Жители выселились оттуда и покинули их с сожалением. И остались эти сады опустевшими на своих опорах, заставляя плакать глаза и скорбеть сердце. Он остался с разрушенными замками и пустыми жилищами и дворами. Заблудился проводник этих каналов и они стали течь, блуждая во все стороны без воли». 75

Разгром довершили кочевники каракитаи, а затем монголы. «Они погубили всех тех, кто оставался там, включив в их число тех, которых они погубили помимо их. И не осталось от тех прекрасных садов и высоких замков ничего, кроме разрушенных стен и следов исчезнувших народов». Какой яркий пример бессмысленности войн скрывается за этими сухими строчками древней хроники.

После разгрома Тараз уже не мог оправиться, хотя жизнь в нем возродилась. Город известен позднее под именем Талас, Яны, Яны-Талас. Однако ученые до сих пор не могут с уверенностью сказать, от-

носились ли эти названия к древнему Таразу, или имелся в виду какой-то новый город, отстроенный неподалеку. На городище самого Тараза отмечаются лишь отдельные участки, где продолжало ютиться население и в XV—XVIII вв.

В XIX в. на развалинах Тараза возник Аулие-Ата, который после революции стал одним из цветущих, красивейших городов нашей республики — Джамбулом.

ГОРОДА, ЗАТЕРЯННЫЕ В ПЕСКАХ

Осенью 1962 г. из Алма-Аты выехала экспедиционная машина. В ней находилась группа археологов, возглавляемая К. А. Акишевым. Вместе с ними ехали художник, фотограф и несколько рабочих. Миновав шумные улицы столицы, одетые в золотистый наряд осени, машина вырвалась на широкую магистральную трассу Алма-Ата — Илийск. Остались позади утопающие в зелени пригороды, и вот уже вокруг выжженная солнцем унылая бурая степь.

Переехав мост через Или, машина свернула на север, в сторону поселка Баканас, который находится в 150 *км* от бывшего Илийска, на левом берегу р. Или. В Баканас прибыли поздно вечером. Здесь, в уютном домике противочумной станции, археологи устроились на ночь. Назавтра рано утром им предстоял трудный путь в сердце пустыни Сары-Ишикотрау, поэтому до глубокой ночи не гас в домике

свет. Еще и еще раз уточнялся по карте маршрут, намечались места стоянок, тщательно вымерялись расстояния между колодцами.

Пустыня Сары-Ишикотрау находится как бы в рамке из прибойной каймы седого Балхаша, блестящих на солнце вод р. Каратал на востоке и р. Или на западе. С юга пустыня ограничена отрогами Заилийского Алатау. К востоку и северо-востоку от современной дельты Или расположены плоские песчаные участки, прорезанные сетью сухих русел, так называемых баканасов. Вершина баканасской дельты находится в районе одноименного поселка. Здесь от р. Или отходит на север сухое русло главного Баканаса, которое распадается в свою очередь на ряд рукавов. Крайняя восточная граница дельты образована сухим руслом Чит-Баканас, юго-западной частью равнина прилегает к долине р. Или.

Древняя дельта Баканаса простирается с юга на север на 250 *км* и, постепенно расширяясь к Прибалхашью, достигает в ширину 150 *км*. Общая площадь ее — около 1,3 млн. *га*.

Казалось бы, что делать археологам в этой бесплодной, раскаленной солнцем пустыне, где сейчас нет никаких очагов культурной жизни? Но, оказывается, так было не всегда.

Еще в 1884 г. в Записках Западно-Сибирского отдела Русского географического общества была напечатана статья полковника В. А. Фишера, посвященная судоходству на р. Или. В ней автор пишет о развалинах селений и остатках ирригационых сооружений, которые можно было наблюдать вдоль высохших баканасов. Впоследствии об этих непонятных и загадочных развалинах и баканасах писали многие исследователи — географы, ботаники, геологи, которых приводила сюда неутомимая жажда открытий.

Рис. 22. Сухое русло древнего канала.

Уже в науке господствовало мнение выдающегося географа Л. С. Берга о том, что баканасы представляют собой высохшие протоки Или, уже разрабатывались проекты о возвращении сюда вод своенравной и капризной реки, а для археологов этот район все еще оставался белым пятном. Более того, в археологической литературе сложилось мнение, что Илийская долина вообще «не имеет сколько-нибудь замечательных памятников древности». И вот первый археологический отряд достиг границ пустыни.

Рано утром, еще до восхода солнца, поднимая густые клубы пыли, натужно гудя мотором, «газик» полз по разбитой колее, уводившей в глубь Сары-Ишикотрау. Ярким зеленым пятном на бурой скатерти пустыни остался позади поселок Баканас. Дорога вьется между бар-
80 ханами. Они возвышаются сухими грядами в повторяющемся друг за другом порядке. По склонам и на вершинах их растет саксаул. Между его корявыми стволами сереют жесткие колючие травы. Ряды барханов перемежаются с плоскими растрескавшимися площадками такыров, и тогда машина, словно подстегнутая, делает быстрый рывок, пока новый массив песка не погасит ее скорости.

Растительный и животный мир пустыни не богат: саксаул, кусты шенгила. Изредка встречается туранга с пышной зеленой кроной. Повсюду разбросаны колонии большой песчанки, нет-нет да и выскочит из-под куста саксаула и быстро исчезнет в зарослях шенгила заяц, вспорхнет парочка бульдуруков — степных куропаток, и снова тишина.

Вот из-за крутого бурого бархана вывалился желтый, еще холодный диск солнца. Через несколько минут он раскаляется докрасна. Становится жарко, воздух звенит от сухости. Чередование песчаных

гряд и такыров быстро утомляет. Кругом, куда ни взглянешь, угнетающее унылое однообразие. Невольно вспоминаются строки из «Баллады о пустыне» Владимира Луговского:

И вот день за днем покатились барханы,
Как волны немые застывшего моря,
Осталось на свете жары колыханье
На желтом и синем стеклянном просторе.
А солнце все выше и выше вставало
И зной подступал огнедышащим валом.
В ушах раздавался томительный гул,
Глаза расширялись, морщинились лица.
Хоть лишнюю каплю, хоть горсткой напиться!
И корчился в муках сухой саксаул...

И вдруг, словно мираж, с вершины одного из песчаных бугров открылся вид развалин древнего города. Он встал, словно из сказки, серебристым четырехугольником стен, оплывшими башнями — таинственный белый город Ак-Там — белые развалины, как называют его чабаны. Белые они от густого слоя соли, выступившей на их поверхности.

Развалины города представляют возвышенную прямоугольную площадку, окруженную оплывшей стеной. Городище ориентировано по странам света углами, его длинные юго-западная и северо-восточная стены равны 180 *м*, а короткие юго-восточная и северо-западная — 170 *м*. Все четыре угла укреплены сильно выступающими наружу круглыми башнями диаметром 10—12 *м*, сохранившими высоту 2,5—3 *м*. Длинные стены имели по 4 башни, в 35 *м* одна от другой, короткие — по две башни, фланкировавшие въезды в город.

Входы устроены в виде Г-образных коридоров. Въезжающий в город всегда мог быть поражен десятками стрел, пущенных в него с правой стороны, с которой он не прикрыт щитом. С юго-восточной и юго-западной сторон Ак-Тама, на расстоянии 120 *м* от юго-восточной и 60 *м* от юго-западной стен, тянется глинобитный вал, смыкающийся с западной и восточной башнями.

Внутренняя поверхность городища представляет плоскую площадку, местами затакыренную и поросшую саксаулом. С западной стороны Ак-Тама, в полутора километрах от него, археологи обнаружили ложе магистрального канала, выведенного из сухого русла Орта-Баканаса, протяженность его 20 *км*. Даже теперь, полузасыпанный песком и заросший саксаулом, он производит сильное впечатление.
82 Ширина его 3—5 *м*, глубина 1,5—2 *м*. В головной части канала сохранились остатки земляной плотины длиной 20 *м* и высотой 3 *м*. Через это мощное сооружение поднимали уровень воды в р. Орта-Баканас, оно обеспечивало и ее сток. Канал много раз чистили от илистых наносов, которые закупоривали путь воде. Кучи ила, ссохшиеся в камни, и теперь громоздятся по обоим берегам сухого русла.

Картину поддержания в порядке ирригационной системы в какой-то степени можно воссоздать, опираясь на этнографические наблюдения конца XIX столетия. Правда, эти наблюдения были сделаны в другом районе, в низовьях Чу, но близость естественно-географических условий дает возможность отнести их и к низовьям Или.

Казахи, жившие в низовьях Чу, сообщает известный исследователь Л. Чермак, делились на несколько общин. Каждая из них имела свой магистральный арык — «тоган», выведенный из Чу. Длина его порой достигала 25 *км*, и право пользования водой обусловливалось уча-

стием в работах по проведению и поддержанию в порядке «тогана». Такая работа производилась силами многих, поэтому все население низовьев Чу разделялось по числу главных арыков на несколько общин, селившихся в своих поселках. Перед сезоном полива почти все население выходило на очистку магистральных каналов.

Сотни людей и в низовьях Или когда-то были заняты ирригационными работами.

Пока увлеченные работой археологи вымеряли длину стен, снимали топографический план, изучали систему оросительных каналов, над пустыней сгустились сумерки. Едва за горизонтом скрылась последняя полоска солнца, стало темно, и откуда-то из глубины пустыни повеяло холодом. Ярко разгорелся костер из сучьев саксаула. Пламя его выбрасывало вихри искр, ветер гнал их столбом в небо. Взлетев в высоту красными огоньками, они одна за другой гасли. На западе, где-то за рекой Или, полыхали зарницы. Вспышки тихого зеленого пламени освещали разрушенные стены и башни Ак-Тама.

Утро следующего дня застало археологов в пути. Предстояло обследовать древнее русло р. Ортасу, из которой также был выведен магистральный канал. Он образован двумя протоками: один отходит от р. Ортасу, а другой — от р. Мингильчи. Канал этот назван «Жаранды». Длина его 35—40 *км*, ширина 10—15 *м*.

Городище, подобное уже обследованному Ак-Таму, было обнаружено в 3 *км* к северу от слияния теперь уже сухих Ортасу и Шет-Баканас. Отсюда до поселка Баканас 200 *км* пути.

Городище, названное Агашаяк, представляет собой прямоугольник, углы которого ориентированы по странам света. Длина больших сторон 120 *м*, меньших — 110 *м*. Крепостная стена, некогда окружав-

шая территорию города, сейчас оплыла и превратилась в вал с пологими закругленными стенками. Однако даже сейчас его трехметровая высота впечатляет. Еще более внушительное зрелище производят развалины угловых башен высотой с двухэтажный дом. На каждой стороне, не считая угловых, возвышается еще по две башни несколько меньших размеров. Въезды в виде Г-образных коридоров прослеживаются в середине северо-западной и юго-восточной стен. Снаружи, сразу же под стеной, зияли глубокие, когда-то заполненные водой рвы. Сейчас они заплыли, осыпались, но до сих пор имеют глубину до 1—1,5 *м* и ширину 8—10 *м*.

При взгляде на столь мощную фортификацию невольно приходят на ум строки из казахского эпоса о городе хана Казана:

Посмотрите как укреплен
Грозный город со всех сторон!
Слева — берег бурной реки,
Справа — рвы, целых шесть рядов,
Глубоки они, широки!
В этой крепости сорок ворот.
Враг вовеки сюда не пройдет:
Часовые числом шестьдесят
У ворот железных стоят.

Однако, как известно, пророчества о неприступности города не оправдались, храбрец Кобланды разрушил его.

А что послужило причиной смерти Ак-Тама, Агашаяка, а также других городов и поселений, открытых археологами неподалеку от названных крепостей? Может быть, полчища иноземных захватчиков, опустошив их, увели с собой все уцелевшее после погромов и резни на-

селение? Или вода ушла из когда-то полноводных рек, разрушились плотины, высохли каналы и люди сами покинули этот цветущий в свое время край, чтобы не погибнуть под неистовым солнцем на пылающей от зноя земле?

Когда восторжествовала пустыня и жаркий ветер разрушил купола дворцов и ветхие стены хижин? Ответ надо было искать в безмолвных руинах и в средневековых письменных сочинениях, авторы которых могли бы приоткрыть завесу над далеким прошлым этого края.

К сожалению, организовать сколько-нибудь крупные раскопки оказалось невозможно. Слишком большие трудности возникли с доставкой сюда воды. Археологам пришлось ограничиться пока стратиграфическими шурфами. Три из них были заложены на городище Ак-Там и два — на Агашаяке. Выяснилось, что оба городища однослойные. Толщина культурных напластований составила в среднем 0,8—1,3 *м*. Если учесть, что на городищах, которые существовали многие сотни лет, мощность культурных слоев составляет десятки метров, то становится ясно: баканасские города жили относительно недолго. По черепкам глиняной посуды можно датировать их возникновение X веком, жизнь прекратилась в них в начале XIII столетия.

Посуда из раскопок представлена кружками, кувшинами, большими хумами, мисками, чашами, которые ремесленники-гончары производили в своих мастерских. Вся посуда изготовлена на гончарном круге, это один из важнейших признаков, характерных для периода развитого средневековья. Поверхность сосудов украшена врезными волнистыми линиями, оттисками штампа в виде кольцеобразных и треугольных вдавлений.

Другим, не менее важным датирующим фактом послужили находки чаш, покрытых глазурью. Глазурь наносилась на поверхность чаши, предварительно расписанную по белой подгрунтовке красными, зелеными и коричневыми красками. Рисунки были самыми незамысловатыми: растительные побеги, стилизованные листья, иногда вихревая розетка. Такого рода посуда (и это хорошо известно археологам) — свидетель событий XI — начала XIII в.

В шурфах и с поверхности городищ вместе с обломками посуды собрано несколько напрясел, выточенных из боковин сломанных сосудов. Они свидетельствуют о развитии ткачества.

Многочисленные обломки стеклянной посуды говорят о том, что жители широко пользовались ею и, возможно, производили ее здесь же на месте, по крайней мере стеклянные шлаки есть на городище Ак-Там. Кроме них на всех городищах в большом количестве найдены металлургические шлаки, обломки и бракованные изделия из железа и бронзы.

Особый интерес и внимание археологов привлекла найденная на поверхности городища Агашаяк нитка бус из лазурита и перламутровых квадратиков. Далекий путь проделали бусы перед тем, как украсить туалет местной красавицы. Лазурит добывался на Памире, откуда его везли на караванах верблюдов через сыпучие пески пустынь и через скалистые перевалы гор. В свою очередь товары, производимые в городах и поселениях низовьев Или, направляли в другие культурно-экономические центры средневековья. Важнейшей статьей экспорта, видимо, была соль. Она добывалась в соленых озерах, которых очень много в дельте Каратала. Причем самосадочная соль Каратала вплоть до недавнего времени считалась лучшей во всем Южном Казахстане

и в большом количестве вывозилась отсюда прибалхашскими казахами.

Древний торговый путь, соединявший Среднюю Азию и Восточный Туркестан, проходил на добрую сотню километров южнее нижнеилийского оазиса в предгорьях отрогов Тянь-Шаня.

Где-то в районе бывшего поселка Илийск от основной трассы торгового пути отходила караванная дорога к городам низовьев Или. Направление ее удалось определить по развалинам караван-сараев. Первый из них находится в районе современного поселка Тас-Мурун, а два других — неподалеку от села Батпакты. На археологическую карту они были занесены под названием Кок-Тал I и Кок-Тал II.

Караван-сараи имели типичный для подобных сооружений план. Это прямоугольник стен, ограждавших обширные дворы размерами 100×100, 60×60 *м*. К стенам изнутри пристраивались складские помещения и комнаты для купцов.

При обследовании караван-сараев была отмечена одна интересная деталь. Выяснилось, что караван-сарай Кок-Тал II не имеет культурного слоя, то есть он не был обжит. По всей вероятности, сначала на караванной дороге был построен караван-сарай Кок-Тал I. Но со временем он уже не смог вмещать все проходящие караваны. К тому же старые постройки в нем приходили в негодность, разрушались и забрасывались. Тогда-то было принято решение возвести рядом гораздо более вместительный караван-сарай. Он был сооружен с мощными стенами, угловыми башнями и въездом в юго-восточной стене. Размеры его 110×150 *м*, а старого караван-сарая (Кок-Тал I) — 60×60 *м*. Однако какие-то события помешали новому караван-сараю стать им в полном значении этого слова. Никогда не толпились здесь купцы, не

раздавались крики караванщиков, разгружавших караваны с диковинными товарами далеких стран. Внезапная катастрофа опустошила города нижнеилийского оазиса, и купцы старались обойти стороной заброшенное место. Что же это была за катастрофа?

В письменных источниках конкретных сведений о городах низовьев Или нет. В арабо-персоязычной литературе название р. Или появляется лишь в конце IX в. в сочинении неизвестного географа, оставившего нам труд «Худуд ал-Алем» [Границы мира]. Однако представления анонимного географа об этом удаленном районе были настолько туманными, что р.Или он заставил впадать в Иссык-Куль.

В письменных источниках более позднего времени нет ничего, что могло бы пролить свет на жизнь нижнеилийских городов. Зато сохранилось прямое указание на причину их гибели. Об этом пишет знаменитый путешественник XIII в. монах Вильгельм Рубрук. На тех страницах его дневника, где он излагает основные моменты своего пребывания в Илийской долине, записано: «на вышеуказанной равнине [междуречье Или и Каратала] было много городков, но все они были разрушены по большей части татарами, чтобы иметь возможность пасти свои стада, так как там были наилучшие пастбища».

Эти события имели место в начале XIII столетия, когда Семиречье подверглось нашествию войск Чингиз-хана, которые опустошили нижнеилийские города. Никем не поддерживаемая система ирригации постепенно разрушалась, каналы высыхали, на поля земледельцев наступали пески, яркий образец запустения мы видим на примере двух караван-сараев, из которых один (Кок-Тал II) так и остался необжитым. И не перемещение русла Или сыграло здесь роковую роль, ибо, по мнению специалистов гидрогеологов и гидрографов, баканасы были

заполнены водой вплоть до XV—XVI вв., то есть и после того, как культурная жизнь на их берегах давно уже прекратилась.

Но если перемещение течения Или даже и связано с более ранним временем, то ведь жители баканасских городов с их богатейшим опытом строительства оросительных систем могли бы уйти вслед за водой и обосноваться в современной дельте Или. Однако здесь нет руин ни одного средневекового города, и это является веским аргументом в пользу гипотезы о гибели городов в период завоеваний Чингиз-хана.

Несколько столетий нижнеилийский оазис был мертв, являясь «грандиозным музеем» истории трудовых подвигов предков современных народов Казахстана.

Но наш советский народ не мог мириться с тем, что громадные массивы земель древнего орошения покрывались песком, засолялись и пропадали для народного хозяйства. Еще весной 1918 г. был издан декрет Совнаркома за подписью В. И. Ленина «Об ассигновании 50 млн. рублей на оросительные работы в Туркестане и об организации этих работ». Поэтому исследования советских ученых в районе баканасов проводятся не только с целью чисто научного изучения района; основное направление их работ — народнохозяйственное освоение плодородных земель.

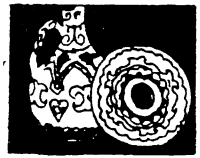
Опытами Илийского отделения Института ботаники доказана возможность возделывания и получения здесь высоких урожаев риса, кукурузы, овощей и бахчевых культур. Великолепно растут и дают высокие урожаи виноград, вишня, слива, яблоки, смородина, малина и многие другие культуры. Вот что пишут ученые о своей работе: «в опаленной зноем пустыне выращен на площади 60 *га* цветущий сад, в котором благоухают розы, где стройная тяньшанская ель, сосны, туи

растут рядом с корявым саксаулом; всеми цветами радуги сверкают здесь горделивые георгины, гладиолусы, наливаются янтарным соком гроздья винограда, склоняются до самой земли усыпанные пурпурными плодами ветки слив, вишен, на грядах спеют сочные ягоды земляники, а в зелени кленов в ночной тишине, когда воздух напоен ароматом цветов, распевают свои чудные песни соловьи».

Для освоения пустыни в широких масштабах нужна вода. И она есть. Ее дает Капчагайское водохранилище. Вода Или, как и тысячи лет назад, пришла на земли древнего орошения, и здесь скоро вновь зацветут сады.

РАНЕЕ НЕИЗВЕСТНЫЕ...

Перелистывая отчеты археологических экспедиций, нельзя не обратить внимания на часто употребляемые слова: «ранее неизвестный могильник», «ранее неизвестная стоянка», «ранее неизвестное городище». Это значит, что упорный и настойчивый труд принес свои плоды, что открыт новый памятник, ранее не известный науке. Каждый год таких открытий бывают десятки, все меньше и меньше остается белых пятен на археологической карте нашей республики. Только за последние годы были раскопаны многие средневековые города и поселения. И все они имеют свою сложную судьбу, свою жизнь и гибель. О всех не рассказать, ибо нельзя объять необъятное, но и умолчать о некоторых из них невозможно.

Приджунгарье... Высокие снеговые вершины Джунгарского хребта, межгорные долины, где прохладно даже самым жарким летом и где много травы и воды. Предгорная равнина, орошенная бурными ре-

ками, среди которых такие, как Сарканд, Баскан и Лепсы. Последняя доносит свои воды до седого Балхаша, в ее низовьях находятся богатейшие зимние пастбища.

Район исключительно благоприятен для скотоводства и в то же время в нем есть все условия для земледелия. Не случайно именно здесь летом 1965 г. пролегли разведывательные маршруты «средневекового отряда» Семиреченской археологической экспедиции.

Археологи рассчитывали найти следы городской культуры. Но действительность оказалась неожиданнее самых радужных надежд. На сравнительно небольшой территории открыты остатки 20 городищ, причем большинство из них находится в долинах Лепсы, Аксу, Сарканда.

92 Все городища внешне представляют собой четырехугольный или [очень редко] пятиугольный участок, несколько возвышенный над общей поверхностью местности. В период жизни поселений каждое из них было окружено со всех сторон стеной, которая к настоящему времени превратилась в оплывший задернованный вал. Как правило, на углах заметны округлые, тоже оплывшие башни, которые возводились по периметру стен.

Вокруг городищ снаружи заметны следы рвов. Некогда они заполнялись водой, а сейчас представляют высохшие заплывшие впадины.

Что же характерно для всех городищ и чем они отличаются друг от друга?

Город, конечно, должен был выделяться величиной своей территории, которая обычно определяется длиной стен. Естественно, он имел хорошо продуманную систему фортификации и, конечно, дол-

жен был находиться на пересечении торговых путей или занимать удобное положение в данном районе. Безусловно, в городе должны быть развиты ремесла, наличие которых мы можем определить даже по подъемному материалу, то есть вещам, которые буквально «валяются под ногами» на поверхности развалин. Это обломки высококачественной, сделанной в специализированных мастерских, посуды, металлургические и стеклянные шлаки и т. д.

В качестве наиболее яркого памятника этого типа следует назвать городище Антоновское. Это самое крупное городище не только в Приджунгарье, но и во всем северо-восточном Семиречье.

Антоновское находится на восточной окраине небольшого современного села, давшего имя и средневековому городищу. Часть его площади уже застроена современными домами, занята под сады и огороды. Однако территория средневекового поселения очень хорошо определяется по четырехугольнику стен.

С одной из гор, подступающих к Антоновке с юга, хорошо видна панорама городища. Желтый квадрат стен отчетливо выделяется на фоне сочной зелени садов. Каждая из сторон этого квадрата в длину — около километра. В середине северо-западной стены находится один из въездов, а возле него изнутри у стены возвышается плоский подпрямоугольный бугор.

В западной части городища множество всхолмлений, в расположении которых прослеживается определенный порядок. Это, по всей вероятности, усадьбы городской знати. Через середину городища протекает горный ручей. Летом он иногда пересыхает, но еще каких-то 50—80 лет назад, по рассказам старожилов, ручей был полноводной речкой. Судя по разработанному руслу, это действительно было так.

Поверхность городища буквально усыпана обломками глиняной посуды, железными шлаками, кусками глазури. Много фрагментов сосудов, покрытых поливой. Поливная посуда на городищах Илийской долины была редкостью, известно, что она обычно производилась в крупных городских центрах.

Все это заставило археологов провести на Антоновском городище раскопки, которые позволили установить начало жизни города. Он возник в IX в. К этому времени относится характерный комплекс находок. Своеобразные поясные подвески с сердцевидной прорезью и S-образные псалии для удил, как хорошо известно археологам, изготавливались только в IX—X вв.

Этим же временем датируются красноангобированные кувшины,
94 украшенные оттисками штампов в виде «решетки в круге» и «колеса со спицами», кувшины, на ручках которых есть налепные шарики, красноангобированные чаши.

Один из раскопов на вершине плоского бугра у ворот открыл остатки помещения XI—XII вв. Раздавленные котел и кувшин на полу, мусорная яма — бадраб, заполненная всевозможными хозяйственными отбросами вперемешку с золой, нечто вроде летней кухни — вот, пожалуй, и вся, пока еще скромная «добыча» археологов.

Наряду с развалинами городов, подобных Антоновскому, есть и остатки сельских поселений. Размеры их скромны, стены иногда вообще без башен.

Керамика, собранная здесь, выглядит в общей массе более грубой. Больше обломков котлов, хумов для хранения зерна, очень мало или почти нет поливной посуды, да и откуда ей взяться в бедном селении земледельцев. Выручку от продажи скромных излишков про-

изводимых продуктов они тратили на самое необходимое и, конечно, о сервизе из поливных чашек могли только мечтать.

Среди развалин городищ есть бывшие укрепленные ставки или убежища. Их отличает система укреплений. Они должны были быть неприступными для врага, в них можно было отсидеться в момент нашествия чужеземных воинов.

Для примера обратимся к топографии одного из таких городищ. Названо оно Ащибулак. Место для ставки выбрано со знанием дела. Высокий обрывистый мыс небольшой речки Ащибулак, прорезавшей узкий и глубокий каньон в лёссовых отложениях, делал ее неприступной с этой стороны. Однако на всякий случай строители впритык к самому обрыву возвели еще и высокую стену. Даже сейчас, спустя тысячу лет, превратившаяся в оплывший вал, она еще поднимается на 4,5 *м*.

С трех других сторон стены были еще более мощными и высокими, их современная высота достигает 5—7 *м*. Поражает количество башен: кроме угловых на каждой стене их по 10, то есть через каждые 20—25 *м*.

Снаружи городище опоясано широким и глубоким рвом. Он заполнялся водой речки Ащибулак, с которой был соединен протоками. Вполне возможно, что уровень воды в нем поддерживался и донными ключами, которые действуют до сих пор.

Обычно культурный слой в городищах-ставках очень тонкий или вообще отсутствует. Это понятно: здесь постоянно не жили. Сюда в случае опасности сбегались сотни людей с окрестных поселений, здесь отсиживались ханы со своими конными отрядами после удачного набега на соседей.

Не раз стены и башни были свидетелями внезапных жестоких набегов, яростных криков врага, идущего на приступ под звуки боевых труб, видели пожары и ожесточенные битвы.

Мы пока еще слишком мало знаем о средневековой культуре и истории Приджунгарья. Пока еще не раскопано полностью ни одно из городищ, не определены их древние имена. Однако над ранее неизвестными городами уже приподнята завеса таинственности.

Семиречье. Красивый и богатый край. Седые вершины гор и плоские степи, голубые озера и бурные реки, плодородные предгорья и степные пастбища. Если мы заглянем в географическую карту Семиречья и мысленно, подобно богатырю Кобланды на сказочном тулпаре* Тайбулыре, пронесемся

Над водою широких озер,
Над снегами невиданных гор,
Над землей, где одни лишь пески,
Где бестравные солончаки,
Над землей, чью мощь и красу
Воспевают птицы в лесу,
Над землей, где ягод не счесть,
Над землей, что застыла в снегу,

* Тулпар — крылатый конь.

Над землей, позабывшей покой,
Там, где таволги цвет на лугу,
Там, где падают с веток плоды,

то увидим многие города, села, аулы, увидим дороги и тропинки, соединяющие их, и почувствуем полнокровный пульс нашей современной жизни.

А что если попытаться представить, какой была территория юга Казахстана тысячу лет назад. Для этого нам надо обратиться за помощью к средневековой письменной литературе и современным исследованиям археологов. Дополняя и уточняя друг друга, оба эти источника информации помогут нам расставить знаки на немой карте средневековья.

Перелистаем для начала страницы географического сочинения «Границы мира», написанного анонимным автором в последней трети X в. По мнению нашего выдающегося востоковеда В. В. Бартольда, «неизвестный автор имел гораздо более основательные познания по географии Средней Азии, особенно восточной части ее, чем его арабские современники».

На одной из страниц этого сочинения названы два селения — Тон и Тальхиза, расположенные на границе между владениями джикилей и карлуков, вблизи озера Иссык-Куль. Не без основания, должно быть, жители этих селений заслужили лестную характеристику воинственных мужественных храбрецов.

Попробуем, однако, отыскать эти названия на карте. Особый интерес в данном случае вызывает селение Тальхиза и прежде всего своим звуковым сходством с названием хорошо известного современного города Талгар, расположенного неподалеку от Алма-Аты. О чем гово-

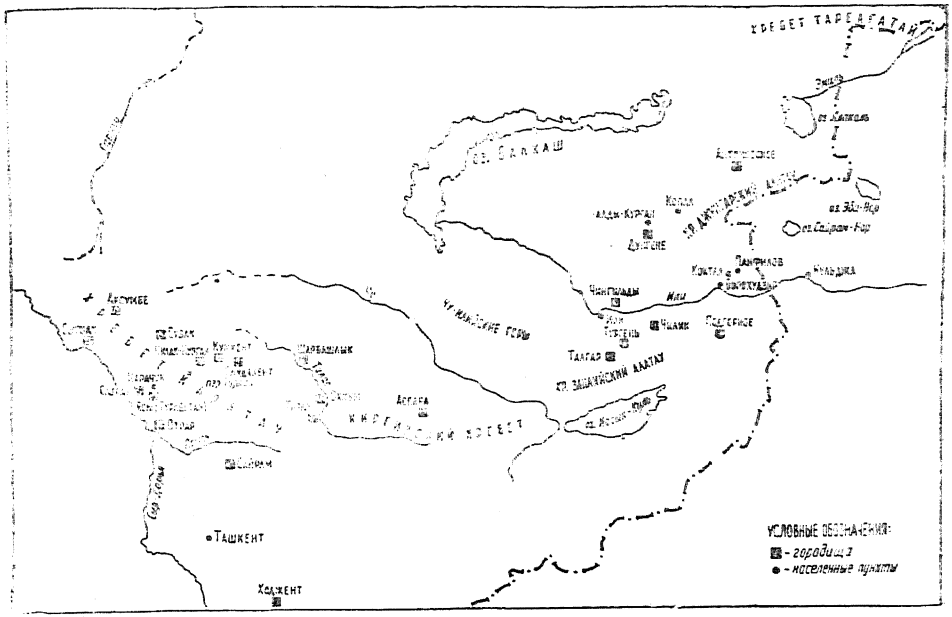

Рис. 23. Карта городов Казахстана XIII—XV вв.

рят археологические поиски в этом районе? О том, что средневековое городище здесь есть.

Находится оно на южной окраине города Талгар, на правом берегу речки Талгарки, у самого подножия гор. Центром его являлась территория, окруженная четырехугольником стен с регулярным повторением башен на них.

Размеры городского ядра относительно невелики — 250×300 *м*. Здесь находился дворец правителя города и жилища аристократии. Тут же обитали купцы и ремесленники. За стеной вниз по Талгарке, по ее обоим берегам, располагались загородные усадьбы феодалов, сельские поселения и жилища крестьян.

Археологические раскопки установили, что в IX—X вв. Талгар
100 уже был крупным культурным центром в северо-восточной части Семиречья.

Своего расцвета город достиг в XI — начале XII в. К этому периоду относится и одна из замечательных находок на городище, о которой стоит рассказать.

В 1941 г. несколько колхозников чистили старый арык, проходивший через территорию Талгарского городища. Вдруг кетмень одного из них вместе с землей вывернул блеснувшую на солнце фарфоровую чашу. А вскоре на пригорке лежала целая груда необычных предметов: четыре фарфоровые пиалы, фаянсовая чаша с изображениями людей в длинных черных одеждах, обломок глиняного котла с богатым штампованным орнаментом, бронзовое долото, два медных блюда. Вещи даже неискушенным в этом деле людям показались древними и поэтому были переданы на хранение в Центральный государственный музей Казахстана.

Пожалуй, наиболее интересны из всего этого клада два медных блюда. Одно из них сохранилось плохо, и сказать о нем что-либо определенное трудно. Зато второе, после того как его тщательно очистили, заиграло дивными изображениями и узорами, выполненными тончайшей гравировкой. В композиционном отношении внутренняя поверхность блюда разбита на несколько кругов. В центре круглый медальон диаметром 10 *см,* оконтуренный двумя параллельными линиями. Внутри медальона воспроизведены два крылатых существа с телом льва и человеческим лицом. Они стоят в геральдической позе, на задних лапах, спинами друг к другу, с перекрещенными хвостами. Тела изображены в профиль, лица — в фас. На головах трехзубчатые короны. Вся свободная площадь медальона занята растительной вязью. Следующее орнаментальное кольцо заполнено изображением звериного гона из трех пар собак и двух лис, разделенных кругами. Все собаки — в стремительном движении, с вытянутыми ногами и прижатыми ушами. Убегающие лисы оглядываются назад.

Еще одна круговая полоса заполнена изображениями медальонов, разбросанных группами и в одиночку. Медальоны в виде кругов и трилистников, сплетенных из стилизованных растительных побегов. Пояс медальонов отделен от края блюда двумя рядами полуовалов. И, наконец, по самому венчику идет орнамент в виде плетеных полос вперемежку с круглыми розетками. Попытаемся выяснить значение только что описанных изображений.

Звериный гон является неотъемлемым сюжетом не только замечательных изделий из бронзы, серебра и меди, украшающих восточные коллекции крупнейших музеев мира, но и излюбленным украшением на глиняной посуде. Для этого достаточно обратиться к так называе-

мой «штампованной посуде»* из Мерва [крупнейший средневековый город Туркмении]. При этом следует отметить многообразие представленных животных. Здесь можно найти птиц, лань, зайца, льва. Причем изображение их, по мнению ученых, связывалось с определенными религиозными культами. Утка, например, считалась символом благополучия, павлин олицетворял бога солнца и райскую птицу, козел — счастье и довольство, лиса испокон веков воплощала хитрость, лукавство, а также присущие этому животному смелость и ум.

Очень важные представления связывались со львом, а особенно — с фантастическим крылатым существом, имевшим туловище льва и лицо человека. Лев и его изображение должны были выражать силу, мужество и непобедимость. В эпическом творчестве и мифологии восточных народов было излюбленным сравнение героя со львом, олицетворяющим силу, могущество, власть и непобедимость. Великий Фирдоуси писал в «Шахнамэ»:

Как яростный лев на врагов нападу,
Пусть хватку они испытают мою,
Поймут, что меня не осилят в бою.

Вполне возможно, крылатые фантастические львы в коронах, изображенные в центре талгарского блюда, являют собой образы владык — героев.

А теперь, конечно, встает вопрос: где было сделано блюдо и как оно попало в Талгар? Стиль и сюжет изображений на талгарском блю-

* «Штампованная посуда» — посуда, украшенная оттисками штампов с негативными изображениями растительного орнамента, зооморфных и антропоморфных сюжетов.

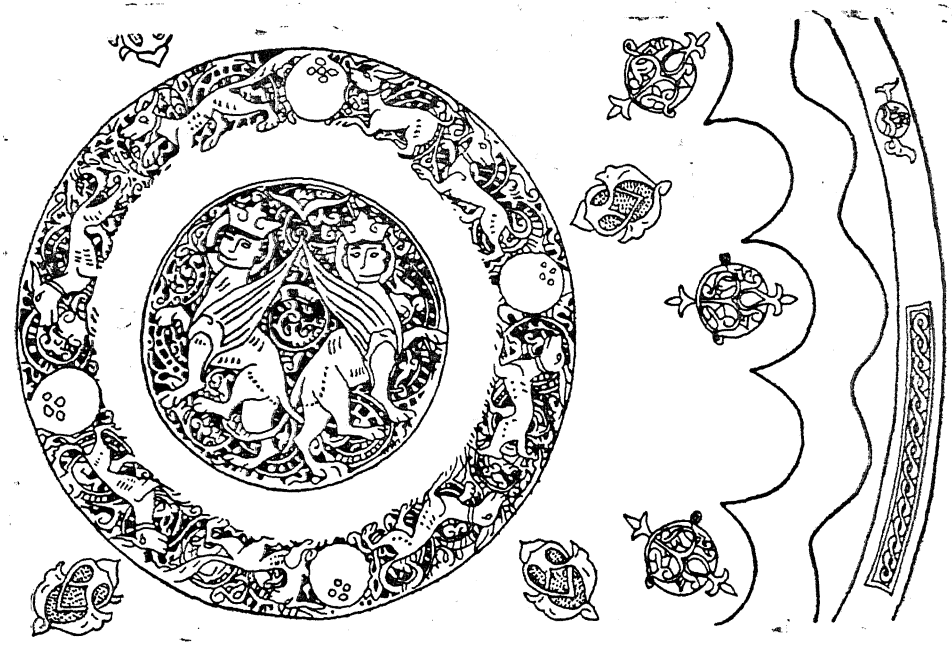

Рис. 24. Талгарское блюдо.
(Фрагмент)

де, вне всякого сомнения, свидетельствует о производстве этого замечательного произведения искусства в Иране примерно в XII—XIII вв. Несмотря на трудности, переживаемые страной в это время, вызванные фактическим распадом ее на отдельные полунезависимые и зависимые владения, в культурном отношении Иран сделал огромный шаг вперед.

Города Мерв и Нишапур — в Хорасане, Шираз и Исфаган — на западе, Рей, Казвин и Тебриз — на севере стали крупнейшими культурными центрами своего времени. В них процветали разнообразные ремесла, в том числе художественные; оживленной была внешняя и внутренняя торговля. Через города проходили караванные дороги, соединяющие иногда отдаленные друг от друга области и даже страны. Мерв и Нишапур славились своими библиотеками, Казвин и Тебриз — прекрасной архитектурой. Мечети, медресе, дворцы правителей, украшенные поливными изразцами, радовали глаз совершенством линий и пышностью отделки. Повсюду в городах было развито художественное ремесло, особенно ярко проявляющееся в изделиях из глины, покрытых глазурью, в ювелирном деле, в бронзе, в технике чеканки и инкрустации медью, серебром и золотом.

Где-то в одном из городов, может быть, в Мерве или Нишапуре, а может быть, в еще более далеком Тебризе, безвестным, но замечательным художником было изготовлено блюдо, найденное на Талгарском городище. Большой путь пришлось проделать ему в плотно упакованных тюках предприимчивого купца, пока оно не было продано на многолюдном базаре далекого семиреченского города местному вельможе. Возможен и сюжет с внезапным ограблением каравана или далеким военным походом, но это уже из области приключений.

Глядя же сейчас на это блюдо, невольно хочется, несколько переиначив слова известной персидской сказки, сказать: «В завитках его узоров еще сохранился аромат цветов далеких стран».

О том, что Талгар существовал и после монгольского нашествия, свидетельствуют находки посуды, украшенной голубой поливой, характерной для XIII—XIV вв. Интересно, а нельзя ли найти упоминание о нем в письменных источниках этого времени? Оказывается, можно. В сочинениях путешественников, побывавших в середине XIII в. в Илийской долине, есть упоминание о небольшом городке по северную сторону большой горы и о городе Чжимуэрре, расположенном к западу от Алмалыка. При этом следует отметить, что месторасположение древнего Алмалыка в Восточном Туркестане определено достаточно конкретно. Таким образом, небольшой городок Тальхиз, он же, по всей вероятности, и Чжимуэрр, следует искать у подножия большой горы. Но ясно, что не просто у большой горы, а у той горы, которая должна была быть самой большой из всех больших. Именно поэтому она была замечена путешественниками. Такой горой в цепи Заилийского Алатау мог быть Талгар — наивысшая точка всей этой системы. Следовательно, Чжимуэрр также соответствует Талгарскому городищу, расположенному севернее горы Талгар. И не без основания на древней карте Тальхиз — Чжимуэрр — Талгар, будучи крупнейшим и наиболее известным городом X—XIII вв., являлся столицей западной части Илийской долины.

А теперь откроем другую книгу. Называется она «Путешествие в Восточные страны» и принадлежит перу монаха Вильгельма Рубрука. В 1253 г. он был отправлен Людовиком IX в далекую ставку монгольского хана Мункэ — Каракорум с «великой миссией» — склонить мон-

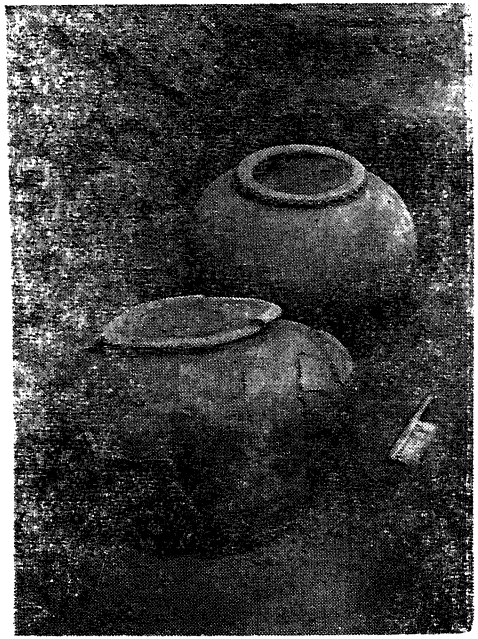

Рис. 25. Кладовая, раскопанная в Талгаре.

голов к христианству. Монах потерпел неудачу, но зато оставил книгу, обессмертившую его имя. Тонкий наблюдатель, любознательный человек, он расспрашивал и разузнавал все, что было возможно, и тщательно записывал свои наблюдения. В этой книге есть страницы, где подробно и обстоятельно Вильгельм Рубрук описывает все, что он видел в Илийской долине. Осенью 1253 г. он достиг предгорий Заилийского Алатау, а после этого через несколько дней, пишет Рубрук, «мы въехали в горы, на которых живут каракитаи, и нашли там большую реку, через которую нам надлежало переправиться на судне». Эту реку, конечно, вы уже узнали. Да, это полноводная Или. Переправа находилась в районе бывшего поселка Илийск. Она пользовалась популярностью с древнейших времен и не случайно именно в этом наиболее удобном месте бы-

ли в нашей республике сооружены железнодорожный и автомобильный мосты.

Переправившись через Или, пишет Рубрук, «мы въехали в одну долину, где увидели какой-то разрушенный замок, стены которого были только из глины и земля там была возделана. После этого мы нашли некий хороший город по имени Эквиус, в котором жили сарацины, говорящие по-персидски, хотя они были очень далеко от Персии. На следующий день, переправившись через те горы, которые составляли отроги больших гор, находившихся к югу, мы въехали на очень красивую равнину, имеющую справа высокие горы, а слева некое море или озеро, тянущееся на 25 дней пути в окружности».

Итак, в цитированном отрывке из дневника Вильгельма Рубрука назван город Эквиус. О местонахождении его в археологической литературе говорилось достаточно много. Ряд исследователей склонен был отождествлять Эквиус с развалинами Чингильды в 30 *км* восточнее р. Или. Было и другое мнение: Эквиус — это искаженное название города Еки-Огуза, о котором в XI в. писал Махмуд Кашгарский в своем фундаментальном сочинении «Диван лугат ат-тюрк». Если перевести эти слова как «развилка» или «еки-буиз» — «два рога», тогда город с таким названием следует искать в месте слияния рек Большая и Малая Биже, образующих своеобразную «развилку».

Окончательный ответ на этот вопрос могли дать только археологические исследования. Из всех средневековых городищ надо было выбрать то, которое бы более всего соответствовало описаниям Рубрука. Если исходить из этого принципа, то отождествление Эквиуса и Чингильды следует отбросить, и вот почему: городище Чингильды представляет собой небольшой караван-сарай. Размеры его 75×75 *м*.

А ведь Рубрук пишет о большом городе, который был крупным культурным центром. Не случайно же в нем находилась колония персидских купцов, в руках которых была сосредоточена транзитная торговля Средней Азии и Восточного Туркестана. Нет, развалины караван-сарая Чингильды — это не Эквиус, которому по всем статьям должно соответствовать громадное городище. И археологи стали искать его. «По следам» монаха-путешественника, буквально километр за километром, обследовалась трасса караванного пути. В долине Коксу, на левом берегу одноименной реки было обнаружено городище Дунгене, которое и является Эквиусом. Названием оно обязано переселенцам дунганам, которые в конце XIX в. основали здесь небольшое село. Сейчас оно разрослось и заняло всю территорию древнего городища. Как говорится,

«свято место не бывает пусто». То, что было облюбовано для жизни древним человеком, как правило, используется и его потомками, даже спустя многие сотни лет.

Городище занимает обширную территорию: достаточно сказать, что его северо-восточная сторона имеет длину 675 *м*, а юго-восточная — 565 *м*.

В 1939 г. здесь проводила раскопки Семиреченская археологическая экспедиция, руководимая А. Н. Бернштамом. Общая площадь раскопок составила 60 $м^2$. Удалось выявить три разновременных слоя, соответствующих трем последовательно сменявшим друг друга этапам жизни этого города.

Вероятно, в IX—X вв. здесь возникло небольшое поселение, жители которого занимались сельским хозяйством и различными домашними ремеслами. Они изготовляли грубую, лепленую вручную посуду — котлы, хумы для хранения запасов зерна и кувшины. Шло вре-

мя, увеличивалось население города, а так как помимо всего Дунгене находился на оживленном торговом пути, то город рос и за счет купечества, и караванной стражи. Развивалось ремесленное производство. Теперь гончары уже делали посуду в особых мастерских на гончарном круге. Научились они производить и великолепную глазурованную посуду, первые образцы которой были завезены сюда заморскими караванами. И хотя эта посуда была не так совершенна, как привезенная из Бухары и Самарканда, не так ярки и сочны были ее краски, она очень ценилась горожанами. Купить ее мог не каждый, и только зажиточный житель города, угощая гостей, наливал чай в блестящие, яркие пиалы.

Вокруг оживленного города возникло несколько сельскохозяйственных поселений. Жители их выращивали зерно, собирали богатые урожаи винограда и фруктов, разводили скот, а продукты своего труда везли продавать на центральную рыночную площадь города. Сюда же пригонял стада баранов и лошадей степняк-кочевник, зимовка которого находилась в низовьях Лепсы и Каратала. Обратно он вез изделия ремесленников — посуду, конскую сбрую, перстни и серьги для жены и дочерей.

Как выяснилось в результате раскопок, жизнь в этом городе продолжалась и в XIII в. Слишком выгодное положение занимал он на торговых путях, поэтому уцелел и после бурных событий начала века. И вот однажды осенью 1253 г. горожане были взбудоражены ошеломляющей вестью. В город из далекой и таинственной страны прибыло посольство, следующее к самому великому хану Мункэ. Большой грузный человек в длинных черных одеждах, зоркими глазами оглядывая гудящую пеструю толпу, важно проследовал ко дворцу правителя го-

рода. Да, это был Вильгельм Рубрук, а город, как ему сообщили, назывался Эквиус.

Из Эквиуса Рубрук направился далее на восток, в сторону современного Сарканда. Сюда он мог попасть двумя путями, и оба они начинаются от караван-сарая Айнабулак. Первый идет по бесплодной степной равнине через Абакумовский перевал. В средневековье он не пользовался популярностью, и на всем его протяжении нет ни одного караван-сарая. Зато второй путь — через Капал-Арасанский перевал пролегал у самого подножия гор, где много холодных горных ручьев и ключей, обильно орошавших поля земледельцев, строивших здесь селения.

На своем пути Рубрук, по всей вероятности, видел развалины
110 двух городов — Капала и Арасана, к тому времени уже запустевших. Пройдя Арасанский перевал, Рубрук спустился в долину Сарканда и Лепсы. «И эта равнина,— записал он в своем дневнике,— вся прекрасно орошена стекающими с гор водами, которые все впадают в упомянутое море [имеется в виду оз. Балхаш]. На вышеупомянутой равнине находилось много городков, но в большей своей части они были разрушены татарами, желавшими иметь там пастбища. Мы нашли там большой город Койлык, в котором был базар и его посещали многие купцы». Найти развалины Койлыка удалось, так же как и остатки многих городков, разрушенных еще до путешествия францисканского монаха. Койлыку соответствует городище в селе Антоновское. Оно самое большое в северо-восточном Семиречье. Лишь укрепленная часть его занимает территорию около 10 *га,* а протяженность стен равна 5 *км.* Койлык упоминается в письменных источниках и раньше. Он был столицей карлукских джабгу. Койлык — значит «баранье место».

Возможно, таким названием город был обязан знаменитому бараньему базару, который устраивался у его стен.

В Койлыке Рубрук прожил 12 дней и смог выехать лишь в праздник святого Андрея (30 ноября). Поблизости от Койлыка, в трех лье, он увидел несторианское селение, которое, по всей вероятности, находилось на месте современных развалин городища Лепсы [в 6 *км* восточнее Антоновского].

Оттуда через три дня посольство добралось до моря, «которое показалось нам столь бурным, как океан. Мой товарищ приблизился к его берегам, чтобы отведать вкус воды: она была солоновата, но все же пригодна для питья. Среди больших гор в юго-восточном направлении тянулась долина, а затем между горами было еще какое-то большое море, и через эту долину от первого моря до второго протекала река: в этой долине почти беспрерывно дует столь сильный ветер, что люди проезжают в великом опасении, как бы ветер не унес их в море». В этом море, «бурном, как океан», нетрудно узнать оз. Алаколь, куда Рубрук попал через Кыстак и горы Текели. Незадолго до него этим же путем прошло посольство папы Иннокентия IV, возглавляемое Плано Карпини. Интересно, что и последний отметил силу осенних алакольских ветров и даже записал легенду о «сильном ветре, скрывающемся в отверстии скалы».

Достигнув побережья Алаколя в декабре 1253 г., Рубрук проехал по перешейку Нарын-Узак между Алаколем и Кочнарколем. После этого, «переправившись через долину, мы направились на север к большим горам, покрытым глубокими снегами, которые тогда лежали на земле». Это был Восточный Тарбагатай, перевалив который Рубрук направился к Каракоруму.

Тринадцатому веку «повезло» на путешественников, которые один за другим едут в великоханскую орду в Монголию. Причины разные: одни ищут там союзников против врагов своих, другие устраивают торговые дела под покровительством новых завоевателей, третьи просят за своих подданных — оградить их от лихоимства монгольских наместников, четвертые — просто шпионы.

Древние «землепроходцы» оставили нам дневники или продиктовали свои впечатления историкам, о некоторых путешественниках дошли лишь воспоминания современников. Записи разные по своему значению, что объясняется и целями путешествия и личными качествами путешествующих.

В 1253 г. в Монголию отправились послы во главе с самим царем
112 Малой Армении Гетумом I. Описание их пути занимает всего несколько десятков строк. Но если записи Рубрука ценны подробным описанием быта и культуры народов того времени, то в сведениях послов Гетума привлекает другое — перечень городов, через которые они проезжали. Подобного подробнейшего списка до нас больше не дошло, если не считать арабские маршрутники IX—X вв. Некоторые из названий городов встречаются в этом списке впервые, они позволяют установить исторические имена средневековых городов Казахстана.

Послы Гетума выехали нелегально, чтобы просить помощи у великого каана против притеснений Аргуна, наместника монголов в Закавказье, прославившегося там своей жестокостью. Чтобы остаться неузнанным, Гетум переоделся погонщиком и с небольшим числом доверенных людей отправился в путь.

О маршруте Гетума в Монголию армянский историк Киракос Гандзакеци рассказывает очень скупо, видимо, потому, что посольство ста-

ралось миновать крупные города и выбирало глухие дороги. Упоминаются лишь Волга, Яик (Урал) и земля найманов в бассейне реки Иртыш. С большими трудностями, почти через год Гетум и его спутники добрались до Монголии. Посольство было хорошо принято в ставке великого каана Менгу (Мункэ), сына Тулуя, заключило договор с монголами и получило обещание уменьшить налоги.

Получив охранные грамоты, 1 ноября 1254 г. Гетум отправился на родину и «по пути, который он (раньше) прошел тайком, возвращался подобно льву». Судя по обилию названий, посольство заезжало во все большие и малые города, лежавшие на его пути.

Первый город на территории Казахстана, куда прибыло посольство,— это Илибалык, неоднократно упоминавшийся в письменных источниках и значительно позднее, крупный торговый центр на реке Или, ставка моголистанских ханов. После переправы через Или, или Илансу, как называет ее Гетум, перевалив через Чу-Илийские горы, посольство останавливается в Таразе. Здесь произошла встреча с братом Менгу — Хулагу, армия которого шла для завоевания Ирана. 113

Из Тараза Гетум поворачивает на северо-восток и в низовьях Таласа посещает города Хутухчин и Перканд, которые соответствуют современным развалинам Оххум и Шарвашлык, и выходит на северные склоны Каратау. В пяти городах побывало здесь посольство — это Сулхан, Койканд, Уросоган, Хузах и Хендахор. Все пять городов упомянуты впервые, может быть, только Сулхан был известен и географу X в. Макдиси, который называет его, правда, несколько иначе — Сугулган, город пограничный против кимаков.

На северных склонах Каратау находится около десятка городищ на расстоянии 60—100 *км* одно от другого, но только пять из них су-

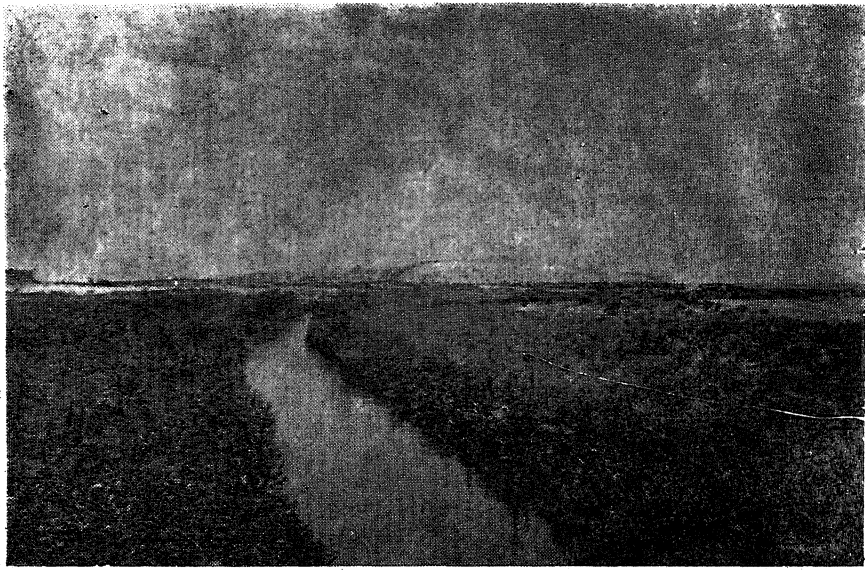

Рис. 26. Общий вид городищ Кумкент.

ществовало в то время, когда здесь проезжал Гетум: Саудакент, Кумкент, Чулак-Курган, Сузак и Ак-Сумбе. Следовательно, Саудакент в древности назывался Сулхан (или Сугулган), Кумкент — Койканд, Чулак-Курган — Уросоган, Ак-Сумбе — Хендахор, ну а Хузах — это, конечно, городище у современного поселка Сузак.

Через Ак-Сумбинский перевал в горах Каратау посольство прибыло в город Сыгнак, или Сенгах, как назван он в письменном источнике. Городище Сыгнак сохранило свое древнее название и находится недалеко от города Яныкурган в Кзыл-Ординской области.

Дальнейший маршрут посольства несколько необычен. Вместо того, чтобы возвращаться на родину старым путем, через Яик и Волгу, послы огибают горы Каратау, круто поворачивают на юг и следуют вдоль правобережья Сырдарьи. Киракос Гандзакеци не сообщает причин такого резкого изменения маршрута, но добавляет, что из Сыгнака Гетум ездил на свидание к сыну Батыя Сартаку. Может быть, это свидание и было причиной выбора пути? Батый был посредником и принимал участие в делах некоторых посольств, следовавших в Монголию. Посредничество было весьма важным, так как золотоордынский хан пользовался большим влиянием в великоханской ставке в Монголии, а при избрании Менгу на престол Батый непосредственно поддержал его кандидатуру. В то время, когда Гетум возвращался на родину, Батыя уже не было в живых и Сартак ехал в Монголию как наследник престола. Видимо, со смертью Батыя отпала необходимость вновь побывать в его ставке и Гетум выбирает новый маршрут. После Сыгнака он отправляется в Сауран, который поразил его своими размерами, Ясы, Отрар. Здесь он переправился через Сырдарью и проехал город Зернук на левом берегу реки. Затем проследовал через Джизак,

Самарканд, Бухару, Хорасан и Тебриз и в 1255 г. вернулся на родину.

Маршруты Гетума, Рубрука и других путешественников интересны не только упоминанием древних городов на территории Казахстана. Все они, видимо, пользовались почтовыми дорогами, организованными монголами для связи огромных завоеванных территорий с центральной ставкой в Монголии. Несомненно, что почтовые дороги шли по караванным путям, известным с глубокой древности, в том числе и по южно-казахстанскому участку Великого шелкового пути. Каждый описанный маршрут вносил много нового в представления о направлениях караванных путей и транзитных городах. Благодаря поездке Гетума впервые стало известно о городах на северных склонах Каратау.

Древний караванный путь продолжал функционировать и позже. Об этом известно из описания путешествия двух монахов-несторианцев, Ябалахи и Саумы, в 70-х годах XIII в. и Гетума II, который в начале XIV в. повторил путь своего предка.

В 1419 г. из Афганистана было отправлено посольство, которое проследовало через Ташкент, Сайрам, затем вдоль северных склонов Киргизского Алатау на Аспару, мимо Иссык-Куля на переправу через Или и далее в Восточный Туркестан. Однако на родину посольство возвращалось другим маршрутом из-за беспорядков на описанной выше дороге.

Это последнее известие в письменных источниках о караване через территорию Южного Казахстана и Семиречья. Бесконечные меж-

---

* Моголистан — государство, возникшее в середине XIV в. на территории Семиречья и Восточного Туркестана.

доусобные войны в Моголистане*, запустение центров транзитной торговли способствовали прекращению международной торговли на древней караванной дороге. Заросли травой старые тропы, по которым шли огромные караваны, груженные драгоценностями и шелком, оружием и фарфором.

Но торговые связи не прекратились, появились новые маршруты. Сырдарьинские и каратауские города становятся перевалочной базой для товаров, шедших из Средней Азии и казахстанских степей в Россию и в обратном направлении. И можно считать, что торговля была важным стимулом, благоприятствовавшим сохранению городской жизни в районах Сырдарьи и Каратау вплоть до XVII—XVIII вв., в то время как города Таласской долины и Семиречья давно пришли в запустение, превратились в безымянные тепе и торткули.

КРЕПОСТЬ АСПАРА

Археологическим памятникам позднего средневековья не повезло. Археологи не любят копаться в культурных слоях позже XIII в., может быть, потому, что период этот неплохо известен по письменным источникам, или потому, что истоки оседлой цивилизации и периоды ее расцвета, конечно же, интереснее для исследователя, чем время упадка и запустения целого ряда городов на территории Казахстана, которое пришло вместе с монгольским нашествием.

И тем не менее весной 1964 г. небольшой археологический отряд начал раскопки позднесредневекового городища Аспара, которое стоит на самой границе Казахстана и Киргизии, в 80 *км* от Фрунзе, у дороги Алма-Ата — Ташкент.

Вряд ли найдется в Казахстане другой памятник, который мог бы поспорить с Аспарой монументальностью своих развалин. Высота

наиболее возвышенной части — цитадели — достигает 20 *м*, по краям городища хорошо сохранился вал, под которым угадываются мощные крепостные стены, глубокие рвы шириной до 10 *м* окружают со всех сторон городище. Даже сейчас трудно подъехать к Аспаре из-за сильной заболоченности местности, и только дамбы и пандусы въездов указывают места, через которые когда-то попадали в город.

Городище интересно не только хорошей сохранностью. Сколько споров вызывает каждая попытка отождествить города, известные по древним письменным источникам, с современными развалинами! Аспара в этом смысле — редкое исключение, ибо городище стоит на реке Аспара и в местности Аспара, сохранивших свое древнее название, и отождествление, предложенное В. В. Бартольдом еще в 1893 г., прочно вошло в научную литературу.

Средневековые авторы хорошо знали Аспару, она неоднократно упоминается на страницах арабо-персоязычных рукописей.

IX век нашей эры. Арабы составляют «толковые» маршрутники для торговцев, с большой точностью указывая расстояния между городами и селениями на Великом шелковом пути. Тогда же впервые упоминается и Аспара.

70-е годы XIV века. Тимур готовится к походу на Китай, но на восточной границе неспокойно, кочевники Моголистана постоянными набегами тревожат окраину государства. Тимур не раз предпринимает попытки силой оружия покорить Моголистан, закрепиться там, но временные военные успехи не приносят желаемого результата. В конце XIV в. Тимур решает укрепить границу постройкой крепостей с сильными военными гарнизонами. Вот как пишет об этом биограф Тимура Ибн Арабшах:

Рис. 27. Ров у стен Аспары.

«Рассказ об устройстве им [Тимуром] стороны моголов и Китая и о том, что им сделано в этих местах. Когда он прибыл в Самарканд, то послал своего внука Мухаммад Султана, сына Джангира, вместе с эмиром Сейф ад-дином в крайний пункт, до которого доходили его слова и действовали его указы, а это то, что за р. Сейхуном*..., в месяце пути от страны Мавераннахра. Они заняли там долины и поля и построили несколько крепостей, самая отдаленная из них называется Аспара. Они построили в ней неприступную крепость, готовую к грабежу и опустошению...». В Аспаре был оставлен эмир Аргуншах, один туман (10 000) войска и сборные отряды. Однако моголы продолжали беспокоить набегами крепость и в 1403 г. Тимур был вынужден отправить туда большое подкрепление во главе с эмиром Аллададом, а через год пришлось построить новую крепость в десяти днях пути от Аспары на восток.

Видимо, и после этих мер положение гарнизонов было очень непрочным. Во всяком случае, в 1405 г. после смерти Тимура начальник гарнизона Аспары Алладад счет благоразумным покинуть крепость. «При этом же он приказал своей свите и войскам, и они забрали с собой все большое и малое, и он не оставил там из того, что принадлежало ему, (даже) мертвого и ничтожного. Они поползли, пошли медленно и временами препятствовала им земля снегом, временами же падал на них кусок неба... Первые поднялись с востока моголы, направились к Аспаре и Иссык-кулю и распространились в этой стране...».

Со смертью Тимура не прекратилась борьба за плодородные долины Таласа, Чу и Или. Аспара видела у своих стен в 1425 г. войска

---

* Древнее название Сырдарьи.

Улугбека, внука Тимура, в середине XV в. здесь произошло сражение между войсками тимурида Абу Саида и моголистанского хана Исан Бога. Вот, пожалуй, и все, что было известно об Аспаре по сведениям письменных источников.

Археологические раскопки заставили еще раз заговорить древний город, только теперь уже не строками древних рукописей, а языком вещественных находок, остатков жилищ и крепостных стен.

В слое XIII—XIV вв. были обнаружены жилые и хозяйственные помещения, различающиеся величиной, планировкой, вещественными находками, внутренним устройством. В жилых комнатах размерами от 27 до 10 $м^2$ в стенах различной величины имелись ниши, в которых
122 обычно стояла лучшая посуда, домашняя утварь. У стен глинобитные суфы, на которых отдыхали и спали, на полу остатки обогревающих очагов, небольшой глиняный столик на трех низких ножках. В некоторых комнатах обнаружены врытые в уровень с полом огромные глиняные бочки-хумы, в которых хранились хозяйственные припасы. Одна из комнат, самая маленькая по размерам (всего 1,5 $м^2$), служила кладовочкой для запасов зерна.

Помещения освобождались от завалов, и все яснее становилось, что в XIV в. в город пришла беда. На глинобитных полах в беспорядке лежали остатки обгоревших в огне пожара балок, перекрытий и камышитовых крыш, на стенах языки пламени оставили свой незажи-вающий след. Здесь же останки защитников города: кости, черепа, один из которых с пробоиной в затылке, панцирный нагрудник из бронзы. Стрела с железным наконечником не достигла своей цели и осталась лежать, воткнувшись острием в пол.

Когда же и кто учинил погром в Аспаре? Весь комплекс находок указывал на то, что случилось это не в 1219 г., когда армия Чингиз-хана под девятиконечным белым бунчуком шла к Сырдарье, а позже, примерно в первой половине XIV в., когда Чагатайский улус раздирали внутренние противоречия, шла ожесточенная борьба за власть и враждующие ханы разрушали города — ставки своих противников, когда было много охотников поживиться чужим добром.

Жестокий удар был нанесен не только Аспаре, но и многим другим городам в долинах Или, Чу и Таласа.

После событий XIV в. осталось лишь около двух десятков поселений, влачивших жалкое существование. Некоторым городам удалось оправиться после разгрома, другие так и остались стоять «развеянные по ветру».

До 1395 г. Аспара лежала в развалинах. Войска и строители, посланные по приказу Тимура, заровняли остатки полуразвалившихся жилищ, забутовали глиной, перемешанной с обломками сырцовых кирпичей и камня. Утрамбованная площадка была залита слоем глины толщиной 5—6 *см* и уже на этой основе были возведены новые постройки.

Стены помещений сложены из сырцового кирпича размером 36(32)×22(27)×7 *см*, глинобитные полы дополнительно сверху выложены мозаикой из квадратных сырцовых кирпичей.

Внутреннее устройство жилых и хозяйственных помещений очень напоминает то, что уже было раньше, в XIII в. Опять традиционные суфы у стен, ниши, очаги. В хозяйственных помещениях закрома и глубокие грушеобразные ямы под полом, где хранились запасы зерна. В одном из помещений были две глинобитные печи высотой в пол-

метра, на которые ставились большие котлы, и небольшая печь, сложенная из обожженного кирпича и обмазанная глиной.

Жилые и хозяйственные постройки тимуровского времени традиционны, но основное внимание средневековые архитекторы уделили оборонительным сооружениям Аспары, особенно крепостной стене.

Интересно, что в слое XIII—XIV вв., о котором шла речь раньше, крепостных стен вообще не обнаружено и, может быть, в Аспаре монголы поступили так же, как в городах, взятых штурмом: они прежде всего разрушали крепостные укрепления, оставляя город беззащитным. Монголы очень не любили крепостные стены, и даже новые города, появившиеся уже в XIII в., чаще всего строились без стен. Письменный источник объясняет эту особенность так: «Городам не позволено иметь стены и ворота, дабы не могли препятствовать вступлению войск... Так взнузданные народы остаются спокойны и не возмущаются».

Крепостная стена конца XIV в. была сложена из сырцовых кирпичей с большой примесью кварцевого песка, что придало им особую прочность. Высота сохранившейся части стены с внутренней стороны — около трех метров, следовательно, первоначально она была еще выше, а если учесть, что с внешней стороны общая высота городища вместе со стеной достигает двадцати метров, то получается очень внушительное сооружение.

С внутренней стороны крепостной стены, вдоль нее, располагались вытянутые в цепочку помещения и айваны, по-видимому, для гарнизона. И даже эти постройки архитекторы предусмотрели для оборонительных целей. Приставные стены помещений и айванов в самой высокой части — у крепостной стены — имели высоту около 2,5 *м*, на вну-

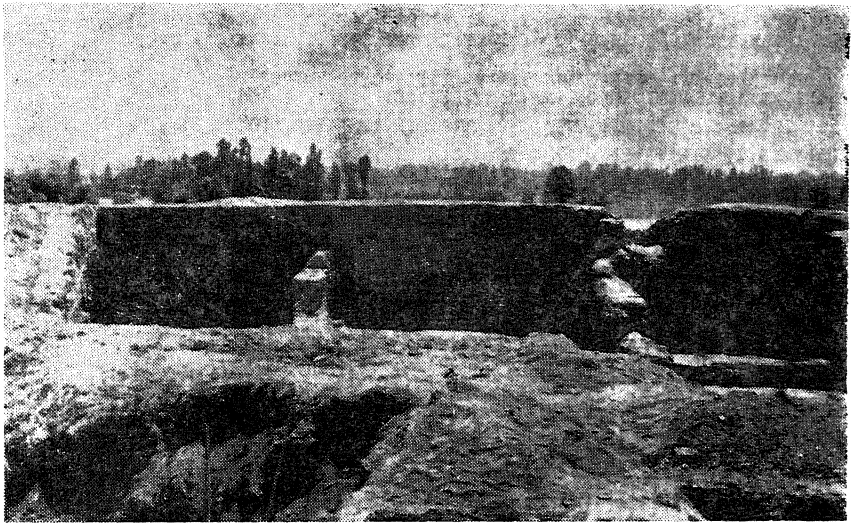

Рис. 28. Крепостная стена Аспары.

тренних углах помещений — до 1 *м*, причем понижение сделано в виде ступеньки. Перекрытия из деревянных балок и камыша были лишь в наиболее высокой части помещений. В результате такой конструкции крыша служила сплошной стрелковой площадкой вдоль крепостной стены, подъем на которую осуществлялся прямо по стенам помещений. Оставшаяся часть крепостной стены (т. е. 80—90 *см*) надежно закрывала обороняющихся от стрел врага.

Но и это не все. Между постройками у крепостной стены и жилым массивом внутри крепости было оставлено незастроенное пространство шириной до 6 *м*, что позволяло маневрировать гарнизону у крепостной стены в случае осады. Крепость была надежно обеспечена водой, о чем говорят многочисленные хаузы — водохранилища и колодцы. И, на-
126 конец, подступы к ней только по дамбам через русло реки Аспары и широкий ров, мощные фланкирующие башни у въездов и заболоченная местность создавали дополнительные трудности для наступавших.

Из одних письменных источников было известно, что основное население крепости составлял военный гарнизон. По другим сведениям, Аспару использовали также для ссылки провинившихся, недовольных вельмож Тимура. Конечно, окраина государства — самое подходящее для этого место. Однако археологические материалы расширили представление о назначении крепости и составе ее населения. За мощными стенами кроме гарнизона тимуридских войск находилось мирное население, которое занималось земледелием и скотоводством, гончарным ремеслом и выплавкой металла. Об этом говорят находки железных сошников и многочисленные кости животных, керамические и металлургические шлаки, бракованные изделия из бронзы.

Постоянная угроза нападения наложила свой отпечаток не только на принципы строительства и состав населения города-крепости. До монгольского нашествия территория Аспары состояла из цитадели, шахристана и округи в виде построек земледельцев и ремесленников за пределами общегородских стен. Следы жизни XIII — начала XIV в. обнаружены на территории только собственно города, во времена Тимура она продолжалась лишь под защитой новых крепостных стен цитадели. Старая территория шахристана была заброшена и превращена в огромный загон, в котором ночью находился скот.

Моголам так и не удалось взять осадой Аспару, несмотря на неоднократные попытки. Гарнизон сам покинул крепость и с ним, видимо, ушла и часть мирного населения. С занятием крепости моголами Аспара продолжала существовать, и мы даже знаем, что новые хозяева попытались переделать кое-что по-своему: подремонтированы стены помещений, появились новые хозяйственные ямы, вырубленные, правда, прямо в кирпичной выкладке пола.

После событий начала XV в. Аспара существовала еще около ста лет, после чего была покинута жителями. Неизвестна точно причина этого обстоятельства, но сгнившие и рухнувшие перекрытия, хозяйственные ямы, очищенные от содержимого, говорят о том, что запустение не было результатом насильственных действий. Какая-то иная причина заставила жителей искать другое пристанище...

Лопата археолога — весьма несовершенный инструмент. Можно не заметить, как будет выброшен в отвалы и потерян для науки черепок или обломок ножа, монета или маленькая бусина, и кто знает, какой процент составляют утраченные находки по сравнению с тем, что

удалось заметить, снять с лопаты, отряхнуть от многовековой пыли. Но бывают удачи, и именно такой была находка лопатки коровы с надписью на ней в одном из помещений Аспары XV в.

Костей было много, целые собирали, чтобы затем зоологи могли определить их, одну кость раздробила лопата и ее бы выбросили, если бы не странное обстоятельство: обычная гладкая желтоватая поверхность была на этот раз покрыта строками письма черной краской. Надпись сделана в XV веке:

«... И бека Арслана песней печали оплакиваем. Ах И (...) кувалукского (...) Хасана песней печали оплакиваем. Ах! И Умара (...)ского песней печали оплакиваем. Ах! И Хаджжаджа тоже песней печали оплакиваем. Ах! И Хасана Кучкарского песней печали оплакиваем.
128 Ах! И (...) бека песней печали оплакиваем. И Кулуй Мавлави бека песней печали оплакиваем. Ах!... И Адлинского бека песней печали оплакиваем Ах!... И Мухаммада-ходжу песней печали оплакиваем. Ах!... И Али Кутлуга песней печали оплакиваем. Ах!... Моих почтенных также (...) Умар умер, песней печали оплакиваем (его). Ах! ... И Хусайна (...) песней печали оплакиваем. Ах! ... И Чамура песней печали оплакиваем. Ах! И (...) Сирганлигского Хусайна (...) песней печали оплакиваем. Ах! ... Узун Умар тоже умер, песней печали оплакиваем (его) Ах!»

Лопатка плохо сохранилась, не поддаются переводу многие слова и даже строки. Надпись однообразна и монотонна, как заупокойная молитва муллы. Однако ясно, что она составлена по случаю одновременной смерти или гибели многих лиц, занимавших высокое положение: здесь упоминаются и беки, и ходжа, и другие, известные по прозвищам. Можно предполагать также, что надписи на лопатке име-

ли ритуальное значение и, по-видимому, оглашались при исполнении поминального обряда. Но кто эти люди и почему погибли?

Прозвища давались лицам явно незаурядным и часто по названию города или местности, из которой происходил этот человек. Хасан Кучкарский... Но ведь в источниках упоминается эта местность! Здесь в начале XI в. скончался первый в династии караханидов завоеватель Средней Азии Богра-хан, когда он возвращался после удачного похода из Самарканда в Восточный Туркестан. Местность Кочкар встречается у средневековых авторов Шереф ад-дина Йезди, Мухаммеда Хайдера, наконец, название Кочкар сохранилось до наших дней за верхним течением р. Чу. Значит, один из упомянутых происходит из местности, близкой к Аспаре, да и остальные скорее всего занимали видное положение либо в самой Аспаре, либо в ее округе.

Автор надписи не оставил даты печального события в жизни города, и можно только предполагать, что случилось это в начале XV в. в одной из многочисленных стычек гарнизона Аспары с моголами или позже, в ходе междоусобных войн различных политических группировок Моголистана. Не случайно же неподалеку от Аспары находилось большое кладбище воинов XIV—XV вв.

Находка письменности — редкая удача при археологических раскопах, и не только потому, что часть находок теряется. Время бесследно уничтожает все, что было когда-то на бумаге или на дереве, кость сохраняется несравненно лучше.

Автор аспаринской надписи предпочел кость другому материалу и, видимо, не только потому, что ровная поверхность лопатки очень удобна для письма.

Дело в том, что у тюрко-монгольских народов различные части

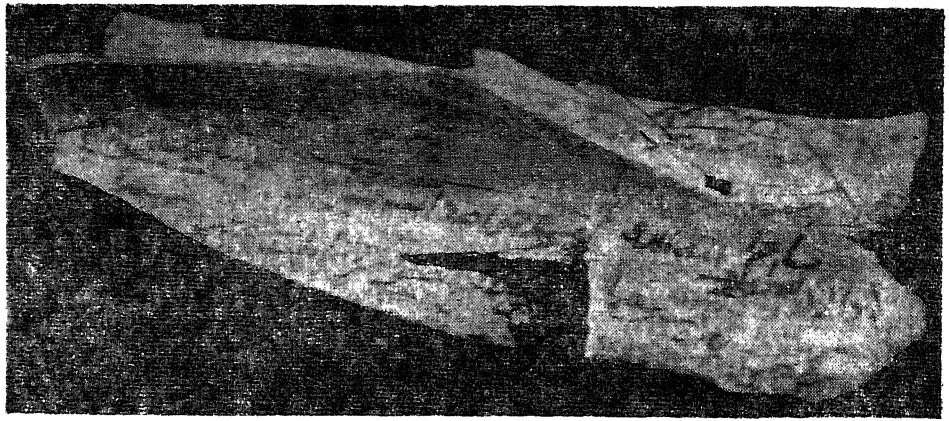

Рис. 29. Лопатка коровы с надписью.

скелета животных имели особый смысл. Крестец барана клали в могилу вместе с покойником при совершении погребального обряда. Очень часто археологи находят астрагалы барана, используемые после соответствующей обработки как игральные или гадальные кости.

Средневековые авторы Рашид ад-дин, Вильгельм де Рубрук, английский купец Дженкинсон и другие донесли до нас рассказы о древнем обычае гадания по лопаткам — обычае, широко распространенном у тюркских и монгольских кочевых народов. И не случайно лопатки животных часто встречаются в курганных захоронениях и связаны, видимо, с какими-то культовыми и магическими обрядами. Может быть, поэтому автор аспаринской надписи выразил свою печаль именно на лопатке?

Надпись сделана на тюркском языке, и это обстоятельство вызывает определенный интерес. Из письменных источников известно, что в государствах, основанных монголами на территории Средней Азии и Казахстана, распространение получил уйгурский алфавит, который в свое время был взят за основу одной из разновидностей монгольской письменности. Уйгурскому письму обучались молодые люди из знати, им воспользовались для кодификации монгольского обычного права — ясы, уйгурское письмо применялось в дипломатических документах XIII—XIV вв.

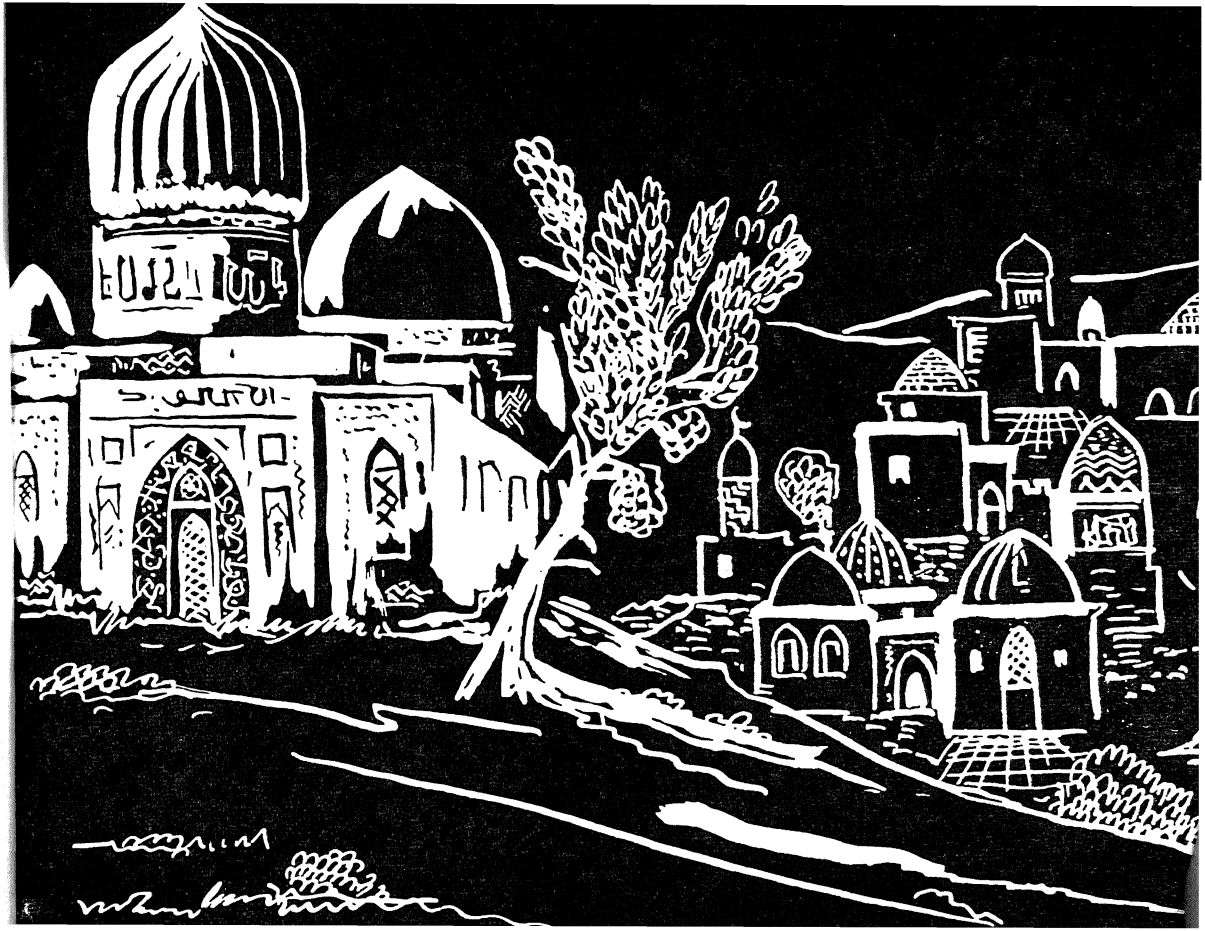
Археологические находки документов в Средней Азии, Казахстане, Поволжье, написанных на монгольском языке уйгурским шрифтом, подтвердили сообщения письменных источников. Однако уже в XIV — начале XV в. в тюркской среде широко распространилось арабское письмо, что скорее всего было связано с ассимиляцией и растворением пришлых монголоязычных племен в тюркской среде, когда, по

словам арабского географа ал-Омари, «все они [монголы] стали точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода...».

Из письменных источников было известно, что в XV в. тюркоязычные племена преобладали на Тянь-Шане, в предгорьях которого расположена Аспара и где монгольский элемент в XIII—XIV вв. был очень сильным. Преобладание тюркоязычных племен, несомненно, наложило свой отпечаток на все стороны культурной жизни, в том числе, конечно, и на письменность.

Так лопатка из Аспары с надписями на тюркском языке стала вещественным свидетельством этого исторического процесса.

...История общенародного имени «казах» стоит в связи с историей племен, населявших в древности запад и восток Казахстана, связующим звеном между которыми является юг Казахстана и прежде всего район Сыр-Дарьи. Вот почему изучение материальной культуры этого района имеет особое значение для этногенеза казахов.

А. Н. Бернштам

ГОРОДА ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

ДВЕ СТОЛИЦЫ ЮЖНОГО КАЗАХСТАНА

В 12 *км* к востоку от Чимкента расположен поселок Сайрам, утопающий в густой зелени садов. Вдоль его улиц выстроились шеренги тополей, а вокруг раскинулись плантации хлопка и пшеничные поля. Словом, типичный кишлак, каких десятки в Чимкентской области.

Мало кто знает, что восемь — десять столетий тому назад Сайрам был центром обширного округа с десятками городов, ремесленных поселков и земледельческих поселений. В периоды расцвета столицы, могущества ее правителей в округ входили даже такие крупные города, как Тараз, Кедер, Сауран и Туркестан.

В ту отдаленную от нас несколькими столетиями эпоху Сайрам носил другое название, цивилизованному миру тех времен он был известен под именем Испиджаб.

Географ ал-Макдиси в своем сочинении называет Испиджаб большим окружным городом: «Он имеет рабад и населенную медину. В ней крытые рынки, рынок полотна и соборная мечеть. Она (медина) имеет четверо ворот, у каждых ворот рабат: ворота Нуджакета, ворота Фархана, ворота Шахраны, ворота Бухары. Рабаты: рабат нахшебцев, рабат бухарцев, рабат самаркандцев, рабат Каратегина, а в нем его могила и рынок. Говорят, что в городе 1700 рабатов. Это славная пограничная крепость. Вокруг его рабата стена, а в нем самом заброшенная цитадель. Жители не знают неурожая. Их плоды небольшого размера, они хороши и сладки; город чистый; жизнь приятная».

Более полную характеристику Испиджаба приводит в своем энциклопедическом словаре Якут: «Испиджаб — название большого города, одного из главных городов Мавераннахра, на границах Туркестана. У него обширная область и много селений, подобных городам. Он был одним из самых процветающих и приятнейших стран, наиболее плодородных, обильных деревьями, проточными водами и прекрасными садами. Не было ни в Хорасане, ни в Мавераннахре города, который бы не платил налогов, кроме Испиджаба, потому что был он великой пограничной крепостью. Из-за этого он был освобожден от налогов, чтобы жители тратились на оружие».

Как явствует из этого описания, Испиджаб возвысился прежде всего благодаря своему выгодному положению в плодородной долине Бадама и на стыке важнейших торговых путей, один из которых шел на восток через Тараз в Восточный Туркестан, другой — в долину р. Арысь и вниз по ее течению к Отрару, к сырдарьинским городам, третий — на север, к Баба-Ате, Кумкенту и Сузаку. Непосредственно вблизи от Испиджаба, в двух легких дневных переходах, находился

один из богатейших оазисов среднего течения Арыси и ее правого притока Боролдая. Здесь на небольшом участке площадью всего 10—15 *км*^{2} сосредоточено свыше 20 развалин городов, поселений, усадеб и замков. По плотности населения в средневековье район Кенджиды [так называли тогда долину Арыси] не уступал знаменитому Отрарскому оазису. Центром Кенджиды был город Усбаникет, которому соответствуют развалины городища Джувантобе. По р. Арысь, видимо, проходила северная граница владений Испиджаба, и как всякая граница она была искусно укреплена. По левому высокому берегу Арыси приблизительно через каждые 8—12 *км* цепью тянулись высокие сторожевые курганы. Даже сейчас, замытые дождями, оплывшие и заросшие бурьяном, они возвышаются на 20—25 *м*. До сих пор в народе бытуют многочисленные предания об этих громадных буграх, называемых Караултобе. Название совершенно точно раскрывает их назначение. Караултобе были своеобразными пунктами наблюдения и сигнализации. С вершины их окрестная степь обозревается на десятки километров вокруг, и стоило зорким дозорным заметить опасность, к примеру, со стороны севера, как яркие костры ночью или черные клубы дыма днем извещали население арысских городов о грозящей опасности. Со скрипом запирались тяжелые, окованные медью городские ворота; приученные к внезапным вражеским набегам жители занимали места на городских стенах, а в сторону Испиджаба мчались быстроконные гонцы, вестники войны. И недаром в письменных источниках испиджабцев называют умелыми воинами: они могли постоять за себя.

Опасность угрожала Испиджабу и с юга, на богатые земли в IX в. стали претендовать властители Средней Азии — саманиды. В 839—

840 г. талантливый полководец саманидов Нух ибн-Асад взял Испиджаб приступом. Подчинение Испиджаба было, по всей вероятности, номинальным, уж слишком далеко он находился от Бухары — столичного города государства Саманидов.

В X—XII вв. Испиджаб уже назывался Сайрамом. Махмуд Кашгарский в своем сочинении пишет: «Сайрам — название белого города (ал-Мединат ал-Байда). Про него говорят также Сарьям».

В 1214 г. Сайрам, как и Тараз, был разрушен хорезмшахом Мухаммедом. Как свидетельствуют письменные источники, хорезмшах после захвата Южного Казахстана убедился, что не в состоянии защитить новые области от набегов восточных кочевников и отдал приказ опустошить пограничные города, выселить всех жителей на юго-запад. Но, видимо, небольшой военный гарнизон все же в Сайраме остался,
138 так как хроники, повествуя о походе Чингиз-хана, указывают, что один из его военачальников атаковал город Сайлань [Сайрам] и употребил катапульты, чтобы его взять. В 1221 г. город Сайрам вновь появляется на страницах древних летописей в связи с проездом через него монаха Чан-Чуня, вызванного для беседы самим Чингиз-ханом и проделавшего путь из Китая в Монголию, а оттуда к северным границам Индии, где его ждал великий завоеватель. В Сайраме Чан-Чунь и его ученики провели несколько дней, здесь один из них скончался и был погребен «на восток от города на одной возвышенности».

В поздних источниках Сайрам называется в числе городов, игравших роль ставок и торгово-ремесленных центров казахских ханств. Кроме того, до возвышения Туркестана и после Сайрам был крупнейшим религиозным центром. Не случайно в одном из своих изречений

известный толкователь Корана и поэт Ходжа Ахмед Ясеви [умер в 1160 г.] говорил: «В Сайраме святых отцов бессчетно, а в Туркестане несколько тысяч».

В Сайраме много «святых мест» — мазаров, которые в перестроенном виде сохранились до сих пор. Одним из старейших можно считать мазар Падшах Малик-баба, или Мир-алибаба, жившего в конце XI и в XII в. Мавзолеи воздвигнуты также на могилах Ибрагим-Ата и Кара-Соч-Ана, отца и матери Ахмеда Ясеви.

Топографию старого Сайрама, остатки цитадели, шахристана и рабадов определить трудно ввиду того, что вся территория городища занята постройками современного Сайрама, с его, на первый взгляд, запутанной, но в действительности строго централизованной распланировкой кварталов, больших уличных артерий и мелких переулков. Центральная часть кишлака — кала [укрепление], видимо, повторяет форму прежнего шахристана. До сих пор на территории поселка сохранились остатки городской стены с глинобитными башнями. К шахристану ког-

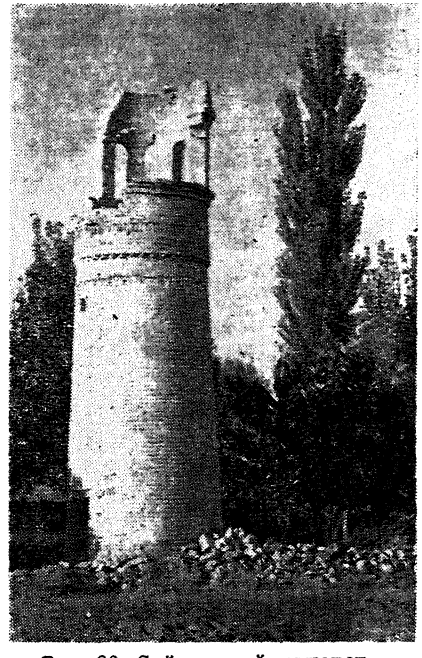

Рис. 30. Сайрамский минарет.

да-то примыкали обширные и густозаселенные торгово-ремесленные предместья, окруженные стеной, остатки которой все еще можно различить вдоль берега сухого русла р. Сайрам-Су.

Сейчас участки бывших рабадов застроены домами разросшегося поселка, заняты садами и огородами, и очень часто при земляных работах, при прокладке каналов и арыков сайрамцы находят обломки посуды, изделия из бронзы и железа, фрагменты архитектурных деталей — предметы материальной культуры своих далеких предков, жителей Испиджаба — древней столицы Южного Казахстана.

В 200 километрах к северо-западу от Испиджаба — Сайрама — находится позднесредневековая столица Южного Казахстана — Туркестан, крупнейший центр казахских ханств, город с богатым историческим прошлым.

Еще в X в. упоминается город Шавгар на полпути между Отраром и Саураном. Судя по этому сообщению, Шавгар находился в районе нынешнего Туркестана. Город известен под этим названием вплоть до XII в., когда стало входить в употребление новое его имя — Ясы. Впервые оно встречается в описании маршрута армянского посольства Гетума [XIII в.]. В 1389 г. город был разграблен войсками Тохтамыша, не пощадившего и ценности мавзолея Ходжа Ахмеда Ясеви. В последующее время Ясы находится во владениях тимуридов, время от времени переходя в руки ханов Узбекской орды.

С середины XVI в. Ясы принадлежал казахам, и именно тогда появилось новое название города — Туркестан. Казахские ханы сделали его своим центром и, видимо, желая подчеркнуть значение города в области Туркестан, назвали его тем же именем. Туркестан вплоть до конца XVIII в. [с небольшими перерывами] был крупнейшим центром

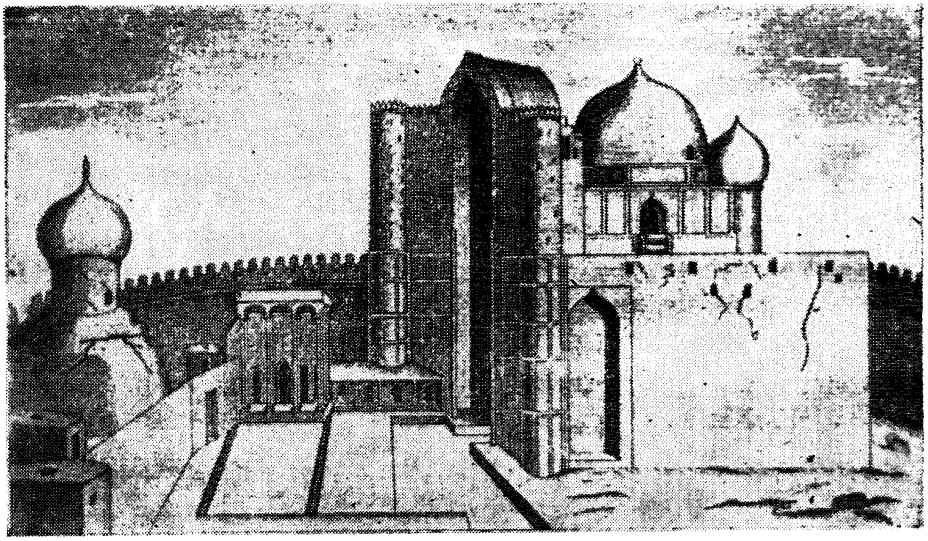

Рис. 31. Мавзолей Ахмеда Ясеви на старинной гравюре.

и официальным местом пребывания казахских ханов то Старшего, то Среднего жуза.

Сейчас территория городища занята постройками современного города, но еще можно видеть остатки цитадели в западном углу шахристана и обширную площадь рабада, окруженного земляным валом и пахсовой стеной.

Постройки старого Туркестана не сохранились до наших дней, и только мавзолей Ходжа Ахмеда Ясеви — уникальный памятник зодчих XIV в.— напоминает о большой древности города.

Ходжа Ахмед родился здесь и прожил большую часть своей жизни. Сюда, к могиле поэта-мистика и «апостола бедности» суфия Ходжа Ахмеда, ежегодно стекались тысячи паломников. Когда завоевателю
142 Тимуру показали могилу святого, он приказал построить над ней мавзолей.

«Тонкий политический расчет руководил при этом великим эмиром,— писал М. Е. Массон.— Польстить чувству кочевников вниманием к их национальной святыне, подчеркнуть духовное единство народов, исповедывавших ислам, воздействовать на впечатлительного номада грандиозностью замысла, а исполнением его дать представление о мощи империи — вот те практические цели, которые имелись в виду при возведении на окраине государства в конце XIV столетия первоклассного памятника среднеазиатского зодчества».

У основания с трех сторон мавзолей опоясывает панель из плит желтого песчаника, над которой — полутораметровая полоса поливных изразцов. Все стены выше панели, барабаны и купола покрыты голубыми, синими, белыми изразцами в виде крупных узоров на желто-синем фоне кирпичей. Величественный портал остался без украшений.

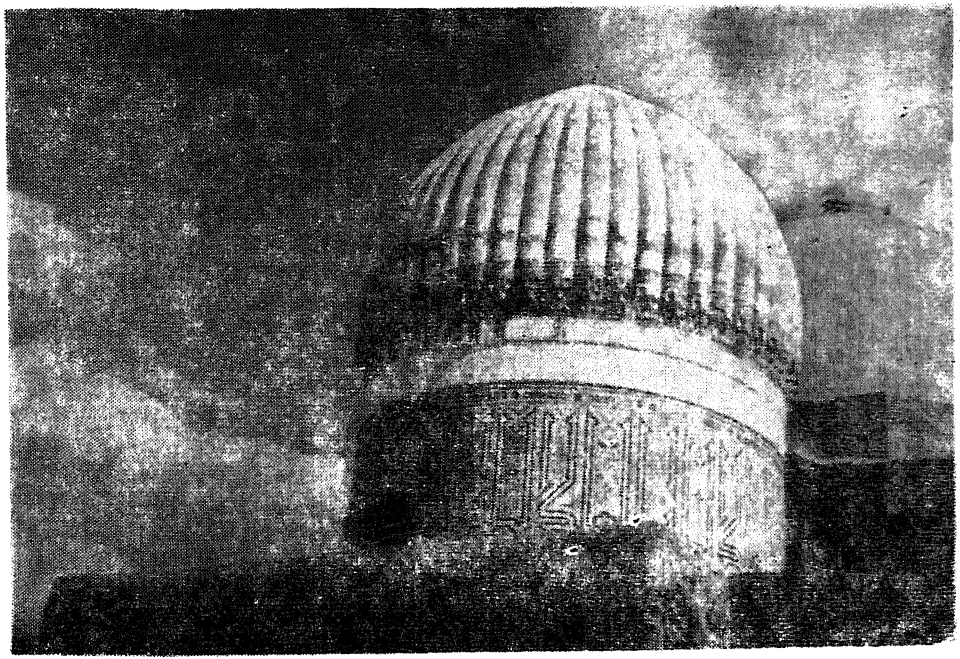

Рис. 32. Один из куполов мавзолея Ахмеда Ясеви.

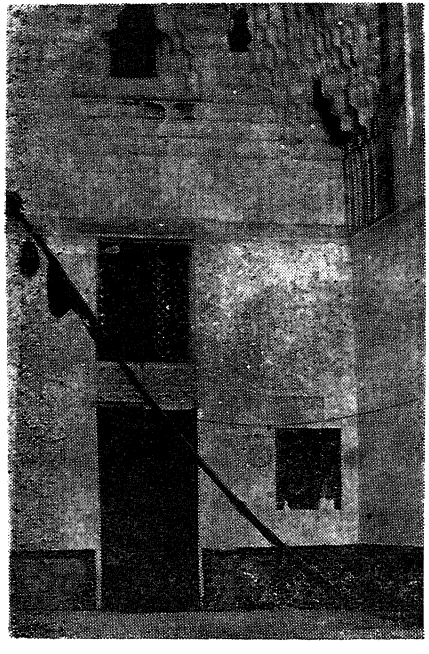

Рис. 33. Интерьер мавзолея Ахмеда Ясеви.

При жизни Тимура его не успели одеть в изразцовый наряд, а преемникам великого эмира было не до этого.

Двери с резьбой и следами инкрустации из кости открывают вход в центральное и самое большое помещение размером 18,5×18,5 *м*. В центре зала стоял огромный, в рост человека, бронзовый котел, который, по преданию, отливался недалеко от селения Карнак, в 25 *км* к северо-западу от Туркестана. Сейчас котел хранится в экспозиции Государственного Эрмитажа. Когда-то в него наливалась подслащенная вода, раздававшаяся по окончании пятничной молитвы.

За центральным залом — казанлыком — находится усыпальница Ходжа Ахмеда, надгробие которого сложено из гладких плит светло-зеленого мрамора без орнамента и надписей. Так же скромно и само помещение: белые стены снизу одеты голубой изразцовой панелью с синими изразцовыми угловыми полуколонками.

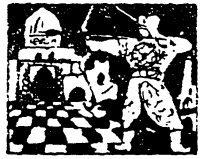
В мавзолее много других помещений — мечеть и худжры для поломников. Некоторые из них вскоре после постройки были превращены в склепы. Надмогильные камни XV—XIX вв. называют имена погребенных.

В архитектурно-художественной отделке памятника средневековые мастера применили все виды прикладного искусства: резьбу по дереву, алебастру, кости, камню и металлу; прекрасные изразцы, окрашенные в синий, голубой, белый цвета; кирпичную кладку, образующую сложный орнаментальный узор.

Уже современники по достоинству оценили постройку. «Мавзолей Ахмеда Ясеви,— писал Рузбехан,— одна из самых монументальных построек во всем мире, в архитектуре мавзолея проявлено человеческое искусство до поразительности и восхищения».

ОТРАРСКАЯ КАТАСТРОФА

В Казахстане трудно найти район, более интересный в археологическом отношении, чем Отрарский оазис. Там, где р. Арысь впадает в Сырдарью, на площади около 300 *км*^{2} находится свыше полусотни развалин древних городов, поселений, небольших усадеб и сторожевых вышек. Каждый холм, который образовался на месте древних поселений, имеет свое название: Алтын-тепе, Джалпак-тепе, Куйрук-тепе, Мардан, Пчакчи-тепе и многие другие. Когда-то у поселений были другие имена, но местные предания связывают современные наименования с теми функциями, которые выполняли древние города — спутники оазиса по отношению к Отрару.

Так, например, Алтын-тепе получило свое название потому, что здесь когда-то жили ювелиры, Пчакчи-тепе — оружейники, Куйрук-тепе — мясники и т. д.

Большинство городов и поселений, окружавших в древности Отрар, запустело еще в X—XII вв., и неудивительно поэтому, что народные предания не сохранили исторически достоверные имена. И только сам Отрар пронес свое имя через столетия.

Мы не знаем точно, когда впервые появилось на месте Отрара поселение, во всяком случае оно должно быть древнее, чем первое упоминание города в письменных источниках в начале IX в. н. э. К этому времени Отрар был уже крупным городом, так как арабский историк Табари называет царя города Отрара в числе врагов халифа ал-Мамуна, а другой арабский историк ал-Азраки сообщает: «... он (ал-Мамун) постарался овладеть областью Отрар; он убил начальника пограничной крепости и взял в плен сыновей карлукского джабгу с его женами, после того как заставил бежать его самого в страну кимаков». Однако подчинение Отрара арабам было непродолжительным, так как еще в годы правления ал-Мамуна (813—818 гг.) «царь Отрарбенда отказался платить подать, которую он обычно платил». С этого момента и вплоть до начала XIII в. имя города Отрара исчезает со страниц письменных источников. Правда, вместо него источники IX—XII вв. упоминают округ (иногда и город) Фараб и его главный город Кедер, но до сих пор вопрос о тождестве Фараба и Отрара, о месте нахождения города Кедера является спорным и нерешенным.

В 1218 г. Отрар вновь появляется на страницах источников. В то время среднеазиатские города еще не видели у своих стен всадников на низкорослых монгольских лошадях, но имя Чингиз-хана хорошо было известно.

... Сын родового вождя, он остался без отца в девять лет, прошел через унижения и плен, был брошен всеми, но не смирился. В ожесто-

ченной борьбе с противниками сумел встать во главе разобщенных племенных объединений. Одних противников он уничтожил, другие, сняв пояса и повесив их на шею, преклонили перед ним колени. Когда Чингиз-хан почувствовал силу созданного им государства, говорил своим соплеменникам:

«У нас всюду враги — от заката солнца и до восхода его» — и сумел внушить всем, не только себе, что «провидение» указало ему путь на Запад. По его приказу уничтожались без сожаления десятки городов, десятки тысяч людей.

Когда Чингиз-хан почувствовал приближение смерти, он просил одного из мудрецов: «Сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе».

148 Монгольское завоевание началось с Отрарской катастрофы, но тучи над Средней Азией и Казахстаном начали сгущаться значительно раньше.

В начале XIII в. разбитые Чингизом племена найманов, меркитов, кереитов были вытеснены из Монголии, а после окончательного разгрома на Бухтарме [приток Иртыша] найманы во главе с Кучлуком бежали в Семиречье, а меркиты — в Дешт- и Кипчак. В это время Семиречье находилось под властью пришлой династии Каракитаев, которым подчинялась огромная территория от Восточного Туркестана до Амударьи. Однако положение каракитаев к моменту появления найманов в Семиречье было очень непрочным и Кучлук к 1211 г. добился ликвидации власти каракитаев в Семиречье и даже начал борьбу за подчинение других территорий свергнутой династии. Борьба была весьма успешной, во всяком случае хорезмшах Мухаммед, который претендовал на каракитайское наследство, вынужден был очистить

территорию правобережья Сырдарьи, не в силах удержать ее перед наступавшими найманами.

События, которые произошли вслед за этим, кажутся просто невероятными: огромное государство Кучлука — от Восточного Туркестана до Сырдарьи — распалось под ударами небольших монгольских отрядов.

Еще в 1211 г. преследовать найманов был послан отряд Хубилай-нойона. Он сумел склонить на сторону Чингиз-хана мятежные племена карлуков в северных районах Семиречья, но начавшаяся война с Китаем потребовала возвращения отряда в Монголию. В 1218 г. против Кучлука был послан отряд Джебэ-нойона. Монголы очень удачно использовали политическую обстановку в Семиречье, где грабежи и поборы, нетерпимость к мусульманам давно восстановили местное население против Кучлука. «Джебэ-нойон с нукерами — по словам Рашид ад-дина — возвестил через глашатая, чтобы каждый (человек) придерживался своей веры и хранил бы (в религии) путь своих предков». Этого было достаточно, чтобы вызвать восстание против найманов. Города открывали ворота перед монголами и встречали их как избавителей.

Таким образом, к началу войны с Хорезмом Чингиз-хан фактически овладел территорией вплоть до Сырдарьи, и нужен был только предлог, чтобы двинуться дальше на Запад.

В 1218 г. из Монголии был отправлен торговый караван, в составе которого было 450 человек и 500 верблюдов, нагруженных золотом, серебром, шелком, мехами бобров и соболей и другими товарами. Караван не дошел до городов Средней Азии. В Отраре, первом же пограничном городе, он был задержан, купцы перебиты, а товары разграб-

лены. Современники по-разному оценивали причины катастрофы: одни считали, что караван стал жертвой жадности наместника Отрара Кайрхана (Иналчика), другие обвиняли хорезмшаха Мухаммеда, который считал купцов шпионами и, возможно, отдал приказ об их уничтожении. Как бы то ни было, караван был перебит, и только погонщику верблюдов удалось спастись бегством и принести страшную весть в Монголию. Отрарская катастрофа сделала войну неизбежной.

Весной 1219 г. двухсоттысячная армия выступила в поход. Впереди шли отряды Субедэя, Джебэ и Тохучара. Перевалив через Алтай, лето провели в долине Иртыша, «чтобы лошади откормились», и только осенью 1219 г. войска подошли к стенам Отрара. Вот рассказ об
150 этих событиях из книги «История завоевателя мира», написанной современником Ала ад-дин Ата мелик Джувейни. «... Прежде всего они (монголы) пришли к городу Отрару. Они разбили свои палатки вокруг города. Султан дал Кайрхану 50 тысяч человек из его пограничных войск и послал Карача Хаджиба к нему на помощь еще с 10 тысячами. Цитадель, внешние укрепления и городская стена были хорошо укреплены и было собрано большое количество оружия для войска. Кайрхан с его отрядом сделал все приготовления к битве внутри города, расположил пехоту и кавалерию у ворот, а сам поднялся на стену; когда он посмотрел вперед, он прикусил кончик пальца от удивления перед открывшимся внезапно видом: насколько он мог охватить взглядом равнину, она вся стала бурлящим морем бесчисленных толп и великолепных войск, тогда как воздух был полон криков и шума (создаваемого) ржанием закованных в броню лошадей и ревом покрытых кольчугами мулов.

Армия расположилась несколькими кругами вокруг крепости. И когда войска собрались, Чингиз-хан отправил каждого из полководцев в определенном направлении. Своего старшего сына (Джучи) он послал в Дженд и Барчилыгкент с несколькими туманами храбрых и деятельных воинов; некоторое число своих военачальников послал в Ходженд и Бенакет. Сам он направился в Бухару, оставив Угедея и Чагатая во главе войска, которому была поручена осада Отрара.

Так как конные войска должны были быть использованы в других направлениях, гарнизон мог выдержать продолжительную борьбу и сопротивляться в течение пяти месяцев. Наконец, когда положение населения Отрара стало безвыходным, Карача спросил Кайрхана о (возможности) покориться и сдать город монголам. Но Кайр знал, что он был причиной этих трудностей и не мог ожидать, что монголы пощадят его жизнь и он не знал никакой лазейки, через которую он мог бы спастись. Поэтому он продолжал борьбу из всех сил. 151

Карача с большей частью своей армии отправился через ворота Суфи-хана. Татарское войско вошло ночью через эти же самые ворота и взяло Карача в плен... Все виновные и невиновные (жители) Отрара, как покрытые чадрой, так и кулахом или тюрбаном [т. е. женщины и мужчины], были изгнаны из города как стадо баранов, а монголы разграбили все вещи и имущество (их), какое только они могли найти.

Что касается Кайра, то он вместе с 20 тысячами храбрых мужчин и подобных львам воинов нашел убежище в цитадели... И каждый из них до последнего вздоха продолжал сражаться; и по этой причине многие из монгольского войска были убиты. И так борьба продолжалась еще весь месяц — до тех пор, пока остался в живых только Кайр и еще два других и он все продолжал сражаться и не поворачивал на-

зад, чтобы спастись бегством. Монгольские войска вошли в цитадель и загнали его на крышу, но он с двумя своими товарищами все еще не сдавался. И так как воинам было приказано взять его в плен и не убивать его в бою, то, повинуясь этому приказу, они не могли убить его. Между тем его товарищи приняли мученическую смерть, а у него самого не осталось оружия. Тогда девушки стали передавать ему кирпичи из стен дворца... И после того, как он прибег ко многим хитростям и произвел много нападений и уложил многих воинов (из монгольского войска), он все-таки попал в ловушку захвата, был связан и закован в тяжелые цепи. Цитадель и стены были сравнены с землей и монголы удалились. А тех из простолюдинов и ремесленников, которые избежали меча, они увели с собой для того, чтобы применить их в
152 качестве хашара или воспользоваться их искусством в ремесле. И когда Чингиз-хан пришел из Бухары в Самарканд, их пригнали туда тоже.

Что касается Кайра, то они в Кок-Сарае заставили его испить чашу уничтожения и облачиться в одеяние вечности»*.

Отрар за время долгой осады остался в глубоком тылу монгольских войск. Главные силы во главе с Чингиз-ханом захватили по дороге в Бухару Зернук и Нур, в феврале 1220 г. взяли Бухару, а в январе 1221 г.— Самарканд. В течение семи месяцев защищалась столица Хорезма Ургенч, но после упорных боев внутри города пала. Такая же участь постигла Кеш, Нахшеб, Термез, Мерв и многие другие города.

Так, в течение 1219—1221 гг. была захвачена большая часть территории современного Казахстана и Средней Азии. Монгольское нашествие было настоящим бедствием, оно подорвало хозяйство, уничтожи-

---

* Кайрхана казнили в Самарканде, залив в глотку расплавленный свинец.

ло многочисленные центры городской культуры. Грабежи, насилия и разрушения принесли монголы в некогда цветущие районы Средней Азии. «Сомнения нет,— писал в 1340 г. персидский географ Хамдаллах Казвини,— что разруха и всеобщая резня, бывшие при появлении Монгольской державы, таковы, что если бы и за тысячу лет никакого другого бедствия не случилось, их все еще не исправить, и мир не вернется к тому первоначальному состоянию, какое было прежде этого события».

Конечно, отрарская катастрофа и шестимесячная осада Отрара — это лишь небольшой эпизод в истории городов Казахстана в начале XIII в. Но монгольское нашествие в целом имело далеко идущие последствия для судеб городской цивилизации на юге Казахстана. Археологическое обследование городищ в Семиречье, Чуйской и Таласской долинах показало, что большинство городов и поселений в верхних слоях имеют следы пожарищ и запустения, существовали они до XIII—XIV вв. Считать, что все они погибли в ходе продвижения монгольских войск к Сырдарье, нет оснований, так как письменные источники молчат на этот счет. Или, может быть, отрарская катастрофа и ужасы монгольского завоевания Средней Азии заслонили перед современниками гибель малоизвестных городов Семиречья? Ответить на этот вопрос трудно, и необходимо детальное археологическое обследование каждого городища. Это дело будущего, а пока проследим по письменным источникам, как развивались события дальше.

В 1227 г., незадолго до смерти Чингиз-хана, завоеванные территории были поделены: между Иртышом и Волгой обосновался улус Джучи, или Золотая Орда, юрт Угедэя находился в Тарбагатае, на берегах рек Эмиля и Кобука; Тулуй наследовал основной юрт, перешедший от

отца, со столицей в Кара-Коруме. Земли Средней Азии и Южного Казахстана отошли под власть Чагатая. Границы этого улуса простирались от Восточного Туркестана до Амударьи. Чингиз-хан, по словам Рашид ад-дина, так говорил о своем втором сыне: «... кто хочет хорошо знать ясу, правила, закон и билики, пусть идет к Чагатаю». Ненавистник мусульман и поклонник кочевых традиций, Чагатай обосновался ставкой в Семиречье, где-то в районе среднего течения р. Или, проводя лето на великолепных семиреченских пастбищах, а зиму — в городах Койлык или Алмалык. Управление на местах осуществлялось через посредство наместников, откупщиков налогов на основе законодательных мероприятий, выработанных только в 30-х годах XIII в. Тогда великим кааном Угедэем были установлены твердые ставки на-
154 логов с оседлого и кочевого населения, поделены культурные земли и пастбища, установлены разверстки на население со стороны послов, гонцов и военных властей на местах, учреждена почта и т. д. Эти законодательные акты распространялись на всю территорию империи, но фактически каждый улус жил своей жизнью, и повсюду процветали грабежи, насилия, незаконные поборы с местного населения. Особенно ухудшилось положение после смерти Чагатая в 1242 г., когда в улусе разгорелась жестокая борьба за власть между различными представителями монгольской знати.

Война стала так обычна, а предложения о мире настолько нелепы и подозрительны, что монгольские царевичи говорили в ответ на очередное предложение о мире: «Неведомо, что за война таится за этим миром».

Все перипетии борьбы в конечном счете отражались на городах, бывших ставками или просто входивших в сферу влияния различ-

ных враждующих между собой группировок монгольской военно-кочевой знати. Излюбленный метод борьбы — разграбить и уничтожить враждебную ставку — широко применялся во второй половине XIII в. Из письменных источников известно, например, что в 1264 г. жестоко пострадали города северо-восточного Семиречья, из-за грабежей и насилий войска «появились нужда и голод». В том же году войсками Алгуя, внука Чагатая, был взят и разграблен Отрар. Есть и другие свидетельства современников, рисующие картину запустения и упадка. В 1253 г. через Семиречье проезжал посол французского короля Людовика IX Рубрук, который записал в своем дневнике: «На вышеупомянутой равнине прежде находилось много городков, но по большей части они были разрушены татарами, чтобы иметь возможность пасти там свои стада, так как там были наилучшие пастбища».

Нельзя сказать, что монголы не предпринимали попыток приостановить процесс запустения городов в Южном Казахстане. Соображения экономического порядка [ведь с кого-то надо было взимать налоги] заставляли задуматься некоторые горячие головы. И в этом отношении интересен курултай монгольских царевичей, созванный весной 1269 г. в Таласской долине по инициативе Кайду, внука Угедэя, возглавлявшего наиболее мощную группировку монгольской знати Чагатайского улуса.

После взаимных упреков царевичи предложили: «... поделим справедливо летние и зимние стойбища и поселимся в горах и степях, потому что эта область крайне опустошена и невозделанна». Царевичи условились между собой и постановили, что «впредь будут селиться в горах и степях и не будут бродить вокруг городов, не будут выгонять животных на нивы и предъявлять райятам (земледельцам) несправед-

ливые требования». Договор закрепили клятвами в верности, обменами одеждой и другими знаками взаимного расположения.

По-видимому, некоторое время решения таласского курултая соблюдались. Во всяком случае известно, что в Таласской долине, которую облюбовал Кайду, установилась благоприятная обстановка для городов. Тараз в это время чеканит монету, его посещают послы, путешественники, в городе ведется строительство. До наших дней сохранился скромный мавзолей, построенный во второй половине XIII в. Однако и во времена правления Кайду не прекращается борьба с центральным правительством в Монголии, а после смерти Кайду в 1301 г. разгорается междоусобная война наследников Кайду и Чагатая в восточной и западной части улуса. Видимо, в ходе этой борьбы в первой
156 половине XIV в. и запустело окончательно большинство городов Семиречья, Чуйской и Таласской долин.

Удивительную жизнеспособность проявил в это тяжелое время Отрар. Он сумел возродиться после страшного погрома 1219 г., и в 1255 г. армянский путешественник упоминает его наряду с другими крупными городами на Сырдарье. Отрар входит в улус Джучи, а после разделения Золотой Орды на две части — в состав Ак-Орды. Он сумел оправиться и после разграбления в 1264 г., Отрар по-прежнему играл роль важного посредника в мировых торговых операциях и фигурировал в описании торгового пути от Азовского моря до Дальнего Востока, составленного в 1320 г. флорентийским купцом Пеголотти. Ханы Ак-Орды, особенно Эрзен, строят в Отраре медресе, ханака, мечети, усыпальницы. Отрар вышел невредимым из жестоких многолетних схваток между Тимуром и Урус-ханом, объединившим Золотую Орду. После разгрома бывшего улуса Джучи он входит в состав госу-

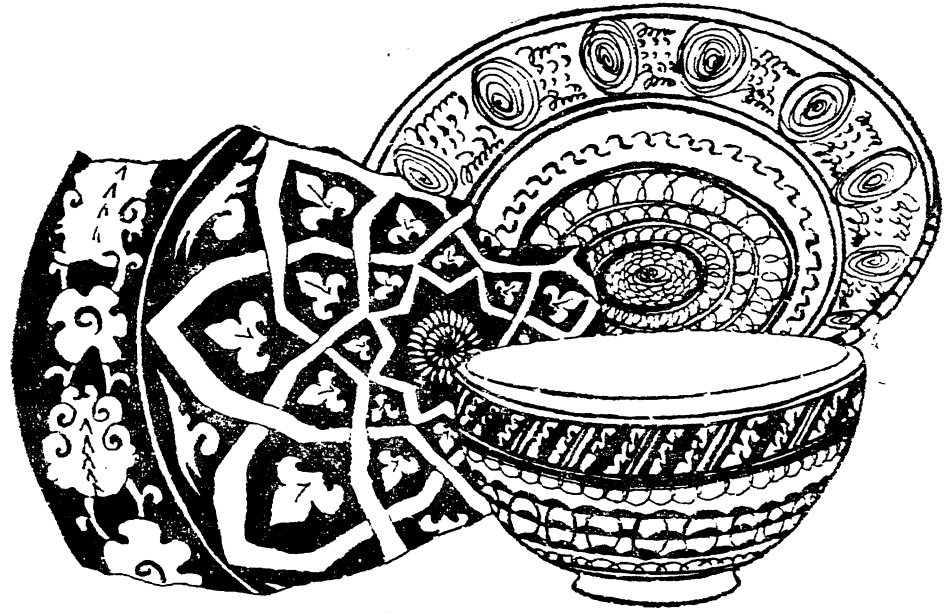

Рис. 34. Поливная керамика XV—XVI вв. из Отрара.

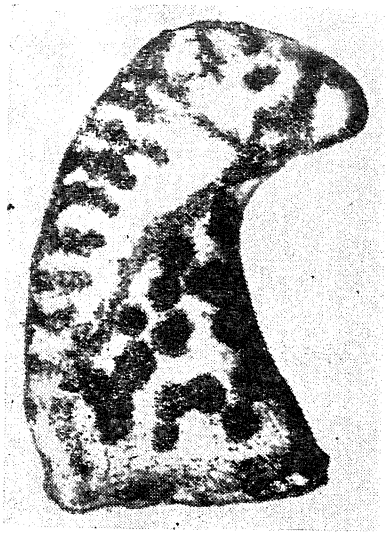

Рис. 35. Глиняная лошадка из Отрара.

дарства Тимура, который неоднократно посещал его и умер здесь же в ненастную февральскую ночь 1405 г., в самый разгар подготовки грандиозного похода на Восток. После его смерти военачальники все же начали поход, но армия дошла только до села Чилик, расположенного в 30 *км* восточнее Отрара, и вернулась в Самарканд.

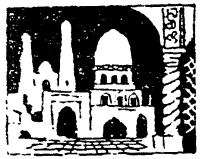
Судьба Отрара вновь подвергалась испытаниям в ходе борьбы наследников Тимура и шейбанидов с казахскими ханами. Борьба шла с переменным успехом, но со второй половины XVI в. Отрар большей частью находится во власти казахов и существует, видимо, до начала XVIII в., намного пережив соседние города, которые когда-то вместе с ним вышли на историческую арену.

Богатое историческое прошлое Отрара, связанное своими корнями с историей кангюев, канглы, кипчаков, неоднократно привлекало внимание исследователей. На развалинах Отрара в разное время побывали П. А. Лерх, К. А. Кларе и А. А. Черкасов, Н. Лыкошин, А. Кастанье, В. В. Бартольд и А. Ю. Якубовский, А. Н. Бернштам и А. Х. Маргулан. Трудно пройти мимо грандиозных развалин. Если забраться на самую высокую

точку Отрара — а он возвышается местами до 18 *м*, то можно представить себе весь город в целом. Размеры лишь шахристана вместе с цитаделью достигают 20 *га*. Площадь шахристана со всех сторон окружена развалинами колоссального предместья — рабада, по краям которого иногда видны следы стен в виде земляных валов. Вся территория рабада покрыта холмами различной формы и размеров — это остатки древних сооружений. Площадь шахристана более ровная и сильно оплыла, похоронив под собой некогда мощные крепостные стены города. Лишь кое-где по краям городища, там, где находилась крепостная стена, не исчезли остатки крупных сооружений, возможно, башен. Остатки ворот, ведущих внутрь шахристана, сохранились с северо-западной и северо-восточной сторон и, может быть, те, что с северо-запада, и есть ворота Дарваза- и Суфи (ворота мудреца, святого), через которые монголы ворвались в город? Ведь дорога к ним идет мимо Арслан-баб — мавзолея, перестроенного в XIX в. но, несомненно, очень древнего.

Развалины Отрара покрыты «ковром» керамики разных эпох, от древней посуды кангюев до прекрасных образцов поливной керамики XV—XVI вв. Попадаются монеты, чеканенные в эпоху саманидов от имени джучидов и чагатайских ханов. Время наугад выбирает из толщи культурных напластований городища керамику и монеты и выбрасывает их на поверхность. Были здесь и случайные находки кладов монет. Случайные, потому что в археологическом отношении Отрар — пока белое пятно. Раскопки Отрара — дело ближайшего будущего.

В НИЗОВЬЯХ СЫРДАРЬИ

В болотистых труднодоступных районах низовьев Сырдарьи расположена большая группа городищ с очень своеобразной планировкой и материальной культурой. Ученых давно волновал вопрос о происхождении этих городищ. Строились самые различные догадки и предположения, в основном по данным письменных источников, которые называли этот район страной гузов, или огузов.

Тюркское племя гузов долгое время фигурировало на страницах письменных источников.

В VI—VIII вв. китайские, византийские источники, надгробные надписи, найденные в долине р. Орхон, упоминают гузов как соседей тюркского каганата. Гузы то входили в состав каганата, то находились с ними в состоянии войны.

В IX—X вв. гузов упоминают арабо-персоязычные источники на территории Приаралья и низовьев Сырдарьи и перечисляют их города: Дженд, Сауран, Сыгнак и другие. В X в. многочисленная группа гузов продвинулась в причерноморские степи, в середине XI в. часть племени ушла на запад, на Амударью и в сторону Каспия, распространившись на территории современной Туркмении. Наконец, в первой половине XI в. часть гузов под предводительством султанов из рода Сельджуков захватила Иран, южную часть Закавказья и почти всю Малую Азию, затем Сирию, Ирак и Йемен.

Однако вернемся к городам воинственных гузов. У ал-Идриси, ученого первой половины X в., есть такие сведения: «Города гузов многочисленны, они тянутся друг за другом на север и восток. У них неприступные горы и у них там укрепленные крепости, в которых укрываются их князья и в которых они хранят свои запасы продовольствия...». В городе Янгикенте находилась зимняя резиденция «князя гузов» (ябгу). 161

Впрочем, не все письменные источники единодушны в определении гузов как оседлого племени. Некоторые средневековые авторы считали их кочевым народом, не имеющим постоянного места обитания.

Противоречивые сведения письменных источников были проверены археологическими исследованиями Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова, которые открыли новую страницу в истории гузов и других тюркских племен низовьев Сырдарьи. В 1946 г., когда началось обследование городищ в этом районе, были впервые найдены остатки Дженда — одного из крупнейших городов гузов, город Янгикент, безымянное городище Куюк-Кескен-кала, Большая

Куюк-кала и другие. Хорошо сохранились развалины древнего Дженда — городище Джан-кала, расположенное в 115 *км* к западу от Кзыл-Орды, на правом берегу р. Жанадарьи. Площадь четко спланированного города — около 40 *га*. Хорошо видна главная улица, от которой под прямым углом отходят переулки. В северо-западном углу — квадратный бугор цитадели, застроенной большими домами-массивами. Крепостная стена со следами башен сохранилась в высоту до 8 *м*. Посредине восточной стены — предвратное сооружение в виде полукруглого выступа около 15 *м* длиной с воротами, перпендикулярными стене на северном конце. Выступ фланкирован двумя башнями, благодаря чему враги попадали под двусторонний обстрел обороны.

Вокруг Дженда были найдены остатки небольших укреплений,
162 усадеб, следы средневековой ирригации. Рядом с городищем располагался садово-парковый комплекс с трапециевидной оградой, хорошо видной и сейчас. Здесь находился загородный дворец правителя. Несомненно, Дженд был центром обширного густо заселенного района, и не случайно Аральское море иногда называли в ту пору «Дженд-ским».

Городища низовьев Сырдарьи разновременны и существовали с первых веков нашей эры до позднего средневековья. Они пока еще не раскапывались, но на поверхности городищ собрана очень интересная подъемная керамика. Она довольно грубая, плохо обожженная, но покрыта богатейшим орнаментом, нанесенным резцом, штампом и лепными украшениями. Орнамент «елочный», в виде спиралей, листьев, т. е. типично тюркский орнамент, имеющий много общего с резьбой по дереву, металлу, кости, с орнаментом на тканях кочевников. Подобного типа керамика могла быть оставлена только местными тюрк-

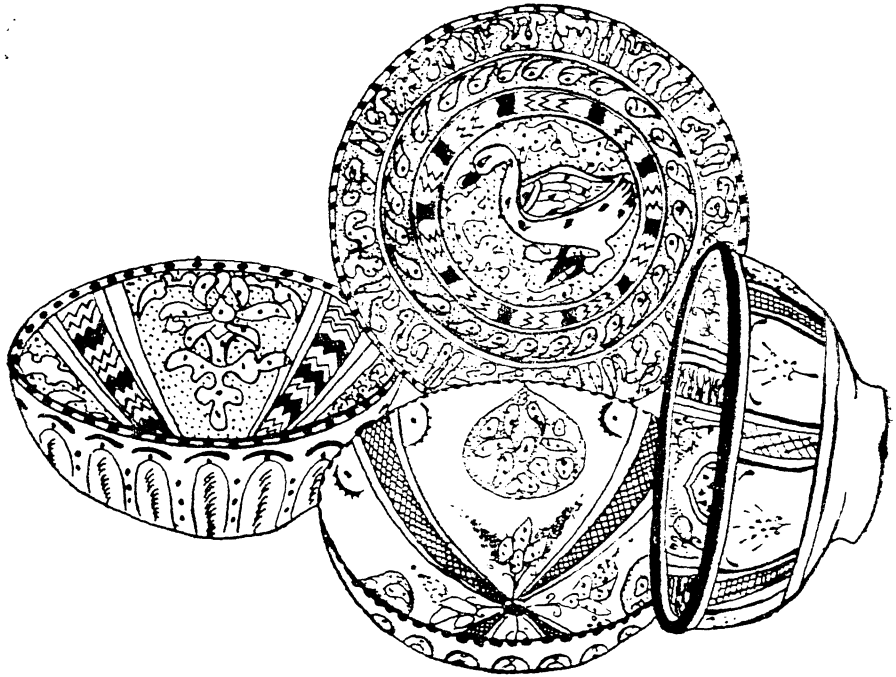

Рис. 36. Поливные сосуды XIII—XIV вв.

скими племенами гузов, а также кыпчаками, канглы, полуоседлыми и оседлыми, основным занятием которых было скотоводство, рыболовство и земледелие.

Сильнейшим потрясением в жизни нижнесырдарьинских городов было монгольское нашествие. В течение года войска Джучи подчинили Сыгнак, Барчинлыгкент, Ашнас, Дженд, Янгикент. Особенно сильно пострадал Сыгнак. После семидневной осады монголы ворвались в город, несколько дней продолжались грабежи и резня — месть Джучи за убийство жителями посла, предложения которого о сдаче города были отвергнуты.

Надолго приостановилась жизнь в городах гузов, часть из которых так и осталась в развалинах. Плано Карпини, который проезжал через разрушенные города низовьев Сырдарьи спустя двадцать пять лет, записал в своем дневнике: «В этой земле мы нашли бесчисленные истребленные города, разрушенные крепости и много опустошенных селений». Пожалуй, только Сыгнак сумел возродиться и достичь былого величия. Как знать, может быть, свободолюбие и презрение к врагам, которое проявили сыгнакцы, способствовали этому? Ведь недаром в одном из стихотворений говорилось:

В прошлом страна эта была свободной от забот,
Местопребыванием людей знания она была,
Родом из нее был автор сочинения «Нихая»;
Происходил из нее толкователь трудных мест «Хидая».
Если бы нам на долю пришлось еще пожить,
Мы и второй раз стали бы сыгнакцами.

В XIII в. Сыгнак упоминается только один раз — в списке городов, которые посетил Гетум. Во второй половине XIV в. город стано-

вится столицей Ак-Орды. В Сыгнаке правят ханы Эрзен, его сын Мубарек-ходжи, Урус-хан, Тохтамыш. Здесь был монетный двор и велось интенсивное строительство. После неудачной борьбы Тохтамыша с Тимуром город принадлежал последнему, но недолго. После его смерти Улугбек вновь пытался утвердиться на Сырдарье, однако потерпел тяжелое поражение в 1423 г. и был отброшен в Среднюю Азию войсками Барака, внука Урус-хана.

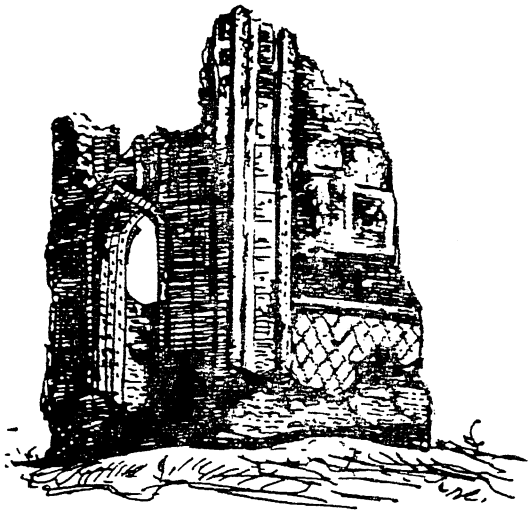

Рис. 37. Мавзолей Кок-Кесене.

Из сказанного ясно, какое важное значение придавалось Сыгнаку, расположенному на границе с постоянно бурлящей, неспокойной степью. Господствовать здесь можно лишь при условии обладания Сыгнаком и плодородной равниной вокруг города, обжитой и ухоженной земледельцами. Не только стратегическим, но и крупным экономическим, и политическим центром был Сыгнак.

В XVI—XVIII вв. Сыгнак принадлежал казахам и был самым крупным городом в низовьях Сырдарьи. На его базарах ежедневно

продавали 500 верблюдов, в окрестностях возделывали поля, орошаемые выведенными из Сырдарьи каналами Ордакент, Кзылтал, Бузгул-Узяк, Тюмень и другими. «Гавань Дешт-и Кипчака» — так называли Сыгнак в то время.

Сейчас вокруг городища — сухая степь, поросшая саксаулом и колючим кустарником. Невысокие бугры с развалами обожженного кирпича и изразцов указывают на остатки архитектурных сооружений, которых было, видимо, немало в окрестностях Сыгнака.

В 1901 г. В. Каллаур обследовал и сфотографировал остатки прекрасного мавзолея XIV—XV вв. Кок-Кесене, о котором еще в середине XVII в. с восхищением рассказывал Абулгази-хан. В 1914 г. здание рухнуло, и когда в 1927 г. А. Ю. Якубовский обследовал городище, от

мавзолея сохранился лишь устой южной арки портала и груда развалин. «Достаточно было прибегнуть к нескольким ударам теши, — пишет А. Ю. Якубовский, — как открылось большое количество голубых, синих, белых изразцов. Полива на них очень высокого качества... Голубой цвет поливы, будучи отличным по своему тону от самаркандских и бухарских образцов, не уступает лучшим из них... Найден был и большой кусок, весь выложенный изразцовой мозаикой, в котором даны голубые, белые, синие, желтые и красные вставки. Наконец, найден был на поверхности и кусок резного неполивного терракотового кирпича. Беглого осмотра было достаточно, чтобы сказать, что Кок-Кесене была великолепной по изразцовому убранству постройкой».

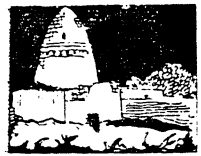
Очень своеобразным было архитектурное решение мавзолея: квадратная в плане портальная постройка венчалась стройным голубым коническим куполом с переходом от квадрата к восьмиграннику и за-

тем шестнадцатиграннику. В мавзолее был склеп, а над ним гробница, на куполе имелись арабские надписи.

Исторические предания связывают эту постройку с могилой богатырской девы Барчин-Сулу, невесты легендарного героя огузского сказания Алпамыша.

В ДОЛИНЕ СЫРДАРЬИ И НА СКЛОНАХ КАРАТАУ

Династия Чингизидов нанесла сокрушительный удар по оседлой культуре Семиречья, долин Таласа и Чу. Враждебность к оседлости, нежелание считаться с местными древними традициями, с местной культурой, необузданный произвол и грабеж стали характерной чертой монгольских правителей чагатайского улуса, особенно в восточной его части, в Семиречье, где городская цивилизация была особенно быстро уничтожена.

Но разве исчезли города как таковые? На примере Отрара можно было убедиться в том, что город сумел оправиться после потрясений 1219 и 1264 гг. и достиг большого значения в последующее время. И не только Отрар. По свидетельству письменных источников, большого развития в послемонгольский период достигают и другие города на Сырдарье и склонах Каратау, такие, как Сайрам, Сауран, Сыгнак, Туркестан, Икан, Сузак.

Сауран... В археологической литературе принято начинать описание древних городов словами: «Остатки городища такого-то древнего города находятся там-то и там-то...» О Сауране не скажешь такого. Город стоит так, как стоял двести и триста лет назад, и только выжженная степь вокруг и пересохшие каналы говорят о том, что город мертв. Но из проходящего поезда у разъезда № 35 Казахской железной дороги отлично видны прекрасно сохранившиеся зубчатые крепостные стены с бойницами, далеко выступающие массивные круглые башни. В город можно войти с двух сторон: с северо-восточной и юго-восточной. Ворота образованы двадцатиметровыми коридорообразными отрезками стены, изогнутой наружу. Ширина проходов 15—18 *м*. Войдя в ворота, неволько чувствуешь массивность крепостной стены, сооруженной из пахсы, чередующейся с кладкой из сырцового кирпича. Высота стены достигает шести метров над окружающей местностью, у основания толщина ее — до трех метров. На территории в 33 *га* отлично читается планировка города с площадями, улицами, тупиками переулков с оплывшими остатками домов. По массовым выходам шлака и бракованных изделий угадываются керамические и металлические мастерские, залежи жженого кирпича указывают на остатки богатых домов и административных зданий.

Впервые имя города встречается в письменных источниках первой половины X в., когда территория среднего течения Сырдарьи входила в состав государства огузов, а несколько позже — караханидов Мавераннахра. Какова судьба города в начале XIII в., разделил ли он участь Отрара или сдался монголам без боя — неизвестно. Зато со второй половины XIII в. Сауран занимал иногда столичное положе-

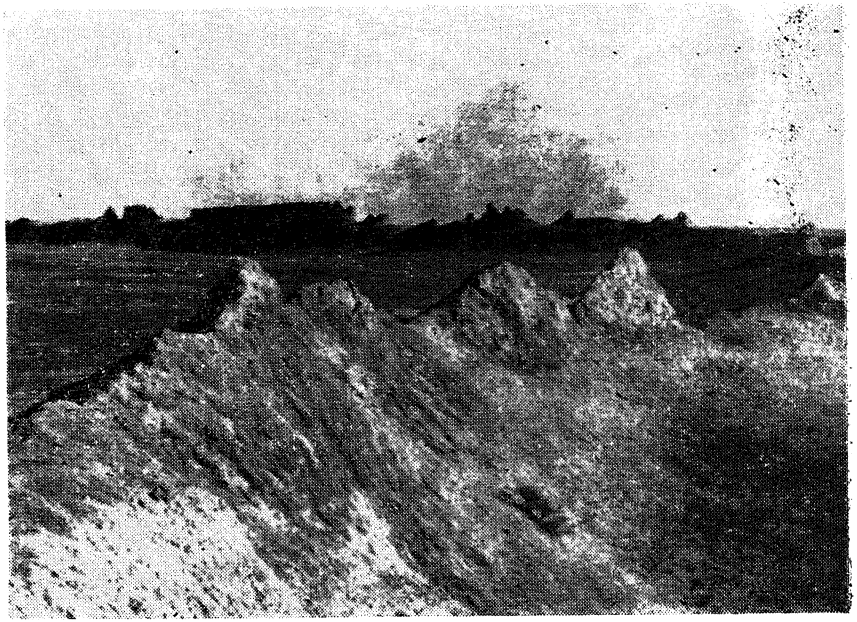

Рис. 38. Крепостная стена Саурана.

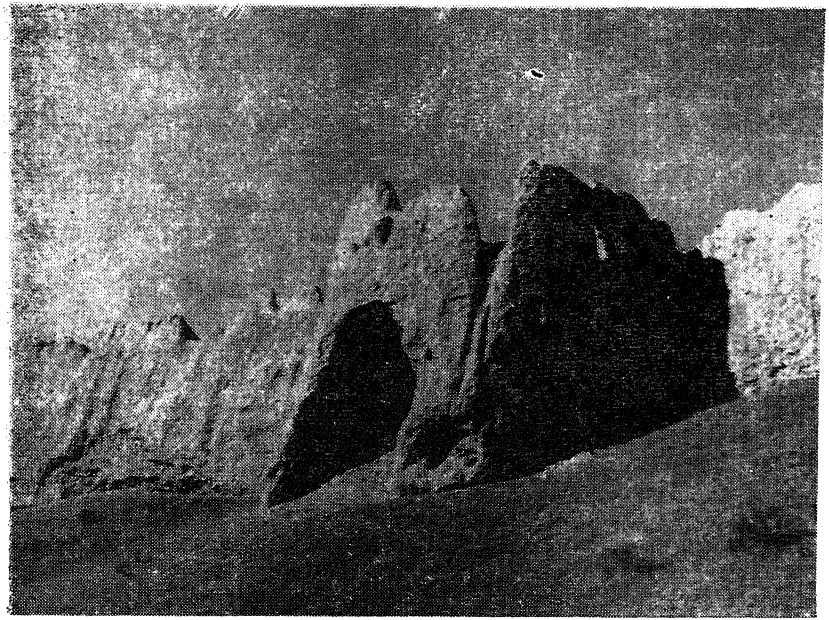

Рис. 39. Одна из башен Саурана.

ние в Ак-Орде и уже в то время поражал современников своими размерами. В Сауране были Тохтамыш, Урус-хан, Тимур, город часто переходил из рук в руки в период борьбы Тимура и ханов Золотой Орды. В XV в. он оказался в водовороте борьбы преемников Тимура и предводителей кочевых узбеков.

Последняя четверть XV в. знаменуется выходом на политическую арену первых казахских ханов Джанибека и Гирея. Они занимают значительную часть территории Узбекского ханства, причем новый владетель Саурана Иранджи-хан, сын Джанибека, наголову разбил в окрестностях города Мухаммеда Шейбани — будущего основателя династии Шейбанидов в Средней Азии.

В XVI в. продолжается непрекращающаяся борьба между казах-
172 скими ханами и шейбанидами за города на Сырдарье. Сауран не раз переходил из рук в руки вплоть до 1598 г., когда почти вся северо-восточная часть Мавераннахра была подчинена казахам во главе с Тевеккель-ханом. С этого времени и вплоть до начала XVIII в., т. е. до захвата среднего течения Сырдарьи кочевниками Джунгарии, Сауран входил в состав Казахского ханства.

В позднем средневековье город сильно расширился, стены и глубокий ров, которые хорошо сохранились до сих пор, были возведены, по-видимому, в XVI в., сделав Сауран очень сильной крепостью. Несмотря на тревожную обстановку военного времени, город благоустраивался. Известно, например, что в начале XVI столетия разросшийся город стал испытывать недостаток в питьевой воде, силами двухсот индийских рабов были сооружены кяризы, начало которых находилось на расстоянии около 7 *км* от Саурана. Видимо, к этому же времени относятся остатки многочисленных арыков и каналов, по кото-

рым в те времена отводили воду из Сырдарьи для орошения полей, расположенных вокруг города.

Сохранились яркие описания современниками и других городов. Например, о Сайраме, который в начале XVI в. принадлежал узбекам, Рузбехан писал: «Этот город удивительно красивый и беспредельно веселый, стоит он в открытой степи, воздух его очень приятный, веселит и укрепляет душу. В окрестностях его пасутся стада диких коз, подобные овцам, и растут различные и красивые деревья. Вокруг города крепостные стены высокие, на которых могут быстро отсечь руку обладания, кроме того, есть неприступный ров, воспрепятствующий вхождению казахов (в город)... земля этого города является местом знания, жители его все одаренные и доброта врожденное свойство их».

Интересно, что средневековые авторы подчеркивают богатство сырдарьинских городов. Рузбехан приводит такой факт при описании похода Шейбани-хана против казахов в 1509 г. Когда войска прибыли на западный берег Сырдарьи, выяснилось, что продовольствие кончилось и необходимо пополнить запасы. Эту обязанность возложили на Аркук, небольшой городок на берегу Сырдарьи. Горожане сумели полностью снабдить продовольствием воинство Шейбани-хана. Рузбехан искренне удивляется: «И это есть весьма диковинное дело, так как если бы такое многочисленное войско оказалось в большинстве городов Мавераннахра, Хорасана и Азербайджана и оно пожелало бы собрать в них продовольствие, то возможно погибло бы от мучений и желаний и не смогло бы удовлетворить свои потребности... Сверх того, после этого продолжительное время ни один человек, ни в одном округе тех земель не имел бы семян для посева».

Тот же Рузбехан подчеркивает торговое значение городов, говоря, что в Сыгнак, «гавань Дешт-и Кипчака», в город Ясы [Туркестан] прибывают караваны с товарами из Поволжья, Мавераннахра, Кашгара, Хотана.

Сведения письменных источников как будто убедительно говорили о том, что временем расцвета сырдарьинских городов следует считать XV—XVI вв., когда процесс образования и усиления казахских ханств был тесно с ним связан.

Но каково было действительное положение городов? Ведь спецификой оседлой культуры на территории Казахстана всегда была не только тесная связь со степью, но и определенная зависимость от нее в том смысле, что города, отличаясь сравнительно прочной внутренней стабильностью, очень чутко, зачастую с серьезными последствиями реагировали на все изменения в кочевом мире. Города XV—XVI вв. упоминаются в источниках чаще всего именно в связи с многочисленными войнами чингизидов и тимуридов, казахов и шейбанидов, т. е. в моменты, явно неблагоприятные для городской жизни и оседлой культуры в целом.

В истории не раз бывало, что неоднократное упоминание в письменных источниках того или иного города отнюдь не всегда означало благополучие и стабильность внутригородских дел. Тот же Тараз часто упоминается в XIII—XIV вв. и даже чеканит монету — привилегия немногих городов. Но археологические работы выяснили, что Тараз в монгольский период переживал глубокий кризис, жизнь в нем шла на убыль. Или Баласагун — блестящая столица караханидов, огромный город, по описаниям современников, неоднократно упоминавших его в XIII—XIV вв., но археологи до сих пор не могут найти

его остатки среди городищ со слоями XIII—XIV вв., хотя точно известно, что находился Баласагун в Чуйской долине.

Необходимо было проверить и сведения письменных источников о городах XV—XVI вв. Для раскопок был выбран Сузак на северных склонах Каратау, упоминавшийся в источниках с XIII по XVIII в. Район северных склонов Каратау очень благоприятен для жизни: обилие родниковой воды и небольшие горные речки, прекрасные пастбища и культурные земли издавна привлекали сюда и скотоводов и земледельцев. В этом районе около десятка городищ, почти все города запустели в XIII—XIV вв., и только в Сузаке жизнь продолжалась еще долгое время. Какой она была здесь в позднем средневековье, на самой границе с кочевой степью?

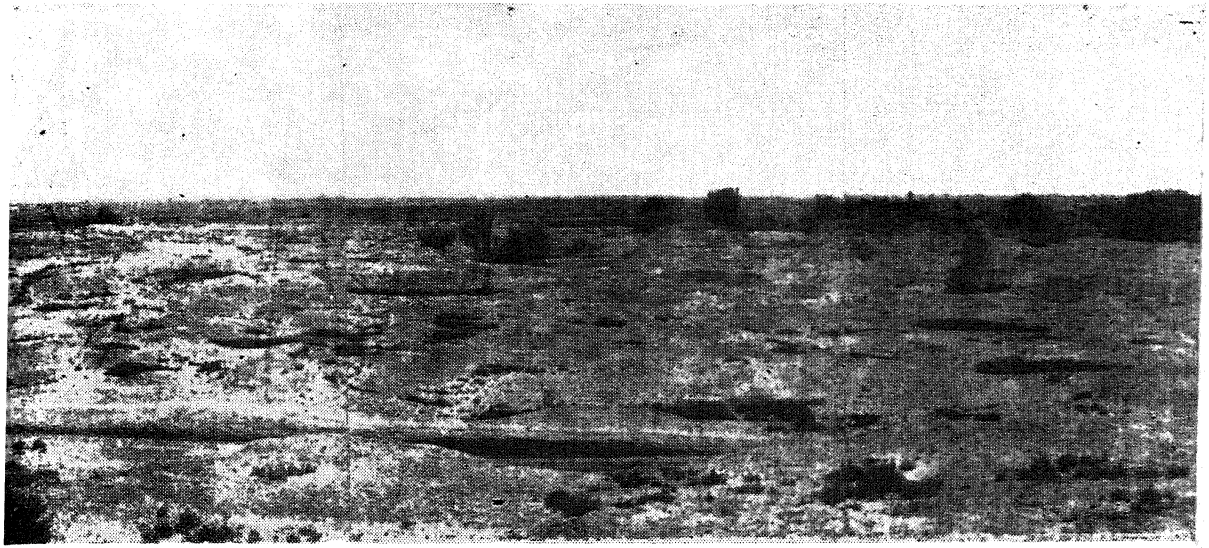
Место для города было выбрано первыми поселенцами очень удач- 175
но — на высоком естественном холме, который с трех сторон омывается небольшой речкой, питаемой многочисленными родниками. Склоны городища очень крутые, высотой до 15 *м*, а центральная часть достигает 25 *м*. Площадь, занимаемая древним городом, — 19 *га*. Хорошо видны три въезда. С западной стороны сохранились остатки ворот, сложенных из пахсовых блоков, у въездов на северо-восточном углу и в середине восточной стороны городища сохранились остатки насыпных опор для мостов, перекинутых через речку.

Сузак оказался «слоеным» — пять строительных горизонтов от X—XI вв. до середины XIX в. перекрывают друг друга. И самым интересным и мощным — толщиной около двух метров — оказался горизонт XV—XVI вв.

Раскоп пришелся на участок города с базаром, в той его части, где пекли и продавали лепешки. Печи, тандыры — такие же, как и

Рис. 40. Панорама территории

древнего Сузака.

Рис. 41. Въезд на городище Сузак.

сейчас в Средней Азии: огромные хумы, перевернутые выбитым дном вверх и замурованные в пол, и тандыры специального изготовления, сделанные из грубой огнеупорной глины с большой примесью мелкой гальки. Муку сохраняли в хуме и крупном горшке, вкопанном по горловину в землю. Тут же под рукой стоял хум, в котором хранили яйца. Неподалеку находился санитарный участок с ташнау, куда сливались нечистоты. Ташнау сделано добротно. На уровне дневной поверхности торчал лишь раструб длинной гончарной трубы, вертикально впущенной в почву. В нижней части труба вставлена в выбитое дно крупного горшка, перевернутого вниз широкой горловиной. Все это обложено сырцовыми кирпичами и обмазано глиной.

Рис. 42. Ташнау и остатки тандыра.

Иногда ташнау устраивались и по-другому. В рыхлую почву вставлялось два-три звена вертикальных глиняных труб, к которым подводились на различных уровнях боковые ответвления меньшего диаметра. Площадка возле ташнау, как правило, выкладывалась жженым кирпичом, уложенным под уклоном к устью для полного стока нечистот.

А вот и мелкие медные монеты бухарского чекана, которыми расплачивались за покупки. Одна из них с датой 832 год хиджры, или 1428—1429 гг. Другая чеканена в конце XV — начале XVI в., а третья — в XVI в. Последняя оказалась фальшивой. Ну что же, какой базар в Средней Азии обходился без мошенников!

Сузак развивался и рос неравномерно. В X—XII вв. городские постройки были лишь на территории центральной части будущего позднесредневекового города, такое же положение сохранилось и в XIII—XIV вв. Но в XV—XVI вв. городская территория расширяется почти в три раза за счет строительства на соседних возвышениях с центральным бугром. В слое периода расцвета казахских ханств было найдено большое количество поливной керамики, многочисленные
180 шлаки ремесленных мастерских. Жженый кирпич и облицовочные кирпичи с голубой и синей поливой, терракотовые плитки указывали на то, что в городе велось интенсивное строительство монументальных зданий.

Хороший вкус и большое мастерство отличали средневековых ремесленников-керамистов. Найдены самые разнообразные формы их изделий: горшки, банки различных размеров и профиля, тагоры — большие глиняные тазы, изящные столовые и водоносные кувшины с прекрасным штампованным орнаментом и, конечно, хумы, без которых не могла обойтись ни одна хозяйка. Но особенно привлекательна поливная посуда, преимущественно чаши, с высоким полусферическим туловом на изящном кольцевом поддоне. Полива бесцветная или окрашенная в голубой, бирюзовый, зеленый, кремовый, марганцевый цвета покрывала сосуды с внутренней и внешней сторон. Еще до покрытия поливой на внутреннюю плоскость наносился кисточкой ор-

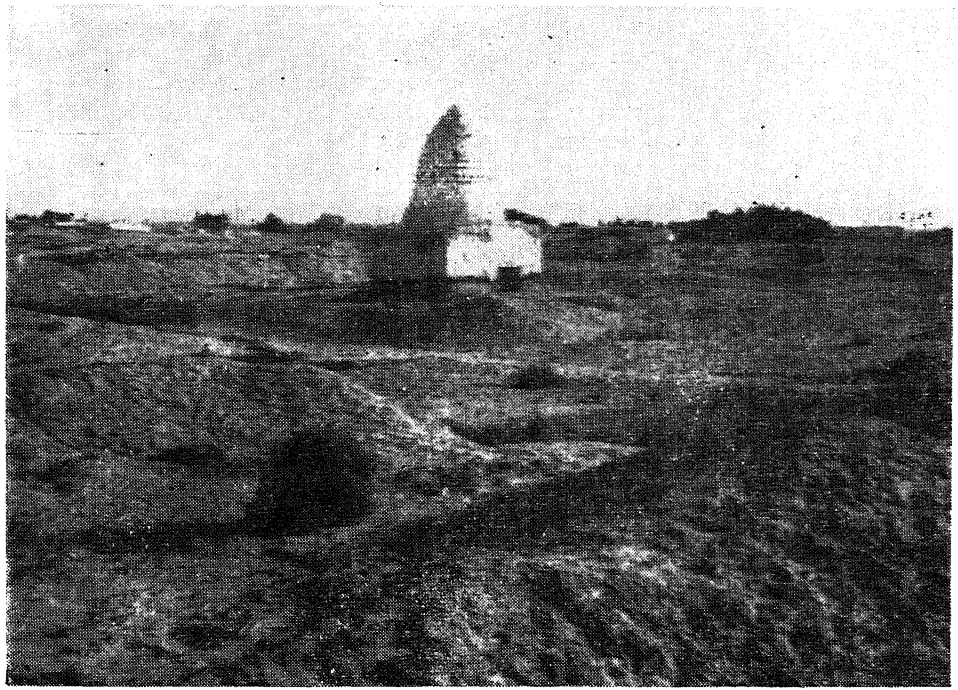

Рис. 43. Сузакский мазар.

намент. В XV—XVI вв. предпочитали растительные мотивы орнамента — листья, гроздья винограда, цветы, побеги. Живописное изображение реального растительного мира, разнообразная цветовая гамма поливы, рисунки орнамента, большое разнообразие форм посуды — все это свидетельство расцвета керамического ремесла, способного удовлетворить самые разнообразные вкусы.

Посуда была не только местного производства. На базарах продавалась прекрасная привозная керамика из соседних присырдарьинских городов, в частности из Отрара, и из далеких мастерских Мавераннахра.

Ясно, что упадок городской жизни в монгольский период на территории Казахстана сменился значительным подъемом в эпоху казахских ханств. Семиреченские города уже не возродились после событий смутного времени XIII—XIV вв. «Эстафета» городской цивилизации перешла в районы Сырдарьи, на склоны Каратау. И не случайно. На стыке оседлой зоны и кочевого скотоводства города перенесли тяжелое время, сохранили жизнеспособность, ибо соки, питавшие и горожанина и степняка, имели один постоянный источник — взаимную потребность в сырье скотоводческого хозяйства и продуктах городского производства.

В XIII—XIV вв. враждующие стороны громили города-ставки, чтобы подорвать экономическую силу противника. В перипетиях острой борьбы в XV—XVI вв. отчетливо проступает стремление овладеть городами. Такую направленность имели походы Ахмед-султана, Касым-хана и других казахских ханов в Мавераннахр и их настойчивая борьба за города на Сырдарье с тимуридами и шейбанидами. Молодому, быстро растущему организму казахских ханств нужен был

Рис. 44. Поливная посуда XVI—XVIII вв. из Сузака.

рынок для сбыта продуктов животноводства и постоянный источник снабжения городскими ремесленными изделиями.

Может показаться странным, что ни один из казахских ханов не чеканил монету от своего имени. Но это обстоятельство — не признак политической слабости, а результат определенной формы товарных отношений, с глубокой древности сложившихся между кочевой степью и городом: натуральный обмен преобладал над денежными операциями, и так как последние случались не часто, горожан вполне удовлетворяли бывшие в ходу монеты бухарского чекана, тем более что в городах на Сырдарье и Каратау было немало выходцев из Средней Азии — купцов, ремесленников, крестьян. Об этом свидетельствует хотя бы керамика XV—XVI вв. и более поздняя, имеющая много
184 общего со среднеазиатскими образцами, а иногда и прямо аналогичная им. Керамика говорит о несомненном присутствии в городах среднеазиатских ремесленников. Да это и понятно. Устойчивые связи казахов с рынками, постоянная потребность городов в ремесленных изделиях создавали благоприятные условия для притока ремесленных сил из Средней Азии.

Из письменных источников известно, что казахские ханы несколько зимних месяцев в году жили в городах, брали с их населения подать, строили дома, лавки на базарах и получали доход с них. Археологические данные подтвердили и расширили представление об участии казахов в городской жизни.

На некоторых изделиях из керамики были замечены знаки, процарапанные от руки на внешней поверхности поддонов.

Знаки разные — в виде креста, кругов, перечеркнутых параллельными линиями, и другие. Можно полагать, что это клейма раз-

личных керамических мастерских. Но интересно другое — знаки сильно напоминают некоторые из родовых казахских тамг. Они дают основание считать, что керамические мастерские в городе находились в родовой собственности или, скорее всего, принадлежали главам тех или иных казахских родов.

Несомненно, что и рядовые казахи джатаки, разорявшиеся скотоводы, жили в городах. Например, Рузбехан писал, что в его время часть города Туркестана [Ясы] состояла исключительно из юрт. Имеются и косвенные данные, указывающие на связь кочевников с городом. Так, форма чаш XV—XVI вв. дошла до наших дней в казахской деревянной посуде «тостаган», а некоторые элементы орнамента на поливной посуде присутствуют в современном казахском орнаменте.

О жизни позднесредневековых городов на территории Казахстана пока известно очень мало. Не определены социальная структура

Рис. 45. Башня Ак-Сумбе на северных склонах Каратау.

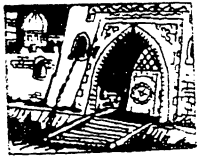
общества и социально-экономические отношения, планировка городов и их архитектура. Еще очень мало конкретных археологических данных, указывающих на связи и участие кочевого населения в жизни городов. Но археологические работы в Казахстане продолжаются, и каждый полевой сезон приносит много нового и интересного материала, а вместе с ним и ответы на те вопросы, которые волнуют казахстанских археологов и историков.

...Давно уже кочевники не пригоняют табуны лошадей и отары баранов на ярмарки, опустел старый Сузак. Древний город как будто заснул. На закате солнце отбрасывает длинные тени от стен бывших домов, караван-сараев, мазаров. Ночью на городище приходят умирать собаки...

У подножия городища вырос новый поселок с прямой сетью улиц и зелеными стройными тополями. Через поселок проходит большая дорога, ведущая в степи Бетпак-Далы, к стройкам Джезказгана, к рудникам и поселкам у предгорий Каратау. И как в глубокой древности, по дороге идут караваны. Только теперь караваны машин.

БАБА-АТА

В Казахстане очень редко встречаются однослойные археологические памятники оседлого населения. Жизнь протекала в одном и том же месте на протяжении многих столетий, пришедшие в негодность постройки ломали и на их месте возводили новые. Многослойность, ремонт и перестройки внутри зданий создают значительные трудности в воссоздании первоначальной планировки и конфигурации зданий, особенно в случае плохой сохранности древних развалин. Порой бывает очень сложно восстановить первозданный облик постройки, ибо при последующих перестройках частично, а иногда и полностью уничтожались первоначальные стены. Но, пожалуй, трудности изучения многослойных городищ восполняются прежде всего тем, что на одном памятнике можно проследить процесс формирования города в течение значительного промежутка времени. Именно таким памятником оказалось городище Баба-Ата.

Рис. 46. Общий вид городища Баба-Ата.

Городище расположено на левом берегу среднего течения небольшой р. Баба-Ата. У него есть своя легенда: когда-то эта крепость была жилищем знаменитого Искак-баба, который более тысячи лет тому назад поставил около крепости гробницу. Действительно, недалеко от городища есть развалины безымянного мавзолея, правда, XVI—XVII вв. Сведения в письменных источниках о Баба-Ате отсутствуют, видимо, потому, что древний город находился в стороне от магистрального торгового пути из Таласской долины вдоль северных склонов Каратау через города Саудакент, Кумкент, Сузак в степи Дешт-и Кипчака.

Городище в общем-то рядовое, каких немало на северных склонах Каратау: небольшое по площади, состоит из цитадели, шахристана и рабадов. И все-таки прекрасная сохранность памятника решила его судьбу. В 1953 г. начались планомерные раскопы, продолжавшиеся семь полевых сезонов. Это были долгие и трудные месяцы, каждый из которых вносил крупицу нового в представление о путях развития оседло-земледельческой культуры, внутренней планировки города, строительных приемов и особенностей архитектуры.

Самой старой частью Баба-Аты оказалась цитадель. Когда еще не было города, в VI—VII вв. на этом месте была построена укрепленная усадьба. Она представляла собой монументальное здание площадью 240 $м^2$, сложенное из сырцового кирпича, которое имело глухие стены высотой 6 *м* со световыми окнами в верхней части. Если смотреть на здание сверху, то ничего, кроме сторожевой башни, сводов и куполов помещений, не видно. Внутри, в самом центре находился восьмигранной формы зал (5,5×5,5 *м*), возведенный на всю высоту постройки. В центре его был колодец, обложенный внутри камнем.

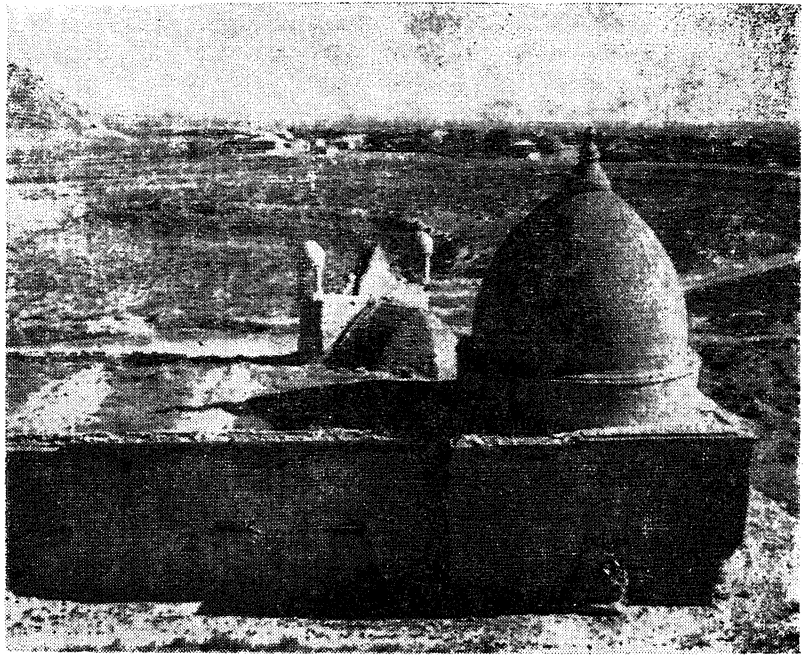

Рис. 47. Баба-атинское медресе.

Зал не был жилым, он использовался для религиозных обрядов, связанных с культом огня. Об этом свидетельствовали остатки мощного очага со стерильно чистой золой. Единственный внешний вход вел именно в этот зал.

Здание было двухэтажным, все жилые постройки располагались в верхней части, куда можно было подняться по лестничным галереям, с трех сторон в виде спирали окружавшим центральный зал. Эта же галерея выводила на крышу, где была сторожевая башня.

В жилой части было шесть комнат, высотой 3 *м*, входы в которые были со стороны лестничной галереи. Комнаты освещались при помощи световых люков, сделанных в центре перекрывающих куполов. Почти в каждом помещении имелись суфы с нишками в стенах, в которых стояли светильники. Лестничная галерея освещалась специальными световыми щелями, сделанными в толще стен. Стекла не было, поэтому с внешней стороны они были узкими, но сильно расширялись внутри, благодаря чему увеличивался световой поток, направленный в комнаты.

Укрепленная усадьба использовалась недолго. Продолжительное время она была необитаема, ветер нанес тучи песка и лёсса в помещения, забил световые окна. Начали обрушиваться купола и своды. После этого остатки здания были превращены в основание для новой постройки. Все комнаты плотно заложены специально изготовленными небольшими комьями глины, которую укладывали в сыром виде. Дверные проемы заполнены сырцовыми кирпичами. Крыша здания была выровнена и стала полом помещений нового одноэтажного здания, занимавшего 304 $м^2$. В нем восемь отдельных помещений, центром которых был восьмигранный зал с куполом.

Первоначально здание имело две полукруглые оборонительные башни. Но в IX в. все его вместе с башнями обнесли новой мощной стеной из пахсовых блоков, высота которой и сейчас равна почти девяти метрам. Эта стена замуровала башни, потерявшие к этому времени свои оборонительные функции. Новая стена окружала не только здание, но и территорию возникшего у цитадели шахристана.

Отдельные постройки и юрты, стоявшие рядом с цитаделью, были и раньше, но именно с появлением мощной стены вокруг территории шахристана начинается история большого поселения типа раннефеодального города — центра феодального владения. Крепостная стена в этот период достигала в высоту шести метров и завершалась парапетом с бойницами. За линию ее выступали пятнадцать башен семиметровой
192 высоты с караульными помещениями внутри. Вокруг шахристана проходил широкий ров глубиной 4 *м*.

На рубеже XI—XII вв., в период интенсивного строительства на территории шахристана и возникновения вокруг него рабадов, перестраивается и цитадель. Здесь было начато сооружение большого дворца, который занимал площадь, почти в два раза превышающую по своим размерам предшествующее здание.

Новый дворец состоял из двух частей: одна была жилой, другая служила для обороны. В центре жилой части по-прежнему был восьмигранной формы зал с четырьмя входами. К нему со всех сторон примыкали прямоугольной формы помещения с плоскими перекрытиями.

Колодец, который встретился нам еще в первоначальной усадьбе, по-прежнему функционировал. Дудка колодца все время наращивалась и закреплялась кладкой из обожженного кирпича.

Территория шахристана, как уже было сказано, интенсивно застраивалась. Здесь, правда, не было дворцов типа цитадельной постройки с куполами и сводами. На его территории возводились многокомнатные сооружения с плоскими перекрытиями. В помещениях были суфы, печи, тандыры. Некоторые комнаты обогревались с помощью специальной системы труб, по которым шел горячий воздух из печей и тандыров.

Очень интересным сооружением в пределах шахристана был водосток, источником воды для которого служили родники. Ключевая вода собиралась в специально сделанной для этого яме, обложенной камнем, и затем распределялась по территории шахристана посредством каменного водостока, имевшего ответвления из обожженных глиняных водопроводных труб.

Необычны рабады Баба-Аты. Они фактически не застроены, лишь вдоль оборонительного вала имелись караульные помещения. В одном из рабадов были обнаружены остатки недостроенной керамической мастерской с печами для обжига. Таким образом, рабады не были заселены и служили скорее всего местом ярмарочного типа торгов, а также укрывали за своими стенами окрестное население в военное время. А необходимость в этом существовала. Город дважды подвергался осадам, которые вызвали большие пожары на территории шахристана. Окончательное запустение города произошло на рубеже XIV—XV вв.

Глубоко самобытна и оригинальна материальная культура тюркского населения Баба-Аты. Хороший вкус и мастерство вкладывали местные мастера в изготовление керамики. Даже на таких предметах обиходного назначения, как тандыры, проявляется индивидуаль-

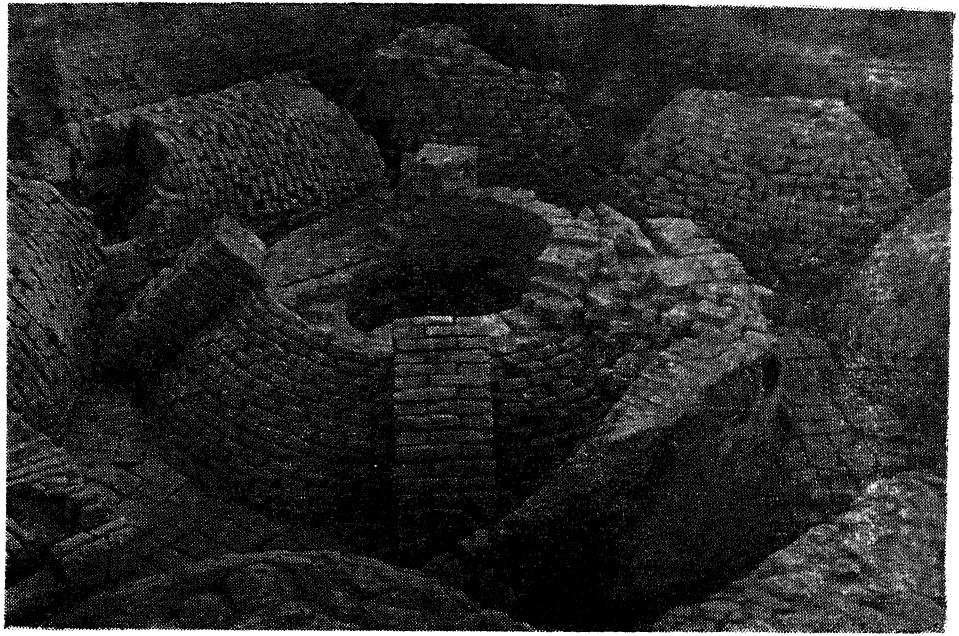

Рис. 48. Баба-Ата. Крыша здания VI—VIII вв.

ность мастера. На городище найдено 36 разнообразных форм нарезного орнамента в тандырах. Кстати, мотивы орнамента на керамике и тандырах перекликаются с современным казахским орнаментом по дереву, кости, металлу и на ткацких изделиях.

Самобытны архитектурные приемы построек Баба-Аты. Выделение центрального восьмиугольного помещения во все периоды застройки цитадели, один и тот же размер сырцового кирпича, повторяющиеся строительные приемы свидетельствуют о том, что секреты строительного искусства передавались здесь из поколения в поколение, причем это явление не только местное, баба-атинское. Ряд мавзолеев на территории Казахстана, таких, как мазар Алаша-хана (XII в.), мазар Рабия Султан Бегим (XV в.), остатки мазара возле комплекса Ходжа Ахмеда Ясеви в Туркестане, также в плане восьмиугольные.

Древние строители и архитекторы учитывали местные особенности. Постоянные сильные ветры и обильные осадки заставили отказаться от открытых дворов и айванов, столь широко распространенных в южных районах Казахстана и Средней Азии. Своеобразной особенностью отличается и центральное восьмигранное помещение с куполом и световым люком сверху, в которых исследователи увидели «привычный взору кочевника образ юрты».

Очень интересной находкой на городище оказалась круглая медная пластинка с квадратным отверстием в центре. После того как реставраторы очистили ее от окислов, на обеих сторонах стали видны изображения мыши, быка, тигра, зайца, дракона, змеи, лошади, барана, обезьяны, петуха, собаки, свиньи. Оказалось, что это своеобразный календарь, по которому вели отсчеты времени обитатели Баба-Аты. С

глубокой древности в среде тюрко-монгольских народов известны подобные календари. Каждый год двенадцатилетнего цикла именовался по названию животного. Откроем, например, «Сборник летописей» Рашид ад-дина. Вот один из заголовков: «Летопись... современников Менгу-каана, от начала года свиньи, соответствующего 648 г. х., до конца года змеи, соответствующего 655 г. х.» Подобного типа летоисчисление было известно в Казахстане в несторианских эпитафиях, в древнетюркских надписях на камне в долине Таласа.

ГОРОДА В СТЕПИ

Археологические исследования последних двух десятилетий открыли новые города и поселения, архитектурные сооружения, системы оросительных каналов в степных районах Казахстана, на берегах рек Сарысу, Кенгир, Джезды, Тургай, Коктас, Нура, в низовьях Чу и Таласа. А ведь еще совсем недавно существовало мнение, что граница оседлости проходила в нескольких десятках километров севернее Джамбула, а дальше начиналась кочевая степь.

Работами археологической экспедиции во главе с академиком А. Х. Маргуланом границы распространения оседлой культуры расширены гораздо дальше на север, открыты и обследованы городища и поселения Центрального Казахстана: Богажели, Тасты, Ожрайтобе, Кент-Арал, Кызыл-Куран, Урда-Шагил, Талды, Кзылкент, Талдыкент, Торткуль, Баскамыр, Аяккамыр и многие другие.

Центральноказахстанские поселения — своеобразные памятники кипчаков — отличаются от развалин городов Южного Казахстана. Они геометрически правильны в плане, имеют невысокий крепостной вал с башнями, окружающий довольно ровную площадку без заметных следов долговременных построек. Только в центральной части кое-где возвышаются сильно оплывшие холмы, скрывающие остатки крупного сооружения.

Большинство древних поселений расположено на верхних террасах водных бассейнов, в 12—15 *км* от них, что объясняется отчасти опасностью весенних разливов, но главным образом наличием комаров и слепней, которые делают мучительным пребывание летом в пойме реки для людей и особенно домашних животных. Последнее об-
198 стоятельство имело особое значение, так как скотоводство занимало большое место в экономике кипчакских полуоседлых поселений Центрального Казахстана. Вместе с тем было развито ремесло и земледелие, на что указывали системы каналов, тянущихся иногда на десятки километров, и остатки плотин.

По мнению исследователей, поселения были созданы джатаками, беднейшей частью населения казахских степей. Не имея достаточного количества скота и транспортных животных, джатаки оставались возле зимовок, переходя к оседлому образу жизни, занимаясь обработкой земли и ремеслом. Оседлые джатаки становились основными поставщиками зерна и ремесленных изделий для соплеменников, которые продолжали кочевать.

Первый исследователь центральноказахстанских поселений А. Х. Маргулан обратил внимание на то, что остатки их сосредоточены главным образом вокруг районов древнего меридионального ко-

чевого пути, по которому перегоняли скот на зимние (Северные Каратау и долина Сырдарьи) и летние (Центральный Казахстан) пастбища. Здесь же проходили и древние караванные дороги, соединявшие Таласскую долину и города северных склонов Каратау с поселениями кимаков на Иртыше. От Туркестана и Сыгнака шли две дороги: в кочевья и поселения кипчаков в долинах Сарысу, Кенгира, Ишима и Нуры, а также на южный Урал, в землю булгар. Интересно, что степные караванные пути отмечены каменными столбами (сымтас) — своеобразными дорожными знаками.

Пока еще очень мало известно о внутренней жизни полуоседлых поселений, известных среди казахского населения под названием торткуль. Некоторые сведения были получены в 1967 г., когда начались раскопки торткуля Жаксылык на левом берегу р. Котенсай.

Торткуль представляет собой четырехугольный в плане участок, окруженный оплывшим валом высотой около 2 *м* и шириной в основании 6—7 *м*. На углах заметны округлые в плане башни в виде выступающих всхолмлений. По две башни имелось и на середине каждой из сторон.

Въезд, видимо, был в середине юго-восточной стороны, городище ориентировано углами по странам света, размеры сторон приблизительно равны 100×100 *м*.

Снаружи вала просматривается неглубокий ров, образовавшийся, вероятно, вследствие выемки земли для сооружения стен.

К торткулю примыкает территория, ограниченная прямоугольником стен, размером 470×450 *м*. На каждой стороне вала насчитывается до 18 башен. Въезд устроен в северо-западной стене, со стороны реки.

Из столь подробного описания памятника видно, что для раскопок был выбран самый «рядовой» торткуль.

Первые же дни раскопок принесли большую удачу. Вместо предполагавшихся остатков недолговременных построек были найдены глинобитные стены, правда, сильно разрушенные, размытые дождями и талыми водами. Через некоторое время стала проясняться и планировка застройки торткуля.

Центральная территория внутри основных крепостных стен оказалась все-таки незастроенной. Здесь сохранились лишь следы пребывания скота, расчищены мусорные ямы. Жилые постройки широкой цепочкой тянулись вдоль крепостного вала с внутренней его стороны. Наиболее характерны крупные помещения. Например, одно из них,
200 прямоугольное в плане, было размером 11×4,2 *м*. У одной из стен две печи, сложенные из обломков сырцового кирпича. Здесь готовили пищу, ими же одновременно обогревали помещение. Внутри помещения были камышитовые перегородки. Крыша, видимо, была плоской, так как на полу обнаружены остатки деревянных балок и камыша. Опирались перекрытия на столбы, расположенные рядами в центре и вдоль глинобитных стен помещения. От деревянных столбов, конечно, ничего не осталось, они сгнили, но там, где когда-то стояли столбы, сохранились ямки с остатками дерева.

Планировка остальных помещений мало чем отличается от описанного выше. В каждом из них обязательно есть печи, тандыры, в которых пекли лепешки, и многочисленные хозяйственные ямы глубиной до 1,5 *м*. Вырыты они для различных целей — в одних хранили зерно и продукты, в другие сбрасывали остатки пищи, битую посуду.

Крепостной вал оказался глинобитным, шириной по основанию

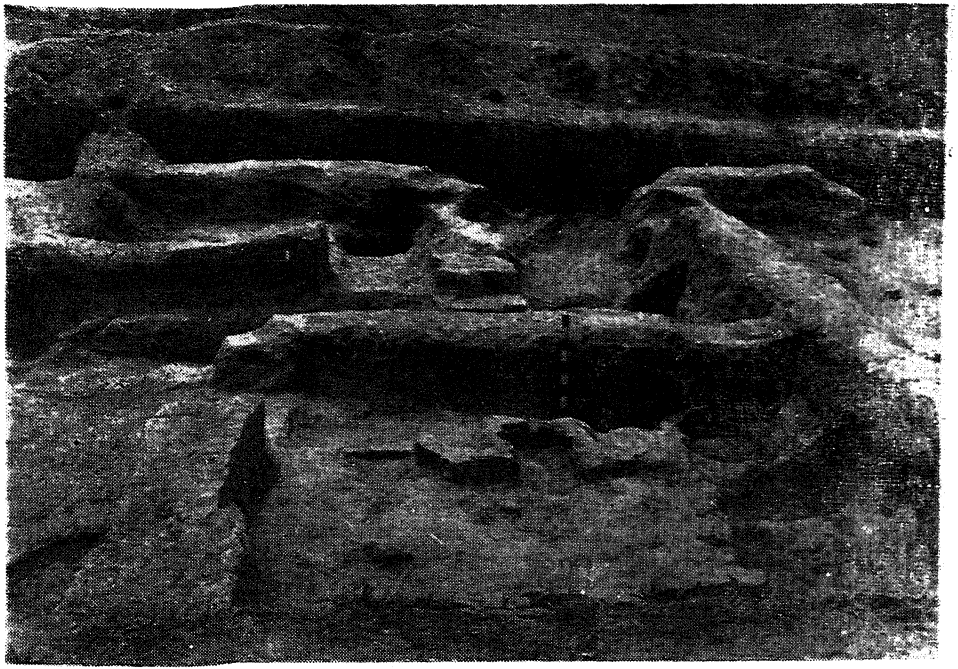

Рис. 49. Древняя кухня.

пять метров, в высоту он был, видимо, до двух с половиной метров. Немалый интерес представляет система гончарных труб большого диаметра, уложенных в основании крепостной стены с уклоном наружу. Благодаря трубам талые и дождевые воды не скапливались внутри поселения, а выводились за его пределы.

Вещественных находок немного, но мелкие фрагменты поливной посуды, которая хорошо датируется, определили время существования поселения — X—XII вв. В числе находок — железные гвозди и скобы, каменные ручные жернова, обломки глиняных котлов, кувшинов, чаш. Очень много костей животных, особенно барана и лошади.

Люди, которые построили поселение и жили в нем, были большими умельцами по обработке костей и шитью из кожи. Именно об

этом говорит большое число костяных шильев и искусно обработанных булавок, найденных на поселении.

Большой интерес представляет фрагмент кувшина, слив которого сделан в виде головы фантастического животного. Брови его в виде двух извивающихся змей. Налеп в виде такой же змеи имеется и на подбородке животного.

Из письменных источников дошли сведения древних авторов о том, что различные тюркские племена считали своими родоначальниками различных животных, в том числе пресмыкающихся. В списках родоначальников часто фигурирует и змея. Возможно, что налеп в виде змеи указывает на родоплеменную принадлежность жителей поселения Жаксылык.

Первоначально было не ясно, с какой целью возведен второй, внешний крепостной вал и как использовалась территория, огражденная им. Можно было предполагать, что здесь содержался скот или

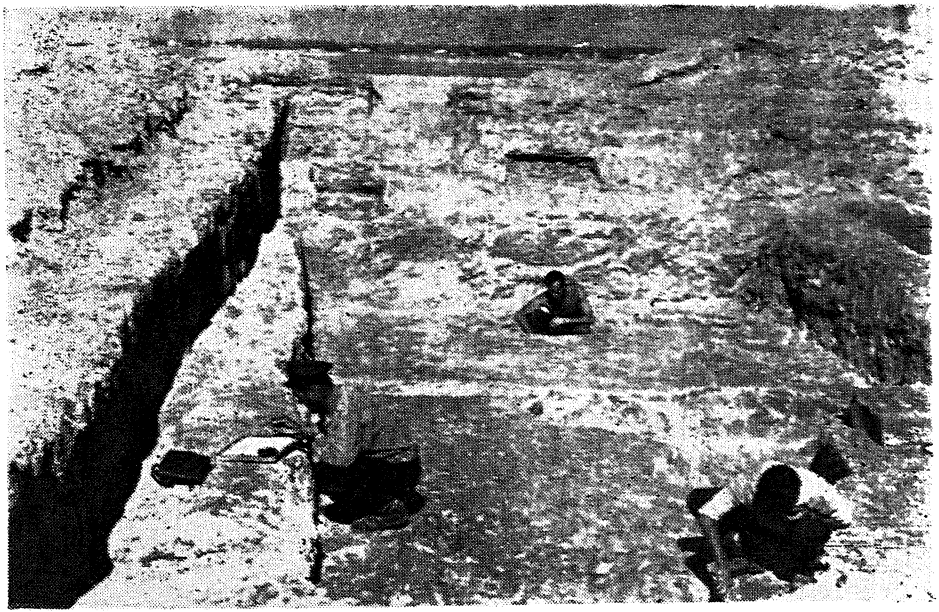

Рис. 50. Раскопки поселения.

территория использовалась для посевов. Археологические раскопки ответили на этот вопрос. На территории не было найдено никаких следов содержания скота, значит, она использовалась под посевы, а внешний вал служил дополнительным оборонительным сооружением и как средство защиты посевов от потрав скотом.

По характеру находок и сооружений можно сказать, что торткуль оставлен той частью племен, которая жила оседло и наряду с разведением скота занималась ремеслом и земледелием. Возведение крепостного вала с системой дренажных труб и долговременные глинобитные постройки внутри поселения говорят о высоком уровне строительных приемов у скотоводов.

У археологов существует такое понятие, как «культурный слой», означающее прослойку земли с остатками золы, прогнившей соломы и зерна, керамики и костей, т. е. слой, появляющийся в результате деятельности человека на определенной территории, будь то город, поселение или временная стоянка из юрт. Чем продолжительнее пребывание человека на одном месте, тем, естественно, толще «культурный слой».

На поселении Жаксылык толщина «культурного слоя» около двух метров. Но одна особенность его привлекла внимание археологов: «культурный слой» не был сплошным, через каждые 20—25 *см* шел слой стерильной глины толщиной 5—15 *см*. Такой слой мог появиться в результате того, что поселение периодически запустевало, и дождевые воды размывали крепостной вал и глинобитные постройки. Спустя определенные промежутки времени люди опять возвращались на поселение, ремонтировали жилища, ставили новые стены и печи, рыли хозяйственные и мусорные ямы. Таким образом, предполагав-

шийся полуоседлый характер поселений скотоводов был подтвержден археологическими раскопками.

Центральный Казахстан богат не только поселениями, но и замечательными архитектурными памятниками. Многие из них были известны еще первым русским исследователям казахских степей. И. А. Кастанье писал в свое время: «Древности южной половины Средней Азии вследствие своей роскоши и грандиозности (мечети самаркандские и другие) затмили скромные и бедные памятники северной ее половины, в то время как последние по своей древности и многочисленности заслуживают едва ли не большего внимания, чем первые».

О многих сооружениях в казахских степях сейчас можно судить только по дореволюционным описаниям, время не щадит древность. Среди сохранившихся архитектурных памятников выделяются два замечательных мавзолея — Алаша-хана и Джучи, расположенных в бассейне р. Сарысу. Мавзолей Алаша-хана, по-

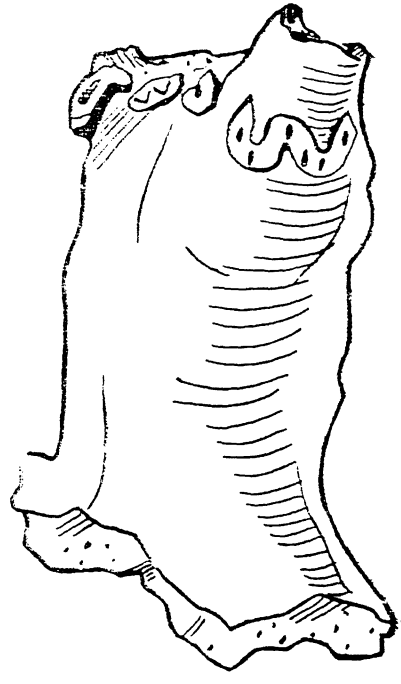

Рис. 51. Носик сосуда с налепами в виде змей.

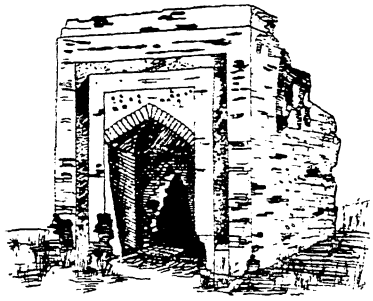

Рис. 52. Мавзолей Алаша-хана.

строенный в домонгольский период, один из древнейших в Казахстане. Квадратный в плане, высотой около 10 *м*, с порталом и мощными пилонами, с двумя трехчетвертными колоннами на углах портальной арки, он виден издали на фоне степного простора. Сооружение массивно, но орнаментальные пояса в виде восьмиконечных звезд и розеток на арке портала, сплошной кирпичный орнамент из геометризированных фигур на всех четырех стенах мавзолея придают ему большую легкость и изящество за счет светотеней узора.

Другой значительный архитектурный памятник Центрального Казахстана местное предание связывает с именем старшего сына Чингизхана, Джучи. Мавзолей прямоугольный в плане, портал со стрельчатой аркой, невысокий купол на многогранном барабане. Время не сохранило полностью декор памятника, но, судя по сохранившимся остаткам, можно полагать, что портал и купол мавзолея были украшены кирпичиками с бирюзовой глазурью и резной терракотой с голубой глазурью.

Местные жители еще помнят, что на портале была надпись, в которой, возможно, было имя строителя и дата постройки. Однако декоративная облицовка и надпись были сняты в 1911 г. атбасарским уездным начальником «для показа степному генерал-губернатору», и с тех пор судьба их неизвестна.

Интересно, что рядом с большинством центральноказахстанских мавзолеев расположены печи для обжига керамики, изразцов и кирпичей. Печи, конечно, сильно разрушены; вокруг россыпи шлаков, полуфабрикатов; обнаружены деформированные кирпичи, изразцы с поливой. Таким образом, техника обжига кирпича и керамических изделий, в том числе с поливой, была хорошо известна местным тюркским племенам, создателям своеобразных поселений и архитектурных памятников.

Таким образом, сейчас можно констатировать, что оседлоземледельческая культура была распространена и в Центральном Казахстане, который всегда считался районом, населенным только кочевниками. Открытие здесь поселений и городов, следов древней ирригации свидетельствует, однако, о другом. Там, где имелась хотя бы малейшая возможность для занятия земледелием, оно развивалось. Причем традиции его были устойчивыми. Доказательством этому может служить факт хлебопашества у казахов, кочевавших в долинах Кенгира, Джезды, Сарысу, зарегистрированный русскими путешественниками, учеными и этнографами в XVIII — начале XIX в.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Все, что говорилось в нашей книге о древних городах Казахстана, стало известно науке в последние несколько десятилетий, так как широкое археологическое изучение Казахстана началось сравнительно недавно, по существу с 30-х годов нашего столетия. Это, конечно, очень малый срок в археологии, если учесть, что раскопки многих памятников длятся десятилетиями. И не удивительно: ведь основные инструменты археолога — это лопата, нож и кисточка. И каждый год весной уходят в дальние маршруты люди, вооруженные этими простыми инструментами, но с огромным желанием узнать еще больше, конкретнее, достовернее.

Каждый полевой сезон приносит новые открытия не только в области средневековой археологии. Диапазон исследований охватывает огромный промежуток времени, начиная с эпохи появления нового человека. Археологи различных специальностей по крупицам восста-

навливают историческое прошлое народов, населявших территорию нашей республики.

Казахстан — огромная страна, на ее территории находятся тысячи памятников, которые еще ждут своих исследователей. Но уже сейчас можно с уверенностью сказать, что в древности здесь существовала самобытная культура, в течение тысячелетий создаваемая упорным трудом местного населения в тесном контакте с окружающими народами. Традиции и достижения этой культуры бережно хранились и передавались из поколения в поколение и вошли в духовную и материальную сокровищницу современных народов Казахстана.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ, РЕКОМЕНДУЕМОЙ ЧИТАТЕЛЯМ

А г е е в а Е. И., П а ц е в и ч Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 5. Алма-Ата, 1958.

Археологические исследования на северных склонах Каратау. Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР, т. 14. Алма-Ата, 1962.

Б е р н ш т а м А. Н. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

Древние скотоводы и земледельцы Казахстана. Алма-Ата, 1969.

Древности Чардары. Алма-Ата, 1968.

М а р г у л а н А. Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968.

По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Т о л с т о в С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.

Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина». Составлены под руководством А. Н. Бернштама. Материалы и исследования по археологии СССР, № 14. М. — Л., 1950.

ОГЛАВЛЕНИЕ

К читателям . . . 5

Введение 8

В краю семи рек . . 28

На Великом шелковом пути 29
Замки Кулана . . . 35
Древние виноделы . . 44
Купцы из Согда . . 50
Загадка Ахыр-Таша . . 58
Тараз — город купцов . 62
Города, затерянные в песках 77
Ранее неизвестные . . 91
Древние землепроходцы . 97
Крепость Аспара . . 118

Города Южного Казахстана 134

Две столицы Южного Казахстана 135
Отрарская катастрофа . 146
В низовьях Сырдарьи . 160
В долине Сырдарьи и на склонах Каратау . . 168
Баба-Ата 187
Города в степи . . . 197

Вместо заключения . 208

Список литературы, рекомендуемой читателям . . 210

Байпаков Карл Молдахметович,
Ерзакович Лев Борисович

«ДРЕВНИЕ ГОРОДА КАЗАХСТАНА»

Утверждено к печати Ученым советом
Института истории, археологии и этнографии
им. Ч. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР

Редактор *Н. И. Семенова*
Худож. редактор *И. Д. Сущих*
Художник *Э. Б. Мальцев*
Техн. редактор *В. К. Горячкина*
Корректор *Г. И. Воронцова*

* * *

Сдано в набор 19/II 1971 г. Подписано к печати 6/V 1971 г.
Формат 70×108 1/32. Бумага № 1. Усл. печ. л. 9,01.
Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 6100. УГ02806. Цена 1 р. 05 коп.

* * *

Типография издательства «Наука», г. Алма-Ата, ул. Шевченко, 28.
Зак. 29.